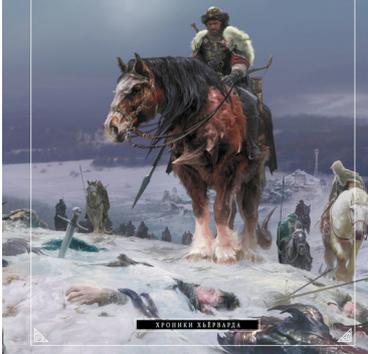


Ник
ПЕРУМОВ
ЗЕМЛЯ
БЕЗ РАДОСТИ



СЕРИЯ «СЕРИЯ»

Ник Перумов
Земля без радости (Книга Эльтары и Аргниста)
Серия «Миры Упорядоченного»
Серия «Хроники Хьерварда», книга 3

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=143834
Земля без радости. Хроники Хьерварда. Книга 3: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-26678-4*

Аннотация

Чем же сумели обитатели Хьерварда так прогневать своих старых Богов, что те покинули эту суровую землю, оставив ее без присмотра? Ведь теперь судьба целого мира оказалась в руках смертных, причем не самых лучших, но самых жестоких. И пока новые Боги не придут в подвластные им угодья, будет зваться этот древний континент Земля без радости.

Содержание

Пролог	4
Часть шестая	6
Глава I	6
Глава II	21
Глава III	36
Интерлюдия	45
Часть седьмая	53
Глава I	53
Глава II	61
Конец ознакомительного фрагмента.	74

*Весь мир сошел с ума.
Чума повсюду.
И в ней повсюду —
Буйные пиры.*
Адольф Галланд

Пролог

По залитой кровью траве смертного поля шли семеро. Четверо мужчин и три женщины. Все были измучены, мужчины вдобавок изранены. Они не знали, кто бился здесь, в этой реальности, чьи рати сошлись на поле брани и кто победил. Они оказались здесь случайно.

– По-моему, это Белоста, – нарушил тягостное молчание один, высокий и светловолосый, со странными белыми глазами без зрачков. Они казались заполненными чистым белым пламенем. Грудь у мужчины была разворочена, и непонятно было, как он ухитряется идти с такими ранами как ни в чём не бывало.

– Белоста... – эхом откликнулся низкорослый, смуглокожий крепыш. – Ты прав, брат. Это она. Я узнал...

– Мир демонов, – низким, грудным голосом произнесла молодая женщина, крепкая, коренастая, широкобёдрая. – Я бывала тут... и даже кое-что позаимствовала.

– А чья это идея – отправиться сюда? – вновь задал вопрос белоглазый.

– Похоже, мы все подумали в тот миг об одном и том же, – усмехнувшись, ответил смуглый.

– И стали... почти что людьми, – брезгливо проворчала женщина. Вторая спутница – тонкая, словно растущий побег, с копной непокорных соломенного цвета волос – по-прежнему хранила молчание.

– Это ничего, Ятана, – смуглолицый положил руку на плечо говорившей. – Могло быть гораздо хуже.

– Да и никакими людьми мы не стали, – вступил в разговор ещё один, высокий и черноволосый, с быстрыми, порывистыми, точно ветер, движениями, – разве ты не чувствуешь, сестра?

– Да, Ямбрен, людьми мы не стали, – подхватил огненноглазый. – И это внушает надежду.

– Красиво говоришь, брат Ямерт, – отозвался Ямбрен. – Тогда, помнится, ты не счёл нужным обратить внимание кое на что... и вот мы все здесь, и говорим словами, и принуждены идти, а не лететь, и для нас закрыт Астрал...

Вместо ответа Ямерт остановился и пристально взглянул на недалний холм, лысый и каменистый. Склоны тотчас же охватило бушующее пламя; ещё миг – и оно опало, повинаясь слабому движению брови хозяина.

– Не думай, будто меня убедят твои фокусы, братец, – тихо произнесла светловолосая спутница, на вид казавшаяся самой юной. – Хватит огня и крови. Я не участвовала в той войне и хочу вернуться.

Все остальные замерли, изумлённо уставившись на говорившую.

– Ты сошла с ума, Ялини, – медленно проговорила Ятана. – Вернуться – куда и кем? И, главное, под чью власть? Этих выскочек узурпаторов?

– Мне плевать на них! – резко бросила Ялини. – Пока вы стенали и охали, я попросила... кое-кого. И моя просьба была исполнена. Мне назначили испытание. Я уйду. Ятана и вы, братья, прощайте! И если окажетесь по-настоящему мудры, вы не станете мстить.

– Что она такое несёт? – взорвался Ямбрен.

– Прощайте, – повторила Ялини. Шагнула вперёд, молитвенно вскинула руки и... растаяла в воздухе.

А на месте, где она только что стояла, прямо из развершейся бездонной пустоты насмешливо взглянули на ошеломлённую шестёрку два очень странных зеленоватых призрачных глаза – о четырёх зрачках каждый.

Моей жене Ольге

Часть шестая

Глава I

тылая зимняя ночь. Хрустальные огоньки звёзд кажутся нацеленными в тебя злыми, несущими смерть оголовками стрел. Вдохнуть невозможно – мороз обжигает горло. Низко-низко над замершей, точно от страха, землёй мчатся подгоняемые незримыми бичами бешеных ветров обезумевшие, дикие тучи. Из распыленных, косматых тел опускаются вниз тёмные воронки-хоботы смерчей, будто облака жадно сосут из земли остатки с таким трудом сбережённого тепла.

Стылая зимняя ночь. Нет спасения ни в лесу, ни в поле, и даже огонь не защитит – напротив, предаст, подманив к твоему ночлегу неотвратимую Смерть. Всё живое, ещё оставшееся в этих краях, уже давно забилося в логовища – неважно, берлога ли это под корнями вывороченной сосны или обнесённый частоколом хутор. Кто не успел, того к утру не станет. Таков закон. Такова плата. С нею все согласны. А которые несогласны были... попытались когда-то, говорят, драпать на юг, да только все на Костяных холмах и сгнули. Собственно, с тех пор гряду и прозвали Костяной – черепа да рёбра до сих пор ветер по увалам катает. Никто не ушёл. Старуха-смерть своего не упустит.

Стены хором сотрясаются под напором ветра. Сотрясаются, несмотря на два слоя брёвен и торфяную подушку меж ними. По углам уже разлеглась изморозь, хотя в обеих печах и придверном очаге вовсю исходит синим огнем гномий горюч-камень, за немалую цену и с великим риском доставленный летним водным путём с гор Ар-ан-Ашпаранга. Дальние горницы и светлицы давно покинуты. Вся большая семья от мала до велика здесь, возле громадных печей. За перегородкой – скотина, ей тепло нужно не меньше. А коли падёт корова или, скажем, дойная лосиха, считай, половина ребятишек до весны не дотянет.

В просторной избе тихо. Только негромко позвякивают в лад струны на старом гареке в руках старика Фиорга. Один он умеет отогнать – пусть ненадолго! – гнетущую тоску этих ночных часов, когда снаружи вовсю ярится буря; а это значит, что Орда вновь вышла на большую охоту.

Фиорг начинает песню. Она тягуча и протяжна, эта песня, голос старика дребезжит и срывается, однако его все слушают, затаив дыхание. Он один умеет оживить гарек. А люди крепко помнят былое пророчество, что за немалые деньги изрёк проходивший мимо странствующий эльф-гадатель: «Доколе звучит гарек, дотолё стоять стенам Аргниста!»

Аргнист – это хозяин хутора. Сам он нездешний. Был когда-то сотником королевского войска, служил на юге, в самом зелёном Галене, где, болтают, море даже в лютовьютне не замерзает. А сюда попал, когда двинул его величество полки на Орду, думая покончить дело одним махом, да только и сам тут остался, и войско его почти всё здесь полегло. Аргнист уцелел чудом. А назад пробиться уже путей не было... Однако мужик оказался не из хилых – сумел к людям выйти, а потом и хозяйством обзавестись. Ну а за Защитником дело не стало...

Дверь скрипнула. Створка медленно отворилась, и из холодных, выстуженных сеней ворвался клуб пара. Через порог медленно перебиралась мохнатая шестиногая туша размером с пару самых здоровенных быков, туше поспешно уступили дорогу.

Защитник обессиленно вытянулся возле самого огня, протянув иззябшие щупальца и лапы к огню. Клешни прятались в меховых сумках по бокам и оттого не столь сильно страдали от холода. Большие лиловые глаза слезились, шерсть на черном носу превратилась в частокол жёстких сосулек. Он опрокинулся на спину, задрал вверх все шесть лап, и бабы по

лёгкому знаку Аргниста тотчас потащили ушаты с горячей водой и чистые тряпки. Ежели Защитник себе лапы поморозит или там собьёт, хутору, считай, уже не жить.

Трое детишек лет десяти-одиннадцати, все худые, в ранних рубцах и шрамах на лицах, бросились вычёсывать густую и длинную белую шерсть. Тоже дело серьёзное. Вшей там или блох снежных – этого Защитник не переносит. Сон теряет, покой, аппетит, а это значит – не выдержит первой же схватки, ежели, к примеру, с откормленным хоботьярой столкнётся.

– Эй, эй, там, ручек-то не жалеть! – прикрикнул на ребятишек Аргнист, но больше не по необходимости, а так, для порядка. Парнишки и без того старались вовсю, девочка, как могла, пыталась не отставать, то и дело сдувая лезущую в глаза непослушную золотистую прядь. Отменная выйдет хозяйка, и продать её уже по весне, коли доживёт, можно будет дорого...

Арталег, средний сын хозяина, поднялся, подтащил к придворному очагу лопату угля. Арталег, он громадный, точно медведь-варкис, и такой же волосатый. И до баб жадный. Своя жена, Саата-травница, с пузом ходит, так он теперь, что ни вечер, кого-то в сенях наяривает. Холод дикий, зубы лязгают, а ему ничего. Задирай, баба, юбки да нагибайся – и всё тут. И нагибаются. А что поделаешь? Сын хозяина всё-таки...

А что с лопатой сам пошёл, то дело понятное. Уголь, он в зимнюю пору дорожке бывает и хлеба, и пушнины. Наймиту подбрасывать не поручишь: того и гляди, сопрёт кусок прямо из огня – в клетушке своей потом печку гонять, девуку мять, богов ложных тешить...

Тихо в покое. Лишь струны гарека тренькают. Играет Фиорг недурно, да только что ж опять всё без слов?..

Саата, что сидела подле самой печи с ещё тремя непраздными, как и она сама, молодухами, вздрогнула. Тонкими ладонями с длинными пальцами, какими бы золотом вышивать, а не вилами орудовать, – тонкими ладонями прикрыла лицо, тяжело задышала...

Обмерли все. Саата, говорят, не просто травница, а едва ли не самая настоящая ведьма, и потому силой своей бесовской Орду завсегда чует. Ну, сейчас решится всё – к нам? Не к нам?

Фрафт-золотарь с женой своей тоже глаза закрыли – вроде как молятся. Понятное дело – третий хутор за два месяца сменили!.. Неужто и теперь?.. И Защитник, надежда всеобщая, тоже встрепенулся. У него доля совсем тяжкая: замёрз не замёрз, но коли уж подвалила Орда – поднимайся и выходи. Работу твою за тебя никто не сделает.

Жуткая тишина в горнице. Слышно, как мыши скребутся. Хотя нет, и они примолкли. Если что, и им не уцелеть. Значит, верно – Смерть совсем рядом. Ну, сейчас...

Защитник вдруг весь обмяк как-то, щупальца вновь к огню протянул. И все разом выдохнули – да неужто?! Неужто подвезло наконец-то?

И верно – пронесло, защитили Боги Истинные, Хедин с Ракотом Милостивцем. Отвели беду. Саата вздохнула, на лавке откинулась... Мимо Орда прошла.

Ух, зашевелились-то как, зашебуршились! Кое-кто засмеялся. А вот молодой Капрод к Лиисе за пазуху полез на радостях. Того и гляди, завалит сейчас, прямо при всех... А что? Это он может. Да и понятно – когда Орда в сторону от твоего хутора сворачивает, ещё не такое выкинешь. А делать сейчас больше нечего. Нет, руки-то почти у всех заняты – кто древки стругает, кто оголовки насаживает, кто мечи с топорами острит, кто верёвочку вьёт... Бабы – те прядут или вяжут; грудничкам Саата отвара сонного сварила, а детишек постарше тоже к делу приставляют. Но работы настоящей, мужской, нет, пока буря не кончится и дом выстужать не перестанет. Вот в такие вечера и строгают детишек все, кому не лень, – просто от скуки да чтобы страх заглушить...

Но ежели не к нам, то к Нивену? Орде здесь иной дороги нет. В эдакую ночь если уж её Властелин Чёрный, Безыменец проклятуший, из лежбищ повыгонял, то, тёплой крови

не напившись, Орда спать не уйдёт. У неё тоже ведь просто – человека не изловил, значит, ослаб. Вечером или утром тебя свои же сожрут.

– Алорт! – Голос у Аргниста зычный, сильный, привык сотней своей командовать, так с тех пор никак отучиться не может. Уж сколько раз из-за голоса своего громкого в беду попадал – не перечить! – Открывай заслонки. Передний хлев с конюшной обогреть, как обычно. Эй, пузочёсы! Хватит баб щупать! Кушаки подвязывай да мечи надевай. На всяк случай. Кто его знает, как оно у Нивена ещё повернётся...

Таков он, Аргнист-сотник, неуёмный, хотя уж на шестой десяток перевалил. Мужиков поднимает, хотя никто ещё «караул!» и не кричит. С Ордой драться – на то Защитники есть. Хотя, бывает, и они не справляются, тогда уже мужикам хуторским за мечи да секиры с копьями браться приходится. Ну а коли дела совсем плохи, за подмогой к соседям посылают. Правда, если уж ты её, подмогу эту, вызвал, то готов будь, что сосед плату потребует: леса ему подвезти, частокол обновить или девку пригожую замуж за парня своего выдать. Впрочем, если он, сосед твой, в свой черёд о помощи попросит, ты с него то же самое сможешь потребовать...

Недовольны мужики. Но хозяину никто не перечит. Невелик труд – воинскую справу надеть, а потом снять. Ладно, ничего. Пускай. Зато справедлив хозяин: и долю урожая не зажимает, звонкой деньгой отдаёт, не то что Нивен-сквалыга. Тот, говорят, своим, было дело, брёвнами долю предлагал. Берите, дескать, да продавайте – моя какая забота? Чем долю платить, ни в каком Своде не сказано...

Но сейчас, коли сосед в беде, каким бы он ни был, надо выручать. Потому как один на один с Ордой останешься – никакие Защитники не помогут. Вот и надевают мужики воинскую справу, натягивают тёплые, шерстью местных овец стёганные подкольчужницы, поверх – железные кольчатые рубахи, в большинстве своём гномами кованные. Аргнист – хозяин не бедный и на оружие для своих денег не жалеет. Потому как на золотой поскупишься, потом жизнями расплатишься. Вот как Нивен, к примеру. Доспех у подгорных мастеров одному себе заказал, остальные кто чем довольствуются. Ну и гибнут, конечно же, гибнут, гибнут, гибнут... И-эх, да что ж это за жизнь у нас такая распроклятая! Да откуда ж на наши головы Орда эта такая-разэтакая!.. Бают ведь старики: было время, когда про эту самую Орду никто и слыхом не слыхивал...

Прогремело по горнице оружие – и вновь тишина. Дети молчат, только глазёнки испуганные поблескивают. Чей батянька к утру бездыханным в снег ляжет? Бабы многие губы кусают, глаза – уже видно – слезами набухли. Двинутся мужики за порог – такой вой поднимется!.. Хорошо ещё, Деера, хозяйка, Аргниста, значит, супруга законная, им пример не подаёт. Известное дело – жена сотника выть на людях по мужу, на брань уходящему, никак не должна. Вот и сейчас – подошла к Аргнисту, высокая, прямая, чинно поцеловала в уста, поклон отбила и отошла. Дел немерено, некогда прощания тянуть, душу рвать, горе слезами заливать.

И снова тишина. Только ветер снаружи воеет – ну ровно кошка, которой на хвост наступили. Ожидание – пытка лютая. Скорее бы уж! Сколько в горнице глаз – все на Защитника смотрят. Он спокоен, ему-то что – не его хутор атакуют, значит, можно у печи греться. Аргнист своего меньшего, Армиола, наверх погнал, на дозорную вышку, значит. Хутор Нивена хоть и за лесом, а вышку соседскую всё равно видно – ну, если день на дворе, конечно. А на случай ночной атаки тоже всё потребное имеется – рогожами тщательно укрытый горючий порошок. Тоже от гномов. Его и на подступающую Орду хорошо сыпать, и сигналы соседу подать. Горит так ярко, что видно сквозь любую хмарь, факелом только в рогожу ткни – и на всех окрестных хуторах тотчас узнают, что дело плохо и нужно слать подмогу.

...Армиол выскочил на узкую, раскачивающуюся под напором ветра дозорную площадку. Закрылся рукавом – хоть и узка щель в простёганном капюшоне, а лицо ледяные

порывы режут точно ножом. Руками в толстых, медвежьего меха, варежках вцепился в поперечную жердину перил – того и гляди, вниз сдует! Щурясь, парень огляделся.

Тьма, тучи, снежные звери в воздухе расплясались, разгулялись в диком танце, так что ни зги не видно. Ближнего леса край – и тот утонул во мраке. В ушах только свист ветра...

Морозные струйки медленно, но верно пробивали себе дорогу к телу, обходя все преграды, точно искусное войско. Сколько ни надевай на себя шерстяных рубах да меховых курток, холод всё равно тебя достанет. Долго на вышке не прстоишь. Отец это знает, и, значит, смена вот-вот появится...

И тут в самой середине мятущихся снежных облаков внезапно вспыхнула ярко-алая звёздочка. Армиол обмер. Красный сигнал, сигнал общего сбора! Такого он на своей памяти ещё ни разу не видел. Белые – часто (и самому дважды такие подавать случалось), это чтобы на помощь соседей ближних позвать. Жёлтые – трижды, тогда два-три хутора поднимаются. Ну а уж красный огонь возжечь – это значит, дело до края дошло. Спешите все, кто увидит, или мы погибли!

Парень кубарем покатился вниз по обледенелым ступеням. Вихрем промчался по пустым горницам и, себя почти не помня, ввалился в общую.

– Отец... – слова на губах стынут, – отец! Красный огонь у Нивена!

Все так и обмерли. Красный огонь! Это значит – быть битве для всех насмерть. Тут уже не до счёта жизней.

Аргнист вскочил. Лицо жёсткое, за окладистую бороду себя дёрнул и взмахнул рукой. Молча. Для чего слова-то? И так всё ясно. Умирать идём, братцы!

Бабы взвыли дружно, ну ровно сговорившись. Даже Деера и та вздрогнула и губу прикусила. Ох, затевать по заре похороны!

Оружием звеня, двинулись. Конюшню к тому времени уже поднагрело – не зря Аргнист велел заслонки открыть, тепло, от детей отрывая, к боевым коням гнать. Сквозь такую бурю только на коне и проберёшься. Вернее, на нашем коне. Он, конечно, на всем привычную лошадь очень похож, только раза в полтора крупнее. Весь мехом покрыт, так что стужи, почитай, и не боится. Но чуднее всего ноги. Могут и копытами обернуться, и мягкими, широкими пластовнями-лапами, что по любому снегу пройдут. Конь этот может сугробы и грудью таранить, и поверх пробираться. И в бою ему цены нет – все бока и грудь в роговой броне, словно у настоящего дракона, только шерстью поросшие. Стрелы отскакивают, да и в Орде тварей, чьи зубы или когти этот панцирь осилят, раз, два и обчёлся. Хвост гибкий, с роговым клинком на конце – одним движением кабана пополам рассекает. Рыцари из Ордена Звезды, что рубеж свой на юге держат, за такого коня несчётные деньги предлагают. Да только не найдётся никогда хуторянина, чтобы на золото их польстился. Потому как те рыцари – они, конечно, с Ордой воюют, на юг её не пускают. Но губа и у них не дура: новые земли к рукам своим загребушим прибрать. Дрались с ними хуторяне не раз в прошлом – и до Орды, и при Орде уже, до тех пор, пока король великий, Грейстард, не взял северных земледельцев под свою руку. Воистину великий король был: и рыцарей приструнил, и оружием помогал, и даже колдунов придворных слал...

Со скрипом отодвинулись тяжёлые, из дубовых брёвен в полный обхват, ворота. Сугробы намело такие, что на петлях створки не повернуть было бы и десятку богатырей. На всех хуторах ворота не открывались, а отодвигались в сторону сложной системой канатов и блоков.

Открылся чёрный провал. Снег крутится, мечется, ровно неупокоенная душа отцеубийцы. Ну, копыта на руку, щиты за спину – вперёд, братья!

Хрипя и рыча, словно голодные волки, кони рванулись вперёд. Им всё едино – снег ли, ветер или вообще светопреставление. Особенно если хорошо кормлены и перед дорогой согреты. Теперь – короткой, торной дорогой к хутору Нивена. Конечно, завсегда лучше всем

многолюдством наваливаться, но, когда дело о стольких жизнях идёт, не до высоких воинских искусств. Орду задержим – и то ладно.

Миновали поля. Кони на лапах своих идут по сугробам, словно по земле твёрдой. Всадники все как один головы капюшонами накрыли – им на дорогу смотреть нечего, кони сами путь отыщут. Побереги глаза до соседского хутора, воин. Там капюшоном от ветра не отгородишься.

Пошли Лесным Пределом. Тут ветер как будто чуть приутих – вековые деревья, сосны да ели, какая ни есть, а всё ж защита. Отринь мысли тёмные, воин. В бой надлежит весёлым идти, как на свадьбу, тогда и враг перед тобой отступит, коли поймёт, что Костлявой ты не слишком страшишься... Ну а ежели худшее случится – ранят тебя или с коня стащат, – то помни, что в подшлемнике ягода волчегон вшита. Раскусишь её – и всё. Тихо, без боли, без страданий уйдёшь.

Быстро бегут откормленные, сильные кони. Знают, что впереди битва, и оттого надают ходу, сами, без понуканий. До соседского хутора полчаса хорошего конского бега. А сейчас, с поспешанием, и того быстрее доберёмся...

Армиол же, сам горячий, своего скакуна горячит ещё больше, мало что вперёд отца, Аргниста, вырываясь. Смелый парень. Себя не щадит, в бою об осторожности не думает. Уж Аргнист его и словесно вразумлял, и вожжами даже поучил – всё без толку. Рвётся парень в самую гущу, строя не держит, спину открытой оставляет... Братья уже дважды спасали, а ему всё не впрок. Вот и сейчас – Аргнист покосился неодобрительно, но сказать уже ничего не успел – раздвигаются деревья, в стороны расступаются, и вот они, поля соседские, вот он, Нивена хутор!

И – Орда вокруг него.

Они успели вовремя. На поле светло как днём; не жалеет Нивен горячего порошка, хоть и скуп, а знает, что сейчас время все запасы в дело пускать. Продорожишься – жизнью расплатишься. Первый частокол весь горит; ров дохлыми тварями Орды завален; видно, где Защитник проходил. А нивенские все уже внутри, со вторых стен отбиваются. И, видно, дело их худо. Хоботяры на крышу пытаются вскарабкаться, жуки-стеноломы нижние венцы срубов ломают, многоглавцы ядовитым дымом плюются (Защитник-то где?! Этих-то тварей он к хутору подпускать никак не должен был!), рогачи живой примет строят, чтобы, значит, шестилапых зубачей наверх запустить. Клювокрылы в воздухе вьются, выжидают, когда кто-то во дворе на открытом месте покажется. Вот они-то первыми и пожалуют. Аргнист резко натянул поводья.

– В круг! Лучники! Готовься! – никак от старой своей речи не отучится. Всё по привычке командует, ровно новобранцами на плацу. Народ и без того знает, что делать...

Заботливо сберегаемые охотничьи луки растянуты до самого уха. Стрелы боевые, оголовки гномами кованы – давно замечено, что подгорную сталь Орда не любит куда больше человеческой; вот клювокрылы расчихали наконец, что к чему, развернулись, пасти пораспахивали – клыки у них алым огнём горят, чтобы, значит, испугать верней – и вперёд.

Аргнист уронил руку, и тотчас же в вой ветра вплелось дружное и злое пенье десятков спущенных тетив. Северным охотникам никакой ветер прицела не собьёт. Выстрелили хорошо, дружно, стрелы ушли кучей, и добрых три четверти воткнулись в широкую грудь клювокрыльего вожака. У него хоть тоже чешуя роговая на теле, да только тонковата она супротив стрел, тонковата! Ишь, крыльями забил, набок завалился... всё, сейчас в снег сядет... и верно! Сел! Ну, теперь докончить!

– Арталег!.. – Аргнист в стремених привстал, капюшон откинул, вперёд смотрит. Знает, средний сын с клювокрылом сам справится – он и его десяток. А у Аргниста сейчас на уме другое – понять, куда этой Орде ударить, да так, чтобы её от вторых стен оттянуть, пока

остальные отряды не подспеют!.. Скорее, скорее решай, сотник! Из бойницы хутора уже факелом тебе на шесте машут – дескать, атакуй скорее, мочи нет держаться!..

Что ж, дело ясное. Через снесённые ворота к тому месту, где рогачи свой примет возводят. Там опаснее всего, первое ворваться негде.

Вновь Аргнист руку взбросил. Молча, без слов. И дал коню по бокам.

Арталег тем временем со своими подбитого клювокрыла окружили и, не рискуя попусту, мечут в спину твари обоюдоострые секиры, каждая на кожаном ремне, чтобы выдернуть можно было и в руку вернуть, к зверю не приближаясь. Клювокрыл – тварь живучая и хитрая, но ежели в самом начале драки их вожака завалить, остальные как-то теряются, трусят и в бой не ввязываются. Но вот если по вожаку промазать...

Аргнист же тем временем свой клин к воротам повёл. Тварей и тут хватало, но по большей части мелочь – кони с такими сами справляются. Змеи какие-то многоногие, ящерицы двуглавые, черви в руку толщиной... И прочая мерзость, которую описывать – никакого пергамента не хватит. Все какие-то с причудинкой: нога от одного зверя, хвост от другого, туловище от третьего, а голова и вовсе только в страшном сне приснится. Словно лепили её из глины, лепили, эту голову, а потом рукой махнули, несколько раз об стену швырнули, ногой пнули да о порог шмякнули, а потом уже в печь сунули...

До ворот конники Аргниста дошли, как нож горячий сквозь масло, – Орда не успела перестроиться. Копья вспарывали светло-серые панцири броненосцев, топоры разрубали черепа прыгунов-кусачей, кони хвостами и грудным рогом расчищали путь дальше. Со стен хутора пытались помочь. Верно, Нивен бросил в дело последний запас. Но где же, во имя Ракота Милостивца, где же Защитник Нивена?!

А Орда уже смекнула, в чём дело. Рогачи проворно рассыпали с таким трудом наведённый помост и, нагнув рога, ринулись в контратаку. Хоботяры опустили лапы-хоботы и тоже развернулись к дерзким пришельцам. Четыре десятка всадников оказались в полукольце. Открытым оставался лишь путь отступления к воротам. Обычный план – ворваться и двинуться вдоль стен навстречу Защитнику – не сработал.

Ну, братие, дело будет жарким! Пятимся, пятимся, копьями тычем; кто там назади тетивы рвёт, ежели рогачу или там хоботяре стрелы в гляделку ихнюю вогнать, считай, они уже из дела выбыли. Прёт и прёт сплошная стена: рога, клювы, пасти, когти, морды оскаленные, щупальца мохнатые – дряни-то, Хедин, сохрани и помилуй! Умно прут, строя не разрывая. Копья их сегодня не остановят. На мечях уходить придётся.

Тут, правда, подмога приспела – Арталег со своими. Верно, клювокрыла добились – и к воротам. Арталег ревет, ровно медведь при случке; топором одному рогачу голову снёс, копьём броненосца проткнул – древко в туше осталось...

Всадники Аргниста отступали. Тесным, сомкнутым строем, выставив перед собой частокол пик. Через головы передовых часто били лучники.

Рогачи, хоботяры, ногогрызы, костоглоты, броненосцы, брюхоеды, стеноломы, главопасти – все они наступали в строгом порядке. Другая часть Орды продолжала штурмовать хутор, чтобы осаждённые не смогли подать помощи всадникам Аргниста. У чудовищ всё делалось словно в хорошем войске – каждый знал свою задачу и исполнял её свято.

Но, как бы то ни было, одно Аргнисту уже удалось – он отвлек на себя часть сил Орды и тем самым облегчил положение окружённых. Теперь следовало выманить тварей подальше в поле: там легче дать бой, когда подспеют на подмогу соседи. Однако старого сотника неотступно мучила и ещё одна загадка – где же всё-таки Защитники Нивена? Их ведь в каж-

дом хуторе пара – службу несут, сменяясь, а уж если что-то серьёзное, оба в дело вступают. И редко, очень редко было, чтобы хоть один из Защитников погиб.

Хорошо обученные кони пятятся шаг за шагом. Древки копейные давно в кровище – синей, чёрной, Бог весть в какой; и воняет она гадостно. Спина пока прикрыта – держимся, братие! Вот только где же подмога? Самое время соседям бы приспеть... Армиол, младший Аргнистов, глянь-кось, опять вперёд полез. Неймётся парню. Жадный до боя – спасу нет. А так робкий, тихий, никто и не скажет, что хозяина сын. Девку ни разу не щупал – стесняется. Зато на поле смертном мало кто его переможет. Вот и теперь рогач один чуть дальше, чем надо, из строя высунулся, шею толстую, всю в складках зелёной, жиром лоснящейся шкуры открыл, а копьё Армиола тут как тут. Аккурат в ярёмную вену, так что кровь чёрным фонтаном брызнула. Смерть чуя, взревел рогач, вперёд дуrom посунулся, ну и получил тотчас. Секиры Армиол мечет, что твоя вышивальщица узор на ткань бросает. Тут ведь силы особой не надо, для секиры-то; главное – закрутить как следует. Лезвие у неё скруглено, так что она не просто рубит, а скорее даже режет, ну, как сабля хорошая...

Алорт, старший, на правом крыле тоже не отстаёт. Рванулся вперёд было один хоботяра, из тех, что посмелей, до человечины самый жадный, справа у него броненосец клыки скалит, слева брюхоед зенки, мраком налитые, вылупил, между лап у него пара ногогрызов, а сверху, на спине, костоглот примостился – атака честь по чести. Молодой конь одного из мужиков замешкался что-то, и твари уже рядом. Заржал конь, дико заржал – понял, что надедал, хозяина в самые лапы к Костлявой привёз – и хвостом ударил. Аккурат хоботяре по глазу. Лопнула жуткая гляделка, хоботяра взвыл и хоботом своим цап коня! Хорошо, успел тот всадника сбросить... Но, как ни крути, строй нарушился. Пришлось Алорту собой прореху затыкать...

Алорт коня на дыбы – и копьём хоботяре во второй глаз! А секирой, что на ремне, броненосцу в рыло! А конь его, Жардан именем, тот костоглота, вперёд метнувшегося, на рог грудной поймал. Хоботяра ослепший ударил лапами – древко копейное, ровно лучинка, переломилось. Броненосец зарычал, захрипел, забулькал – рыло у него раскроенное, там, где пасть была, сплошная рана зияет, – поднатужился, поднапружился и вторую пасть выдвинул. Правда, уже меньше прежней. Но тут мужики Алортова десятка навалились, взяли тварь на копыя. Ногогрыза одного Жардан затоптал, второй сам убёг. Брюхоед, правда, остался – прёт и прёт себе. У них, брюхоедов, известное дело, рассудительности меньше, чем у моли. Только и умеют, что вперед ползти да жрать всё, что по пути попадётся...

Ну, когда он один остался, тут ему конец и пришёл, брюхоеду этому. Два копыя в шею вогнали, да и Алорт секирой добавил. Хоботяра же с буркалами выбитыми назад повернул – хоботяры, они сообразительные...

На первый взгляд покажется, братие, что с Ордой драться – ума большого не надо. И зачем Защитники, мол, коли сами тварей накрошили немерено? Так-то оно так, да на деле совсем не так. Тем и страшна Орда, что можешь ты свалить этих броненосцев и одного, и двух, и трёх, а из леса к твоему хутору будут всё новые и новые ползти. Так и возле нивенского хутора обернулось...

Пять десятков всадников Аргниста оказались вытеснены в чистое поле. Кольцо вокруг них стремительно сжималось. Из крутящихся снежных вихрей, словно чудовищный ночной кошмар, одна за другой возникали всё новые и новые шеренги тварей Орды. Большинство ковыляло мимо, к горящему с одной стороны хутору Нивена. Несколько мгновений – и Аргнист велел перестроиться, заняв круговую оборону. Продержаться совсем немного... Харлаг, Дромар, Эргаст вот-вот подоспеть должны. И тогда...

Не получают, братие, против той Орды лихие верховые атаки. Как бы быстро ни мчался ты по полю, Орда тебя всё равно остановит. Она ведь потерь не считает. Ей всё равно, сколько тварей сегодня ляжет, – завтра из лесов новые выползут. Упрешься рано или поздно в осклизлый барьер копьями твоими пропоротых туш и остановишься. А Орде только того и надо. С боков да со спины нападать – на это её твари известные мастера.

Первым подоспел Харлаг. У него хутор большой, восемь десятков в седло садятся. Он, хоть королевским воином никогда и не был, Аргнистовы наставления слушал внимательно – и ударил как подобает. В спину тем, что лезли на кольцо всадников старого сотника.

Плотный клин конных копейщиков смял, раздавил и разбросал в разные стороны накатившую было волну чудовищ. Оставил на своём пути лишь истоптанный, залитый дымящейся кровью и заваленный изрубленными, исколотыми тушами снег. Широкоплечий бородач с окладистой бородой мало что не до пояса приветственно махнул рукой.

– Хо, Аргнист! Красный огонь увидел? Я вот тоже как заметил – сразу сюда. Что здесь делается-то, а? Защитники где? Куда ударим?

– Защитников не видать, – старый сотник едва мог перекричать вой и свист непрекращающейся бури. – Ударим к воротам. Я там уж был – вынесли... Если Орду от стен не отбросим, Нивену каюк.

– Да неужто он обоих Защитников потерял? – подивился Харлаг, поглаживая бороду. – Отродясь такого не припомню!

– Я тоже, однако ж не видел их никого. Всё, братие, пошли, веди своих!

Теперь в клине шло тринадцать десятков тяжеловооружённых всадников. Харлаговы заорали, требуя их вперёд пустить, – мы, дескать, свежее. Ударили. Второй раз разбросали сонмище тварей перед собой, второй раз выстлали снега чёрным ковром, второй раз вломились в ворота – и вовремя.

Потому что жуки-стеноломы уже прошибли железными лбами своими два широких пробоя во внутренних стенах, стали видны вскрытые внутренности хутора. По обледелым брёвнам вверх ползли ногогрызы, костоглоты и прочая мелкота; за ними скапливались броненосцы, а поверх их широких щитов готовилась к решительному натиску кавалерия рогачей. Хоботяры не показывались – верно, атаковали хутор с противоположной стороны. Это у них в обычае, даже, можно сказать, в крови: всегда только с двух сторон бить.

Всадники по пять-шесть разом протискивались в ворота. Орда уже выстроила обычный оборонительный порядок; основой его, станovým хребтом стояли рогачи, наклонив лобастые головы с длинными заострёнными рогами. Рога эти не простые, каждый может удлиниться и укорачиваться – ну ровно человек копьём бьёт. Правда, пока это у них ещё чуть медленнее выходит, чем у человека, и в том спасение наше, братие!

Внешний частокол хутора всё ещё горел, из защиты превратившись теперь в помеху – из-за него всадники не могли развернуться. Но делать нечего. Придётся и на рога идти.

– На харга брать придётся, – рявкнул Харлаг. – Эй, копьё ать!..

В высоком и узком окне стены хутора мелькнула еле заметная во мраке фигурка – девчушка с факелом. Простоволосая, в одной меховой выворотке, высунулась по пояс и заголосила:

– Сосе-еди! Спасе-ай-те! Орда уже внутри-и-и!.. – Слова её превратились в истошный визг. Факел зашатался, на мгновение показалось мохнатое щупальце, ухватившее девчонку поперёк туловища, и понятно стало: раздаётся там сейчас утробное урчание, треск, дикий визг и глухое ритмичное уханье. Хоботяра дорвался. Девчонку насиловать для этих тварей первое удовольствие, сильнее даже, чем пожрать. И вся снасть мужская у них для этого имеется.

Тут-то, братие, кровь в голову и бросается. Тут-то, братие, в глазах-то и темнеет. Тут-то, братие, душу и скручивает так, что уже ни рогов, ни клыков не замечаешь. И, ярость твою чувствуя, кони тоже ярятся. На рогачей идут, словно на костоглотов каких-нибудь.

– Режь!!! – взревел Харлаг, да так, что даже ордынские твари опешили – отшатнулись. Хуторяне бросились вперёд, не думая больше о собственных жизнях. А такое редко бывает. Кони и рогачи с броненосцами и брюхоедами сшиблись грудь в грудь; на утоптанном снегу внутреннего хуторского двора лапы стали не нужны, и скакуны обратили их в копыта – острые, убийственные, смертоносней лосиных. Локран, конь Аргниста, вонзил грудной рог в горло рогачу; вонзил, выдернул, вновь вонзил... Аргнист, метнувшийся навстречу, рог отвлё щитом и копьём твари в глаз, да так, чтобы рожон остриё из затылка выставил... Под ноги Локрану пара костоглотов бросилась – одного конь копытом разmozжил, другого мечом зарубил сам сотник, с седла перевесившись.

И сломали, смяли плотный ордынский строй хуторяне! Грудь в грудь ударили, кровью своей снег окропили, но прорвались. И хотя взяли рогачи кое-кого – и людей, и коней, – поздно уже было. Кто впереди оказался, тот тварям Орды в спину ударил. Погуляли рогатины да секиры по чешуйчатым спинам, поносили мечи уродливых голов всласть! И кони не отставали. Костяными жалами своими куда как лихо панцири броненосцев вскрывали...

Разделившись на два потока, всадники огибали хутор, рубя и пронзая копьями всё, что могли. Защитников по-прежнему видно не было, а вот проломов и пробоин в стенах хутора обнаружилось предостаточно. И внутрь уже прорвалось немало тварей Орды.

Горящий частокол с треском рушился, к небу взлетали фонтаны янтарных брызг, тотчас же уносимых ветром в глухую и морозную ночь. Снег истаявал, исчезая под натиском щедро разлитой по нему горячей крови. Дымящиеся внутренности волочились за умирающими тварями Орды, стонавшими в предсмертной агонии совершенно неотличимо от людей...

Аргнист повернул своих. Примерно три десятка воинов, спешившись, ринулись внутрь самих хуторских строений. Полы скользки от пролитой и успевшей замёрзнуть крови. Мертвая туша рогача... разрубленный молодецким ударом надвое броненосец. Три или четыре костогрыза с разmozжёнными ударами молота черепами... а вот и их победитель – кузнец Маргат, добрый кузнец, с наполовину выпотрошенным животом лежит, раскинув руки, рядом – пудовая кувалда... Дальше, дальше, дальше... брюхогрыз, в спине сразу три копыта... женщина средних лет, лицо снесено начисто, рядом, с секирой в черепе, главопасть...

А вот и они – живые. Шевеляющаяся, визжащая, вопящая стена схватки. Узкие коридоры, где едва размахнёшься мечом, залитые кровью уже не только полы, но и стены, и потолки...

Нивенские ещё держатся. С трудом, но ничего – мы-то уже здесь, братие!..

И с налёту, с размаху, от всей души, всей силой ярящей тебя ненависти – копьём в бугристый затылок рогача, или в уязвимое надхвостье броненосца, или в бок брюхоеду, куда угодно, лишь бы побольше чёрной крови! Твари дёргаются и бьются, а ты шагаешь через них, и вновь замахиваешься, и вновь бьёшь, платя тварям Властелина Тёмного в такие мгновенья за всё: за убогую, унылую, безрадостную жизнь, в постоянном унижительном страхе, за похищенных и сожранных детишек, за осквернённых девушек, за разорённые родовые гнёзда, за смерти... за всё. Ты платишь по высшему счёту.

Вмиг искрошив со спины тех тварей, что напирала на нивенских домочадцев, воины Харлага и Аргниста бросились искать самого хозяина. Потому что Защитников нет... и каким бы невероятным это ни представлялось, похоже, оба они погибли... а это значит, что Нивену теперь решать, драться ли его хутору дальше (а без Защитников он не продержится и одной ночи, соседей каждый раз красным огнём звать не станешь), или же сказать: «Всё. Уходим».

А тем временем на улице продолжался бой. Орда не признаёт поражений. Её невозможно победить – только отбросить на какое-то время. Она всё равно вернётся. Не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра, но вернётся.

Командовал Алорт, старший сын Аргниста. Ему повиновались и воины-родовичи, и приведённые Харлагом бойцы. Едва ли Нивен рискнет остаться в этих развалинах, а это значит – нужно расчистить дорогу отхода, когда повезут на санях уцелевшее добро, детей, баб, стариков...

Дромар и Эргаст подросли вовремя. У них отряды всего по три десятка, но в таком бою каждое копьё на вес золота, как у гномов говаривается. Опытные воины, новоприбывшие сразу смекнули, в чём дело, ударив по Орде с тыла и расчищая самый естественный и короткий путь отхода – дорогу на хутор Аргниста.

Аргнисту повезло. Он добрался до Нивена быстрее, чем трое шустрых ногогрызов в компании с броненосцем и главопастью. Главопасть, самую опасную из всех, рубанул секирой (копьё давно сломалось в схватке), броненосцу вогнал меч под складку панциря, ногогрызов же одного за другим прикончил сам Нивен.

– Уф, сосед, ну задал же ты нам работёнки. – Аргнист снял шлем, утирая мокрый лоб. – Защитники-то где?

– Нету их больше, Аргнист, – Нивен хлюпал носом, слова вырывались сдавленные и неразборчивые. – Нету, понимаешь? Обоих. Полегли вмиг. – Он плакал, не стыдясь.

Лицо у Нивена красное, обветренное, морщинистое, а вот бородёнкой он не вышел – реденькая она у него, словно у песчаного гнома. Глаза глубоко посаженные, хитрые, и шрамов на лице куда меньше, чем у Аргниста.

– Полегли вмиг? – поражается Аргнист, вновь надевая железный колпак. – Да как же такое может быть?..

– Может, сосед, может, – Нивен усмехается криво, мёртво, – новая напасть подвалила. Сперва решили – рогачи; ан нет! Руки у них человечесьи и силы необычайной. Защитники всё равно с ними покончили, но и сами не выжили!..

– Плохо дело, – медленно произнёс старый сотник.

Дело Нивена и впрямь обстояло хуже не придумаешь. Бросай теперь насиженное место, уводи народ, проси соседей ближних да дальних приютить, не дать сгинуть несчастным... И сам себе тёплый угол ищи, чтобы не под елью сдохнуть... Хотя многие именно это и предпочитали, не снеся позора.

Потому что места у чужих очагов так просто не достаются. Твоих хуторян разбросает по всей округе – туда две семьи, туда три, – больше уже не соберёшь. Войдут в новые кланы, им присягнут на верность. И займутся самой грязной и чёрной работой, какая только есть на хуторах, сменив своих предшественников... Так что золотарю Фрафту недолго отхожие места чистить. Другие желающие найдутся. Потому как зимой в Лесном Пределе ты или на хуторе кроешься, или, извини, воронов собой кормишь, если, конечно, волки раньше не доберутся.

Знает всё это Нивен, и потому, хоть бой и выигран, хоть Орда и отброшена – Арталег подросел с донесением, – плачет он, слёз не утирая. Нищим сидельцем быть ему теперь, и кто знает, останется ли с тобой хоть кто-то, кроме жены...

Аргнист молчит. Говорить сейчас нельзя. Такое горе словами не лечится.

– Созывай своих, – говорит наконец старый сотник. – Всем по домам пора. Не ровён час, сам знаешь...

– погоди, Аргнист... – Глаза у Нивена сейчас совершенно бешеные, ровно у того, кому на смертном поле сейчас в погибельную атаку идти. – погоди, сосед! Об одном тебя молю – дай мне до завтра время. Подумать, покумекать, с молодцами моими потолковать. А завтра, ежели что...

– Ты что же, завтра снова красный огонь зажжёшь? – нахмурился Аргнист. – Снова соседей собирать будешь? Смотри, сосед, расплатиться не сможешь! А без моих да Харлаговых парней как ты через леса пройдёшь?!

– Сосед... – Глаза у Нивена кровью налиты, чувствуется – на всё человек сейчас пойдёт. – Сосед, Богами Новыми, нас хранящими, Хедином Всесвященным да Ракотом Милостивцем, тебя заклинаю – дай мне до завтра срок и обещай, что, если позову, на помощь придёшь! Невмочь мне в приживалы идти! Лучше уж самому на рогача с голыми руками выйти! Повремени! Дай отсрочку! Быть может, придумаем мы, как без Защитников держаться! Бьём же ведь Орду мы в поле, верхами! Сам ты и бьёшь! Так неужто не в силах мы крепкое место одни отстоять?!

Видать, человек от горя в уме повредился – такое несёт. Аргнист только головой покачал.

– О бабах да о детишках подумай, Нивен, – жёстко говорит старый сотник. – Не о себе сейчас помысли – о других! Гордость свою смири! Не расплачивайся за неё чужими жизнями! Ребятишек бы пожалел!

– Отказываешься, – шипит Нивен, сжимая кулачищи, а они у него что твои кувалды. – Ну, давай, давай, Аргнист, сын Гортора! То я тебе ещё попомню. Попомню, слышишь?!

Старый сотник только плюнул с досады.

– Видать, сосед, ты и впрямь ума последнего лишился. Делай как знаешь. А я пошёл. Сожрут тебя за завтрашний день – на себя самого пеняй.

Аргнист повернулся – и прочь. Арталег – за ним.

– Отче, дозвошь спросить?

– Давай спрашивай, – ворчит Аргнист, немилосердно кусая вислый ус.

– Отче, а зачем ты Нивена отговаривал? Пусть бы рискнул. Что, трудно было б нам лишний раз до его хутора сгонять? Вон сегодня потерь нет, только Капроду шею поранило. А так, глядишь, Нивен попробовал бы, а мы потом у него, коли что получится, так переняли бы. А прикончили бы его твари – что ж, значит, на то Хедина высокая воля...

– Да ты что, ягоды волчьей объелся, что ли? – в ярости поворачивается к сыну Аргнист. – В уме ли ты, сыне?! Хутор народа полон! Баб пять десятков! Малолетки, груднички... всех их Орде на прокорм?!

Арталег аж попятился – не ожидал от отца такого. И чего это старому в голову ударило? Какое ему, Арталегу, дело до нивенских? Да пусть они все в распыл пойдут, сытью ордынской сделаются! Лишь бы свой хутор жил. И это главное. Арталег плечами повёл, однако же отцу перечить не решился. Голову склонил, руками развёл – виноват, мол, по неразумию ляпнул...

Отец и сын вышли из наполовину сожжённого, наполовину размётанного хутора на двор. Все были при деле. И Аргнистовы, и Харлаговы, и Дромаровы с Эргастовыми потрошили туши чудовищ. От неё, Орды распроклятой, тоже порой прибыток случается. Печень рогача – отличное целебное средство: и от живота помогает, и при ранах гниющих. Клыки хоботяры, ежели их истереть и с мёдом липовым пить, при лихорадке первое дело. Ногогрыза панцирь, измельчённый, с мелко рубленным лёгким броненосца варенный, очень хорош, когда с юга чёрное поветрие приходит. За такое снадобье в лихие годы, когда болезнь эта по Северному Хьёрварду гуляла, громадные деньги платились. У Аргниста ещё с тех времён увесистый мешок королевских грифонов остался...

Что там за шум?... А, ну так и есть – Аргнистовы с Дромаровыми двух ногогрызов и броненосца не поделили. Аргнистовы шумят – мы, мол, тут раньше всех были, пока вы там ещё баб своих по лавкам мяли, а Дромаровы доказывают, мол, наш наконецник в туше застрял... Ну, с Дромаром-то мы управимся. Пусть доволен будет, что вообще к делёжке допустили...

Аргнист подошёл, пару раз рывкнул, и Дромаровы, хвосты поджав, восвояси подались. А нивенских как не было, так и нет; ужели ж Нивен и впрямь решил здесь оставаться?!

Вот и разделку закончили, вот и трофеи в седельные сумы упрятали, трогаться пора, а старый сотник всё медлил. Не по-людски это – добрых полторы сотни народа на верную смерть бросить. Сейчас, сейчас полезут воюющие бабы с ребятнёй, мужики пожитки на волокуши грузить начнут, и тронется хутор.

Подошли Харлаг, Дромар и Эргаст.

– Чего они мешкают-то? – прогудел Харлаг. – Мне ещё обратно путь неблизкий. Дромар, ты скольких возьмёшь?

– Да десятка полтора, больше не смогу, – покачал головой тот.

– Эй, соседочки мои милые, слушайте!

Нивен стоял на остатках наполовину разнесённого рогачами крыльца. Ни по виду, ни по осанке нельзя было сказать, что человек этот собрался умирать. Держался он прямо, говорил гордо – ровно Нивен прежний, первый богач в округе.

– Спасибо вам за помощь, соседи. Что с нас положено, заплатим. Хотите золотом, альбо работой – как скажете. Но по хуторам иным мы разбежаться не станем! Тут останемся. Попробуем без Защитников сдюжить. А коли не сдюжим, всё лучше, чем чужое дерьмо грести.

– От те на, – пробормотал Харлаг, сдвигая шлем и всей пятернёй яростно скребя затылок. – Да не хлопнуло ли тебя по головушке чем, Нивен?

– Спасибо, Харлаг, сосед дорогой, что о здоровье моём так заботишься, – нет, не хлопнуло. И не один я – все мои так думают. Ну, давайте говорите, кому что от нас надобно!..

Хозяева хуторов переглянулись. Видно, плохо дело. Порченным Нивен сделался. Тут уже никто, кроме колдуна хорошего, не поможет, да и где его, колдуна этого, сыскать-то? Травницы в каждом хуторе есть, да только здесь они не помогут.

Харлаг первым опомнился. Вздыхнул, плечами пожал...

– Я грифонами возьму.

– И я, и я тоже, – Эргаст с Дромаром вторят.

Понятно почему. Завтра накроет Орда нивенский хутор, без Защитников оставшийся, – с кого тогда работу положенную требовать? Разве что с рогачей... Золото – оно надёжней.

Плюнул Аргнист, рукой махнул и тоже взял свою долю тяжёлыми кругляшами. Нивен, конечно, всё понял, усмехнулся, но ничего не сказал.

Всё, дела закончили, разговоры разводить не стали. В сёдла – да по домам. Ветер начал понемногу утихать, тучи разошлись. Над чёрной иззубренной стеной недалевого леса поднялась луна, стало чуть лучше дорогу видно. Аргнист сел в седло, устало махнул рукой, и совсем не поредевший отряд тронулся в путь. На сердце у старого сотника было черным-черно: народ последнего ума лишился... помирать все вздумали... ну, не станет завтра нивенского хутора – кому от этого лучше?..

И вроде бы бой удачно кончился, убитых нет, один Капрод раненый. Редко такое удаётся, чтобы ни одной бабе по возвращении отряда выть по покойнику не пришлось, радоваться бы старому сотнику, а ему в пору к болотным ворожеям идти, душу закладывать, чтобы от лютой печали-тоски избавили. Чёрная ночь на сердце, ровно камень неподъёмный. И ничем уже этому не поможешь – терпи, сотник!

За помыслами невесёлыми и не заметил, как отряд до родного хутора довёл. За ворота въехал, поводья мальчишке кинул – всё! Пропади оно всё пропадом! Теперь первое дело – в баню. А потом к Деере на подушку. Или... кого из молодых бабёнок сперва позвать? Деера, она по женской болести теперь только постель греть и может, но что мужику без бабы никак – это она понимает. Да ей и говорить ничего не надо, сама кого ни есть приведёт... С этими мыслями Аргнист и ступил на крыльцо.

Нивен сдержал слово. Весь его народ остался на хуторе – полустогоревшем, с пробитыми во многих местах стенами, но всё-таки решившем жить наперекор всему. У них больше не было Защитников. И некому молиться, чтобы прислали новых: Ракот с Хедином давали каждому хутору только один шанс. Не смог, не сумел – уступи место другим, которые выживут. Род человеческий в Хьёрварде должен рассчитывать только на себя, но не на вечное заступничество Благих Богов.

Нивен остался. День за днём его домочадцы, точно трудолюбивые муравьи, валили деревья, на прирученных лосях перевозили их к хутору, ладили новый частокол и заделывали бреши в стенах. Аргнист не утерпел-таки, послал к соседу Армиола.

– Трудятся, отче, – доложил сын, вернувшись. – Меня там не больно-то привечали, больше со стороны смотрел.

– Что, даже обогреться не позвали? – возмутилась Деера.

– Позвали, мамо, позвали, как же не позвать, но смотрели при этом... ну, ровно я сам из этой Орды буду...

– И Фюота? – проницательно спросила мать. Сын потупил взгляд, промолчал.

– Понятно, – кашлянув, Аргнист поспешил заговорить о другом. – А с Ордой у них как? Следов много?

– Следов-то много, но всё больше краем леса, а вблизи от хутора ни одного не видел, – ответил Армиол. – Кого ни спрошу, «всё спокойно» отвечают. Но, отче... похоже, они там все решили к Хедину вместе отправиться. В горницах по углам я горпес видел. Похоже, они решили пал пустить, ежели Орда ворвётся. Чтоб и себя... и её, значит...

– Ракот Милостивец, страх-то какой! – Деера прижала ладонь к щеке.

Однако тема эта занимала умы Аргниста и его домочадцев не слишком долго. Орда словно с цепи сорвалась. После неудачи у нивенского хутора она последовательно атаковала сперва Харлага, а потом и самого Аргниста.

Вьюжной и студёной ночью, точь-в-точь такой же, как и та, когда Нивен зажжёт красный огонь, твари пожаловали в гости к старому сотнику.

И вновь большая горница, куда сбились все, от мала до велика, спасаясь от проклятого одиночества да мыслей чёрных. Вновь дикий вой ветра за окнами, по ночному времени наглухо закрытыми толстыми ставнями (на юге такая ставня запросто бы за тюремную прочную дверь сошла бы), вновь летят подхваченные ураганом снежные хлопья, к утру, глядишь, так занесёт, что от хутора одна только крыша видна и будет.

И всё же внутри тихо было, тепло и мирно. Такие ночи здесь – обычное дело. Саата, Арталегова благоверная, сидит пригорюнившись – муженёк в сених толстуху Мииту зажал, даже здесь слышно, как они там стонут и возятся. Народ безмолвствует – привыкли. На хуторе и не такого насмотришься.

Защитник у самой печи пристроился, лапами своими, щупальцами да тушей почти всё свободное место занял. Глаза прикрыл. Но тревожен. Кисточки на ушах подрагивают, значит, Орда близко кружит. Брат его, что в свою очередь хутор дозором обходит, буде что случится, вмиг сигнал подаст.

И подал. Встрепенулся Защитник разом, и вот уже не томно развалившаяся туша возле печи, ровно кот сытый, а клубок мускулов, готовый к бою.

Дверь поспешно растворили, Аргнист вскочил на ноги.

– Оружайсь!

Защитник, конечно, Защитником, но ему и помочь не мешает.

Хватая факелы, мужики бросились вон из горницы. Дети не вопят – раз и навсегда приучены. Бабы мешки с горпесом из подполья потащили – если до стен Орда дорвётся.

Алорт выскочил на обжигающий ночной холод. Когда Орда нападала на хутора, коней не выводили – из-за стен отбиваться проще. Защитники вокруг внешнего частокола обходят, ты следи, чтобы никто внутрь не перемахнул. Огонь пали, смолу кипящую лей, стрелы пускай, а в рукопашную не лезь. Это Защитниково дело. Пока не припрёт, из-за тына не высывайся. Поначалу, говорят, Орда Защитников частенько из хуторов в поле выманивала ложными отступлениями. Теперь глупцы-то перевелись. Всех тварей всё равно не истребить; их сколько ни руби, меньше не становится. Так что отбились, от жилья отогнали – и ладно. Большого никому не добиться.

А возле частокола от тварей уже и снега не видно! И идут-то как плотно, к голове голова, к боку бок; впереди, как водится, стеноломы с хоботьярами, за ними – броненосцы с брюхоедами, главопасти отдельно, а в тылу мелочь зубастая – ногогрызы с костоглотами. Рогачей что-то не видно, похоже, в резерве остались (во всём хуторе, кроме Аргниста и его сыновей, никто и слова-то такого мудрёного – «резерв» – не знает).

– Становись, становись, стрелы доставай, шевелись, ноздряки недоношенные! – подгонял Алорт нерасторопных.

Ему, как старшему, самое трудное место досталось – возле главных ворот. Арталег справа командует, Армиол – слева. Отец же – с боевым запасом. Его дело самое важное – определить, когда и кому помощь подать. Тут ведь как: слишком поспешишь – к решительному моменту штурма без свежих воинов останешься, промедлишь – помощь твоя ничего уже не сделает.

А вдоль внешней стороны частокола неспешно шёл Защитник. Шёл, оставляя позади груды растерзанных, разорванных на куски трупов. Тварей Орды душили длинные щупальца, кромсали страшные клешни (Аргнист как-то проверил – двойную кольчугу Защитник этими клешнями раскусил играючи), топтали мощные лапы, рвали выпущенные когти и шпоры, перекусывала надвое усеянная зубами пасть. Защитники были намного сильнее любого из чудовищ Орды; верно, Чёрному Властелину не под силу оказалось создать нечто подобное. Правда, возле нивенского хутора какие-то новые твари появились, те, что сумели с Защитниками справиться, но здесь Алорт в рядах атакующих чудовищ ничего нового пока не увидел.

Обычный штурм, рядовое дело... Руки действуют сами, почти без вмешательства разума. Вот сплотившаяся вокруг одного из хоботяр плотная кучка тварей обошла с тыла Защитника и ринулась к частоколу. Так... Хоботяра, броненосцы – трое, брюхоеды – пять, главопастей десяток... И целый шлейф мелкоты вроде костоглотов в темноте теряется.

– Ну, братие, дружно! Хоботяру – стрелами! В глаза метьте! В горло! Эх, мех у него, гада, толстый, не всякая стрела глубоко в шкуру вопьётся. Броненосцев подступивших – копьями! Так, стеноломы за дело взялись – смолу лейте! Да шевелись же, если наутро зарю увидеть хочешь!

Алорт ловко метнул вниз секиру и тотчас же вздёрнул её за ремень обратно – уже окровавленную. Самый шустрый из брюхоедов, решивший поучаствовать в обрушении частокола, лишился головы за подобную глупость. На десяток жуков-стеноломов, уже было построивших свой живой таран, сверху опрокинули целый котёл кипящей смолы. Хоботяра, весь стрелами утыканный, ровно ёж, закинул было наверх морду, щупальцем своим потянуться – взяли в топоры. Хобот у этой твари считай что в кольчужном доспехе, человеческой руке его не перерубить, но поранить можно. Отбросили тварь. Факелами подпалили, смолой обожгли – отдёрнулся. А тут как раз и Защитник подоспел...

Хоботяры – иных соперников у Защитника в Орде нет. Только эти твари и могут с ним потягаться один на один. Пару броненосцев шестиног прикончил мимоходом, даже не взглянув; брюхоеды кинулись было врассыпную – он их щупальцами достал. Хоботяра же

зашипел, что твой кот рассерженный, но деваться уже некуда – Защитник его к частоколу прижал.

Взвыла мелкая ордынская шушера, собой жертвуя, под ноги Защитнику бросилась; хоботяра хоботом своим прямо в глаз Защитнику выстрелил – быстро, точно из лука. Тот уклонился, но чуть медленнее, чем нужно было, сине-розовое щупальце всё же мазнуло его по верхней губе, и там тотчас же закровянилась рваная рана. Ответный выпад Защитника – клешня рванула плоть чудовища у самого основания хобота. Чёрная кровь брызнула фонтаном – перебита была одна из главных жил. Отменный удар. Второго не потребуется – тварь сама истечёт кровью. Прыжок, удар всеми шестью лапами хоботяре в грудь – и чудовище валится на снег, булькая, хрипя и захлёбываясь. Уцелевшие броненосцы и брюхоеды рассыпались кто куда. Стеноломов ещё раз смолой окатили – и всё. Больше у частокола никого. А за Защитником – полоса трупов, ещё дергаются конечности, щёлкают жвалы, скребут когти, но из страшных ран фонтанами хлещет кровь, а вместе с нею тела страшилищ стремительно покидают и жизнь.

Бой возле ворот стих.

Армиолу же пришлось тяжелее: на его участке в атаку пошли рогачи, вместе с пятом хоботяр втянули в драку Защитника, а твари помельче и ещё с полдюжины хоботяр бросились к частоколу. Схватка завязалась нешуточная; вскоре отвратительный хобот загрёб одного из воинов и, сдавив, тотчас же разорвал тело пополам.

В дело пришлось вступить Аргнисту. Хоботяр отогнали, мелочь перебили, а тут и Защитник подоспел.

К утру Орда уползла обратно в лес, как всегда, не признав себя побеждённой. Туши разделявали при первых рассветных лучах низкого и слабого зимнего солнышка. Торопись, братие, студёные дни коротки, а в лес недалний можете выходить только до темноты. Пока солнце не сядет, самые крупные и опасные твари не показываются, а уж от мелких сумей сам отбиться.

Так начался новый день, и от предшествовавших он отличался только тем, что после полудня хоронили Вартага, молодого парня, разорванного сегодня ночью хоботярой. Бабы повыли, попрочитали по погибшему, но не слишком долго. Время дневное дорого.

Глава II

Как бы ни была трудна и страшна гибельная зима, рано или поздно она тоже кончается. Солнце поднимается всё выше и выше над Чёрным Лесом, всё длиннее день, и Орда утрачивает зимнюю свою оголтелость. Летом же она и вовсе почти никак себя не проявляет, зато вовсю принимается лютовать пересидевшая холода по берлогам Нежить с Нелюдь. Это враги старые, куда более древние, чем Орда. Когда-то вся эта земля принадлежала именно Нелюди да Нежити, и Рыцарский Рубеж проходил тогда много южнее. Но людей в благодатном Галене становилось всё больше и больше, земли же, разумеется, не прибавлялось. И мало-помалу самый отчаянный, дерзкий и лихой народ потихонечку, полегонечку, семья за семьёй, род за родом двинулся на север. Там, за нехоженными холмами и не качавшими человеческие лодьи реками, лежали пустые, свободные земли, где ни тебе королей, ни алчных баронов, ни собирающих десятину храмов, ни злобных колдунов, только и думающих о том, как бы навредить роду человеческому. Только Нежить и Нелюдь. Гоблины, тролли, гарриды, хеды, арры, морматы, гурры – всех и не перечислить. Это Нелюдь. Правда, в её число входят и более приятные создания, гномы например. Горные – всем известные мастера и умельцы, несравненные кузнецы; лесные – ростом куда меньше, шаловливые, непоседливые, всё толкующие о том, что неплохо было бы избрать наконец короля и перестать прозябать в анархии, на посмешище всем прочим уважающим себя народам, но так и не перешедшие от слов к делу. Есть ещё гномы песчаные – совсем крошки, по колено взрослому человеку. Все они, и лесные, и песчаные, и горные, – человеку если и не добрые друзья, то, по крайней мере, не лютые враги. А ещё есть феи – и тоже очень разные. Есть крошечные, обитающие в венчиках цветков, их владычица – Царица Маб. Сама она обитает в Западном Хьёрварде, но частенько облетает все свои владения на стремительном кораблике, скользящем по серебристой лунной дорожке. Сам он из лёгкого кленового листка, а снастями служат тонкие нити легчайшей паутины... В прошлом, сказывают, Боги Ушедшие превратили её в человека, в страшную лесную колдунью, но после того, как воцарились Боги Новые, Хедин и Ракот, Царица Маб вновь стала сама собой...

Кроме фей и гномов, не враждебны людям и кобольды. Правда, об этой сумрачной расе подземных строителей известно совсем мало.

А ещё где-то в северной земле до сих пор бродят странствующие эльфы с альвами, своими вечными спутниками. Но увидеть их куда как нелегко смертному... Однако случается ещё так, что осенью или весной у твоего порога постучится высокий тонкий странник с золотистыми волосами, облачённый в изумрудный и травяной цвета, с серебряным луком за плечами и длинным, тонким мечом у пояса, с изукрашенным рунами рогом. Не оттолкни такого. Проведи в дом, усади в красный угол, угости всем, чем богат; если захочешь узнать будущее, заплати щедро, не скупясь, и оно тебе откроется. Эльфы никогда не ошибаются. И если остался доволен твоим гостеприимством странник, долго ещё дом твой не расстанется с удачей, а беды станут трусливо обходить его стороной... Но ни о чём не расспрашивай гостя! Он не ответит, лишь оскорбится. Это древний закон. Бессмертные говорят со Смертными только о Смертных.

Есть и древесные великаны, видом схожие с ожившими, получившими возможность шагать деревьями. Эти бывают и добрые, и злые – как повезёт, с каким встретишься.

Это что касательно Нелюди.

Но полно в северных землях ещё и отвратной Нежити. Добрых среди них нет. И помощи у них чистому сердцем искать напрасно. Одни мрачные колдуны бродят по старым курганам да заброшенным кладбищам, где застыли, воздев руки к небу, древние изваяния странных богов. Нежить – это и упыри-кровососы, и призраки, и духи, отродье Лишённых

Тел, и ведьмы, в своё время убитые поселянами, но неправильно или не до конца (ведьмы, как всем известно, живучее крыс), лесные страхи-оборотни, из коих людям больше всего известны волколаки... Когда-то все эти твари владели Северным Хьёрвардом. Строили тут свои твердыни и чёрные колдуны, коим частенько удавалось заклясть немало Нежити и тем самым поставить её себе на службу.

Как только Орда с приходом весны уползает на полуночь, в свои тайные укывища, что неведомы даже чародеям, ей на смену приходят злобные силы Нежити, да и Нелюдь не отстаёт. В последнее время, сообразив, что лучшей защиты, чем Орда, не придумаешь, потянулись в северные леса бежавшие было из них служащие Злу чародеи. Их Орда почему-то не трогала. Так что и летом затишье бывает весьма кратким. Не успеешь тушу рогача зарыть – из оврага гоблин лезет, с ветки гурр из лука целится, а над амбаром призрак-кровопийца вечерами виться начинает.

И всё же дважды в год выпадает примерно по месяцу, когда людям действительно живётся поспокойней. Это ростепель весной и златолист осенью. Весной, в ростепель, Орда уже начинает откочёвывать на север, а Нежить с Нелюдьё ещё не продрали как следует глаза после зимней спячки (кстати, попадись Орде тот же орк или хед – разорвут в клочья); в златолист же наоборот – Орда ещё не явилась в полной силе, а летние людские супротивники уже о зимовке думать начинают. В златолист играют свадьбы, хуторяне ездят друг к другу в гости – не поодиночке, конечно, а так, по трое-четверо. Весной же человек опытный и бывалый может забрести глубоко в лес, даже будучи один.

Подточенный талыми водами, снег рухнул в один день. Осев лишь на самую малость, ещё вчера повсюду горделиво высились голубоватые сугробы, а теперь, куда ни глянь, шкуру привольно разлёгшегося Зимнего Зверя испятнали чёрные прогалины, да и сама шкура истончилась едва ли не наполовину. Полуденные склоны взлобков, обращённые на юг речные берега и вовсе очистились, жадно впитав в себя прозрачную кровь снегов. Открылась земля, вся в буром плаще полусгнивших прошлогодних листьев. Лес ещё не пробудился, не лопнула ни одна почка, не распустился ни один цветок, но ласковое солнце властно растолкало жирные тучи-лежебоки и пригревало вовсю, а в глубине дремлющих стволов уже начинали всегдашний свой бег весенние соки.

Поросший невысоким молодым сосняком холм, казалось, жмурился от удовольствия, точно сытый кот. Его склоны спускались к неширокой, только-только вскрывшейся речке (хуторские называли её Рыбиной). Обегая взлобок, русло плавно изгибалось; вокруг забежавших по колено в поток молодых сосенок плескались мутные волны половодья.

Чуть выше по склону, над рекой, на старой побелевшей коряге сидел немолодой уже человек в грубой серо-зелёной куртке плотного сукна. Прикрывая глаза ладонью, он смотрел вниз, на вспухшую от талых вод Рыбину, в правой руке сидевший держал кривую, выдавшую виды можжевелевую трубочку. Вокруг волнами расходился приятный запах крепкого, духовитого самосада.

Человек отдыхал, явно никуда не торопясь. С одной стороны к коряге были прислонены мощный охотничий лук и добротный кожаный колчан, полный стрел, поперёк колен лежало испытанное зверовое копьё с потемневшей от крови перекладной под рожном.

Охотник этот был уже далеко не молод, ему явно шёл шестой десяток. Волосы пробило сединой, вокруг глаз стянулись глубокие морщины, выдубленная солнцем и ветром кожа покоричневела, лоб и чуть округлившиеся со временем щёки рассекало несколько застарелых шрамов, прямых и тонких, явно оставленных острой боевой сталью, а отнюдь не лесными сучьями. Бывшего воина в сидевшем выдавали и мышцы – мощные, чётко обрисованные, а не заплывшие жирком, что частенько случалось у не знавших легионной муштры деревенских силачей. Во внимательных серых глазах охотника читались и хитрость, и ум, и отвага.

Аргнист, супруг Дееры, владетель хутора, мог позволить себе немного безмятежного отдыха. Сюда, на Светлую Горку, под самый бок к Старой Сосне, Нечисть забредать не дерзала. От Орды, конечно, тут было всё равно не спастись, но Древнее Зло здесь пасовало. В этом месте чувствовалось некое старинное волшебство, глубокое, сильное, спокойное и в то же время чистое, словно подземный родник. Хуторские бабы болтали, будто подле Старой Сосны справляли свои празднества эльфы в те давно минувшие времена, пока Перворождённых ещё довольно часто можно было встретить среди Смертных. Аргнист не слишком верил этим байкам, но было известно твёрдо – ни гоблины, ни гурры, ни даже отважные тролли не осмеливались совать сюда нос, не говоря уж о хедах, гарридах или мелочи вроде призраков. Приречный холм все они обходили стороной.

Иных спокойных местечек, подобных этому, в окрестностях хутора не было. И потому даже малышай, едва научившихся ходить и самостоятельно выбираться за ограду, заставляли наизусть учить дорогу к Светлой Горке. Старая Сосна хорошо стерегла свои владения.

Аргнист курил, выпуская изо рта аккуратные голубые колечки ароматного дыма. На глухариний ток он сходил удачно – отвёл душу. Заплечный мешок оттягивала тяжесть трёх крупных краснобровых птиц. Собственно, Аргнисту давно пора было домой: он отсутствовал весь вечер, всю ночь и всё утро, и не следовало лишний раз мучить неизвестностью близких.

Аргнист сидел и курил. Казалось, человек беспечно отдыхает, на самом деле он был готов к любым неожиданностям.

Вот и ещё одну зиму прожили... Нечего Хедина с Ракотом гневить, не из худших зима выдалась. Всего пятеро взрослых погибли; правда, по весне на детишек мор какой-то напал, пока Саата снадобья не подобрала, семеро умерли. Скот почти не пал, отёл был хорош, золотоволосую Шоору сговорились продать на дальний богатый хутор за хорошие деньги.

И всё же беспокойно у тебя на душе, Аргнист! На излёте зимы Орда напирала так, что бывали моменты, думал – всё, каюк. Четверо за неделю легли. Если следующая осень так же начнётся...

А Нивен выдержал. Выдержал, хотя и потерял три десятка своих. Но удивительное дело – его Орда почти и не атаковала, словно потеряла интерес к почти беззащитному хутору.

Аргнист сидел и курил. Посидеть так в настоящей лесной тишине – счастье подлинное. Дурак был раньше, не понимал... Всё выслужиться хотел. Что ж, можно сказать, и выслужился...

Аргнист появился на свет пятьдесят два года назад, на благодатном южном побережье. Деревня приписана была к большому храму Хедина; когда не по годам крепкому парнишке стукнуло четырнадцать, он поступил в храмовую стражу – хотелось выучиться и стать воином. Но в храме так и не прижился. Спины гнуть не умел, службы пропускал – мял на деревне девок да в кабаке играл в расшибалочку. Правда, учился прилежно и вскоре мечом и копьём владел всем на удивление, поэтому только и продержался так долго. А потом повезло – проезжал тем краем молодой король Галена Светлопенного, его величество Грампедиус, завернул во храм переночевать и помолиться заодно и случайно увидел, как Аргнист тупым деревянным мечом от трёх двадцатилетних громил отмахивается, и недолго думая – настоятеля к себе: мол, подарите, святой отец, сего отрока! Святой отец, само собой, рад-радешенек королю услужить и от смутьяна по-хорошему избавиться. Так попал Аргнист в королевское войско.

Что тут говорить, по первому времени лиха пришлось хлебнуть. Половину зубов потерял, честь свою защищая. Отстали...

И двух лет не прошло, как очередной поход на баронов Фейна случился. Аргнист к тому времени в седле сидел как влитой, на турнирах призы брал, аристократочки засматривались...

Ямерт тебя спали! Уж сколько раз себе клялся – вспоминать не буду! Куда там... Никуда это лицо из памяти не изгнать. Шестнадцать лет ей было...

Ладно, это пропустим. В первом походе Аргнист отличился: когда под Аксорой бароны его величество Грампедиуса к бастионам прижали и потрепали изрядно, десяток Аргниста оказался против острия их, баронов то есть, главного удара. Десятника, дядьку Мнема, арбалетной стрелой свалило, остальных баронская конница на копья вздела. Аргнист один уцелел. И не просто уцелел – ещё и вогнал стрелу на всю длину в смотровую щель шлема сиятельного Джемберга, предводителя мятежных баронов; тот настолько глуп оказался, что попёр сразу за первой линией собственных копейщиков. Ну и получил своё. Доспехов не сменил из гордости... Аргнист его свалил на открытом месте, так что крылья войска всё видели, и баронские полки отступили. Каждый ведь после Джемберга главным хотел оказаться...

Так в восемнадцать лет стал безродный парень десятником избранного королевского воинства. А ещё через пять и до сотника дослужился. Это когда пираты из Южного Хьёрварда нагрянули.

Тяжёлая была война, ничего не скажешь. Половина баронов тут же к южанам переметнулась, треть выждать решила, а оставшиеся хоть помощь и обещали, да так снарядить и не успели. Гален пришлось оставить.

И если бы пираты просто пограбить хотели, то, наверное, этим бы всё и кончилось. Но они, дураки, решили здесь всерьёз обосноваться, и тут уже пошла война по всем правилам. Два года тянулась. Наконец выпихнули южан в море, несмотря на всю дурость короля, его величества Грампедиуса, значит. Глупость его исправляя, половина сотни, в которой десяток Аргниста был, полегла под Галеном, но вторая половина таки исправила...

Глуп король был настолько, что тех, кто о нём правду знал и его огрехи исправлял, не лишал головы немедленно, как любой нормальный владыка поступил бы, а награждал и возвеличивал. Аргнист, после того как сотника в том деле убили, остатками пяти десятков командовал – ну и получай после настоящую сотню под начало.

И пяти месяцев после победы король на троне не усидел. Брат его двоюродный, Игнарон, который, собственно, войну и выиграл (полководец был первостатейный!), брата легкомысленного на длительное покаяние в далёкий монастырь отправил, а сам его корону себе взял...

Начались непрерывные походы, ибо Игнарон иных занятий, кроме войны, на дух не переносил. Баронов вскоре усмирили, соседние королевства себя вассалами Галена признали... И тут беда стряслась – воевать не с кем стало. За Погибельный Лес не переберёшься, за Тайные Горы не заглянешь. Вот тогда-то король себе на погибель об Орде и вспомнил.

Тиранила она северные земли уже давно. Но землепашцы держались крепко и не только Орду сдерживали, но и ухитрялись свои товары на юг слать. Сами, правда, отчего-то не уходили. Владения Орды начинались от самого Рыцарского Рубежа, что в те годы пролегал от водопадов Эгера через леса до форта Гэсар на самой границе гномских владений – рубеже их королевства Ар-ан-Ашпаранг. И хотя твари лютовали на своих землях уже почти три сотни лет, люди продолжали жить и там.

Племя крепких, кряжистых и отважных, кто знал, с какого конца надлежит браться за меч. Под топорами поселенцев валились вековые сосны, среди озер и болот расчищались поля, на реках воздвигались мельничные плотины; по травянистым прогалинам по-прежнему позвякивали боталами коровы. Посреди круга очищенных огнем полей ставился собственно хутор; дома строились глухими стенами наружу, окна выходили в прямоугольный внутренний двор. Единственные ворота рубились из самых толстых дубовых брёвен; не жалея денег, у гномов покупали засовы и петли. На отшибе ставилась одна только кузница – из опасения пожара.

Хуторяне жили сами по себе, не нуждаясь ни в королях, ни в правителях. Ревнители Истинной Веры сильно подозревали северян в безбожии и ересь, но поселенцы казались куда лучшим щитом для прибрежных городов, чем все рыцарские ордена и королевские армии, а потому властители юга не взимали налоги со свободных хуторов – да и каким калачом туда сборщика податей заманишь?!

Орда всегда стремилась прорваться на юг, где вдоволь добычи, где так много мягких, восхитительных на вкус человеческих тел, раз за разом, зиму за зимой атакуя Рыцарский Рубеж. Правда, наиболее пронизательные люди Галена – а ими, как правило, почему-то неизменно оказывались лорд-казначей и Хранитель Королевской Печати – сильно подозревали, что командоры Ордена Звезды несколько преувеличивают свои заслуги в сдерживании Орды. Подозрения эти превращались в уверенный стиль коронных докладов, когда с Рыцарского Рубежа приходило очередное требование помочь деньгами, провиантом или оружием...

Короче говоря, король Игнарон решил Орду известить. Кликнул клич, собрал войско. Двинулись. Рыцарей Звезды, всегда похвалявшихся, как они ловко ордынских тварей бьют, тоже с собой прихватили – как наставников.

Да только недалеко ушли. Вся армия в лесах полегла, и король там тоже остался. Рыцари Звезды, как более опытные, в большинстве своём сбежать успели...

Лиша натерпелся Аргнист – не передать. Однако же не согнулся. И настал его черёд вбивать свои столбы, землю под хутор занимая.

Аргнист поставил их на старом, очень сильно расплывшемся холме: лоза показала здесь неглубокий водоносный слой. В полутора милях на закат лежало обширное, богатое рыбой озеро; леса чередовались с изобилующими ягодой моховыми болотами. Словом, всё бы хорошо, кабы не Орда. Нелюдь-то ладно. С нею управиться можно. И не обязательно мечом. Порой удавалось и миром дело решить. Ловкий Нивен, эво, ухитрялся даже троллей нанимать стада стеречь, а гоблинов и гурров остроногих наряжал грибы отыскивать и коренья.

Вообще говоря, Нелюдь сильнее всего ненавидела даже не земледельцев. Главные её враги гнездились на юге. Рыцари Ордена Звезды – вот с кем никаких разговоров никогда ни гоблины, ни хеды не разводили. Гордые уж больно эти рыцари – мы-де весь юг защищаем! Так, если ты такой хороший, защищай себе и молчи – люди сами тебе в пояс поклонятся и хлебом-солью встретят. А коли будешь об этом на каждом углу кричать...

Рубеж Рыцарский возник во времена и вовсе незапамятные. Ещё до появления Орды рыцари издавна держали оборону против ночных тварей на мощной засечной черте, протянувшейся от водопадов Эгера на западе до форта Гэсар на востоке. Ещё дальше на полудень, вдоль Погибелного Леса и Покинутого Берега, тянулись давно обжитые и обустроенные орденские земли. Жизнь там, конечно, и тиха, и бестревожна – только уж больно тиха и уж больно бестревожна. У рыцарей испокон веку свято чтился их кодекс, «Словом Звезды» именуемый. По Аргнисту, выходило, что ежели этому кодексу во всём следовать, то и жить невозможно станет. Хмельного не пей, женщин не касайся, окромя одной лишь жены своей, и то лишь чтобы дитя зачать, богам всевозможным молись, посты соблюдай, ближнему, значит, всё отдавай, богатства да славы не ищи, нищим покровительствуй... Слова-то все, конечно, хорошие, тот, кто их сочинил, наверняка святым человеком сам был, коли не лукавил. Но исполнять их – жизнь ведь остановится!

И сами рыцари, а особенно их высшая каста, полные братья, кодекс свой блюли лишь на словах. И девок трахали, и питиём злоупотребляли, и чревоугодничали... Правда, Рубеж их до сих пор надёжен был – ни тварь Орды, ни кто-то из Нелюди на ту сторону Рубежа пока перемахнуть не сумели.

Зато уж на подданных своих рыцари отыгрывались с лихвой. Попробовал бы там кто девку в пивной прижать... Мигом в кандалы – и в каменоломни... И молись, и посты соблюдай, и перед рыцарем шапку за десять шагов снимай, а за пять – на колени опускайся, и пятину орденскую плати, и всю торговлю веди только с Орденом... Отцы-экономы хорошие капиталы себе к старости составляли. И глядь – решение братьев: такого-то и такого-то за долгую беспорочную службу... отпустить по старости и болести для жительства на юг...

Видел Аргнист, какие особняки себе эти отставники строили.

А Нелюдь рыцари не щадили. Ежели кого в плен брали, приговор один: на решётке железной растянуть да над медленным огнём поджарить. И, наверное, поэтому Нелюдь почти всегда предпочитала смерть в бою...

Солнце тем временем поднималось всё выше и выше. Аргнист хлопнул по коленям, собираясь подняться. Дома уже заждались, да и Деера его долгой отлучкой недовольна будет.

«Видано ли?! – ворчала порой супруга Аргниста. – Сам хозяин с луком по токовищу скачет, ровно мальчишка-переросток! Других нет птицу подстрелить, что ли?»

Другие, конечно, были. Трое сыновей, семь десятков работников, прибившихся к Аргнисту за двадцать пять лет его жизни в лесах. И трое внуков – дети Алорта, старшего; но они ещё совсем малы. Арфолу три, Феете только-только стукнуло два, а Арготору и месяца ещё не будет. При мысли о ребятишках Аргнист невольно ухмыльнулся. Такие славные карапузы! И скоро внуков станет ещё больше. Год как сыграли свадьбу его второго сына, Арталега, с Саатой, девушкой из клана Каргара, владельца соседнего хутора, а сноха уже давно неспрадна ходит и вот-вот родит... Хорошая девушка, почтительная. Правда, характер у его средненького не мёд... Но жена да убьётся мужа!

Настало время трогаться. И хотя так не хотелось уходить с тёплой коряги, на которой столь приятно посидеть, греясь на солнышке, – особенно после пяти месяцев лютой зимы, с такими холодами, что трескали деревья и падали на лету птицы, – Аргнисту приходилось поторапливаться.

Он уже двинулся вверх по склону, туда, где начиналась тропа к хутору, когда за спиной внезапно раздался глухой, отвратительный и неестественный скрип.

Бывалый ратник галенского короля развернулся с завидной для своих лет быстротой; знать, не напрасно весь день с собой тяжеленное копьё таскал. На глухарином току оно без надобности. Не иначе Орда рядом.

На противоположном берегу Рыбины затрещали кусты. Кто-то или что-то напролом неслось сквозь заросли сплетшегося ивняка; раздались неразборчивые проклятия.

– Родгар, опять вода! – с отчаянием возопил бегущий, со всего разгона бросаясь в реку. Взметнулся фонтан брызг, словно от пущенного из катапульты ядра. Фыркая и отплёвываясь, странный пришелец быстро поплыл вперёд размашистыми сажёнками.

И тут отвратительный скрип повторился, вновь – мерзостный, гнусный, словно друг о друга тёрлись полуистлевшие, крошащиеся кости. Ивы внезапно затряслись, точно охваченные ужасом живые существа. На открывшийся низкий и топкий берег неспешно выкатился тёмно-лиловый шар – высотой в рост человека, весь шишковатый и бугристый. Выпуклости на его неровной поверхности отливали металлом; остановившись возле самой кромки воды, шар вновь издал уже знакомый Аргнисту скрип и... распался на части.

Стеноломы, обычные стеноломы... но чтобы они так катались?! Больше всего эти твари, каждая размером с крупного пса, напоминали самых обыкновенных майских жуков, если не считать выдававшихся далеко вперёд острых и крепких челюстей.

Жуки дружно бросились в реку и – удивительное дело! – легко заскользили по поверхности, живо напоминая неких чудовищных водомеров. Словно хорошо обученные воины, они быстро окружали незадачливого пловца; тот обернулся, всхрипнул, точно напуганная лошадь, и ещё быстрее заработал руками.

Аргнист поспешно бросил копье. Руки сами вскинули лук, глаз привычно взял прицел; свистнула выпущенная в упор стрела, битый в глаз жук перевернулся на спину и камнем пошёл на дно, бессмысленно и бесполезно дрыгая всеми ногами сразу.

Второй выстрел оказался не так удачен – остриё скользнуло по твёрдому панцирю, зато третья стрела угодила ещё одному жуку прямо в глаз, составленный как будто из множества мелких стекляшек, словно фонарь над трактиром. Из раны брызнула тёмно-бурая жидкость, тотчас растворившаяся в речных струях, и тварь отправилась напрямик в глубины омута.

Таковы они, эти стеноломы, – стрелой их взять можно, только если в глаз попадёшь. Когда они частоколы ломают, глаза специальными пластинами панциря закрываются. Тогда их одной только смолой и остановишь.

Для остальных тварей это стало чем-то вроде сигнала: не обращая более никакого внимания на свою прежнюю жертву, жуки дружно ринулись к Аргнисту. Благодаря этому пловец сумел благополучно выбраться на берег, но одна из бестий походя вцепилась-таки жвалами ему в ногу. Раздался жуткий рёв, однако отнюдь не боли, а гневной и неподдельной досады:

– Родгар, мои ботфорты!

Мелькнула толстенная мускулистая рука, вся поросшая рыжими курчавыми волосами, кулак размером с добрый кухонный горшок врезался прямо в выпученную гляделку рвавшей сапог твари, отбросив стенолома чуть ли не на середину реки. Глаз превратился в источающее бурю слизь бесформенное месиво, жук как ни в чём не бывало заработал ногами, браво ринувшись обратно в бой.

«Живуч, зараза!»

Остальные стеноломы тем временем выбрались на берег. Стрелы Аргниста уложили ещё троих, однако, когда твари подступили вплотную, старому сотнику пришлось отбросить лук и взяться за копье.

– Спина к спине со мной вставай, сожрут иначе, олух! – крикнул Аргнист, обламывая жвалы самому шустрому жучаре. Такой выпад и теперь бы воину честь сделал на любом королевском смотре. Выдернув наконечник, сотник тупым концом древка саданул по передним лапам ещё одного стенолома.

Невольный товарищ Аргниста уже бежал вверх по склону. Мощное тело облепляла мокрая тёмно-бордовая куртка, слишком лёгкая для этого времени года. Низкорослый, с очень широкой грудью, он казался почти квадратным. Руки и плечи были перевиты чудовищными жгутами бугрящихся силой мускулов. Ещё Аргнист успел заметить рыжую, слипшуюся от воды бороду да выпирающие, подобно яблокам, румяные щеки. Перед старым сотником, несомненно, оказался подгорный гном, невесть как очутившийся в лесах Хуторского Предела.

– Эге-гей, вот я вас!.. – во всю мощь лёгких заорал гном. – И-й-эх!

Издав сей оглушительный боевой клич, он с неожиданной лёгкостью прыгнул. Подкопанный добрым подземным железом сапог врезался в морду стенолома. Оба глаза лопнули, жвала были сломаны.

– Ар-таррага! – дико зарычал гном, словно тридцать три подземных василиска сразу, норовя при этом пнуть ещё одного жучару.

– У меня секира за поясом! – не поворачиваясь, крикнул гному Аргнист.

– Р-родгар! – Тот аж подпрыгнул. – Раньше не мог сказать, человеке?!

Гномы всегда славились сварливым характером.

Хуторянин почувствовал, как сильные, цепкие пальцы выдернули оружие у него из-за пояса, и тотчас же горько пожалел, что вообще вспомнил об этом. Гном бросился вперёд очертя голову.

К тому моменту сотник прикончил ещё двух тварей, их осталось не больше полдюжины, и они стали заметно осторожнее. Окружив со всех сторон человека и гнома, стено-

ломы хищно щёлкали жвалами, делая вид, будто вот-вот бросятся, однако же медлили, выжидая удобного момента. Копьё Аргниста научило их осторожности.

– Ар-аш-таррага!

Секира с шипением рассекла воздух. Сила удара оказалась настолько велика, что панцирь подвернувшегося гному под руку жука лопнул, обильно измарав землю вокруг бурой дрянью; ещё одного врага пронзило копьё старого сотника, и тут четверо уцелевших стеноломов решили, что с них довольно. Дружно развернувшись, они бросились наутёк к реке. Гном с рёвом ринулся в погоню, и уже у самой воды ему удалось прикончить ещё одного врага.

– Ушли, гады! – Гном сплюнул, глядя на поспешно улепётывающих жуков.

– Стеноломы, известное дело, – пожал плечами Аргнист. – Правда, не видал я раньше, чтобы они вот так клубком бы катались... Сам-то ты цел, почтенный?

– Цел, цел, как же иначе, – заверил его гном, протягивая широченную ладонь. – Знакомы будем, что ли? Двалин я. Путешествую.

– Аргнист, владетель хутора. – Сотник пожал руку Двалина. – Как это тебя угораздило? Кто ж по нашим лесам в одиночестве бродит, пусть даже и в эту пору?

– Раз надо, то и зимой один потащишься, – буркнул гном, явно не желая затрагивать этой темы. Покидал из руки в руку секиру, словно жалея, что приходится отдавать. Наконец вздохнул и протянул хозяину. – А как угораздило? Да Родгар его знает! Сидел под кустом – закусывал, значит, – как вдруг откуда ни возьмись... эдакий шар выкатывается – и ко мне! А секира в заплечнике! Ну, бывает ли такое?! – разгорячился гном. – И доспех весь там остался, и шлем... Голые руки, даже дубины нет! Поверишь ли, почтенный, – бежать пришлось!

Аргнист поднял брови. Бродить по лесу без кольчуги, спрятав топор в заплечный мешок, только распоследний дурак станет. Тьфу, пропасть! И зачем этого гнома сюда понесло? Сожрут его и не поморщатся, а ему, Аргнисту, лишний камень на душу. Хорошо хоть не драться голыми руками ума у этого Двалина хватило...

Гномы, они вообще-то здравомыслием отличаются, то всем известно; правда, бывает, что среди Подгорного племени попадают и самые что ни на есть отчаянные сорвиголовы. Если гном видит, что враг перед ним слишком силён, он не станет драться ради одной только драки, не погнушавшись даже позорного, на взгляд людей, бегства. Иное дело, если речь идёт о золоте или, к примеру, задета честь, – гномы будут сражаться до последнего издыхания и либо оставят смертное поле победителями, либо останутся на этом поле сами.

– Двух этих тварей я покалечил, пока они меня к реке гнали, – продолжал тем временем гном. – Справа вся там осталась – даже засапожник... Возвращаться придётся, дык, что ж тут придумаешь...

Двалин отлично владел галенским языком, не слышалось даже и малейшего горлового акцента, каким обычно отличались его сородичи. Говорил он легко и охотно, опровергая расхожее мнение, будто горные гномы все поголовно молчуны и что каждое слово из них нужно тянуть кузнечными клещами.

– Возвращаться? – удивился Аргнист. – Куда ж сейчас возвращаться? Вон уж скоро темнеть начнёт. Пойдём со мной! На хуторе заночуешь – утро, оно ведь вечера мудренее.

– Спасибо тебе, почтенный, – гном покачал головой. Лицо его приняло серьёзное и даже чуть торжественное выражение. – Мне без sprawy моей никак... Ничего, в лесу переночую, дело-то, дык, оно привычное.

– Ну ты положительно спятил! – Аргнист начинал злиться. – Сожрут тебя к утру, понял? Сожрут и потрохов не оставят. Орда, знаешь, она шутить не умеет.

– Ну и пусть сожрут, а тебе-то что за печаль? – огрызнулся гном. – Иди давай своей дорогой, без тебя управлюсь.

– Тьфу, отродясь таких глупых гномов не видывал! – Аргнист сплюнул в сердцах. – Помирать собрался, что ли? Так давай я тебе верёвку одолжу и жиром натру. Всё не так больно будет.

Вот уж воистину верно присловье: «Как не сдвинешь гору, так не переупрямишь гнома». Но и не бросать же его здесь! Только погибнет зря. Вон мокрый весь до нитки, вода ручьями льёт...

– Ладно, пошли вместе, – решительно бросил старый сотник. – Дома подождут. Пусть и время уже не полуденное, и вечер близится, и Орда где-то рядом бродит – ничего, пересилим. Деера, правда, плакать будет... Но, может, сперва обсушишься?

– Вместе? – обрадовался гном, словно и не было только что никакой размолвки. – Дык, здорово! Пошли! А на тот берег как? Вплавь?.. А сушиться потом будем. Когда секиру найдём.

– Ну зачем же? Обойдём. У меня тут недалеко под берегом плот спрятан.

У Аргниста – хозяина рачительного – было в разных местах по реке припрятано десятка три плотиков, чтобы, ног не замочив, на другой берег перебираться.

Пройдя немного на закат, человек и гном спустили на воду небольшой плот; оттолкнувшись шестью, поплыли. Физиономия гнома вытянулась от отвращения (его народ отличается стойкой нелюбовью к воде), Двалин шептал себе под нос какие-то ругательства.

На другом берегу Аргнист и Двалин быстро отыскали следы гнома.

– Голыми руками давил, – не без гордости сообщил Двалин.

Они миновали место, где снег был основательно истоптан, а возле корней одной из сосен валялись жалкие останки неудачливого стенолома. Синеватые жёсткие надкрылья, от которых отскакивали стрелы Аргниста с отлично закалёнными наконечниками, были изломаны и искрошены.

«Справу» гнома они обнаружили там, где Двалин её и оставил, – на небольшой уютной полянке, со всех сторон окружённой густым молодым сосняком. Спутник Аргниста бросился к высеребрянной секире, точно к давно утраченной возлюбленной, – гладил лезвие, что-то шептал, даже несколько раз поцеловал.

– Р-родгар! Дык, теперь-то мы с вами совсем по-иному толковать станем!

Вокруг мешков Двалина валялось двое убитых им жуков. Гном тотчас же загорелся поотрубать им жвалы, чтобы потом сделать себе из них ожерелье.

– Медвежатники ж так делают, – объяснил он Аргнисту. – И охотники за драксами тоже...

Драксами гномы Северного Хьёрварда прозывали не шибко крупных крылатых дракончиков размером со свинью, обитавших в Отпорном Хребте и горах Ар-ан-Ашпаранга. Огнём они плевать не умели, зато клыками и когтями орудовали на загляденье. Чешуя их – из-за целебных свойств – ценилась втрое дороже золота; колдуны и знахари, не скупясь, платили за языки этих созданий. Промысел этот считался почти погибельным – коли дракса увидишь, монетку брось. Гербом – тебе жить, а портретом его величества если, то драксу – гласило поверье охотников и означало, что половина схваток заканчивалась гибелью человека. Мало кто выдерживал больше года: коли с драксами управиться, так тебя гномы местные достанут. Они чужаков не любят. Драксы, мол, наша дичь, и всё тут.

Согнувшись над одним из жуков, Двалин уже замахнулся секирой, когда Аргнист внезапно бросился гному на спину, сбив с ног и повалив в снег. Над их головами что-то негромко прошлестело.

Двалин голову поднял – отплёвывается; глаза бешеные, рот перекошен, сейчас в драку кинется, да только весь запал его даром в землю ушёл. Всего в десяти шагах, на дальнем конце поляны, глянь-кось, такой же стеноломов шар, весь синевато-стальной, панцирями бугрящийся. А на сосне, как раз в том месте, где Двалина голова торчала, по коре пятно гари

расползается и кислым воняет. Кто-то из жучар ядом плюнул, верно, хотя раньше они на такое способны не были...

Если бы не войсковой опыт Аргниста, не жить гному. Чуть-чуть, едва заметно шелохнулись сосновые ветки на краю полянки, но старому сотнику хватило. Когда походами в Фейн ходили, тамошние бароны лесных стрелков вдоль всех троп расставляли. Так что увидел, как в зарослях что шевельнулось, – падай на землю сразу, потом разберёмся. Промедлишь – стрела в горле обеспечена.

Гном опомнился первым.

– Р-родгар! Дык, позабудемся! – взревел. Аргнист и глазом моргнуть не успел, а Двалин уже на голову островерхий шлем нахлобучил, одним движением поверх мокрой куртки кольчугу натянул – кольчугу не простую, всю дивно мерцающую, мягко струящуюся, словно и не из металла вовсе, а из тонкого шёлка соткана. Одна такая вещица целого состояния стоила, королю лишь по карману, да и то не всякому... Подгорный народ такие доспехи куда как неохотно продавал.

Презрев опасность, Двалин бросился вперёд, прямо на зловещий шар, нимало не заботясь, последует за ним Аргнист или нет. Сотник с плеча лук сорвал: прежде чем дело до рукопашной дойдёт, слово своё должны стрелы сказать.

Первая из них свистнула над самой головой гнома, ударив точно в середину жучиноного шара, и с лёгким звоном отскочила от панциря надкрылий. Шар дрогнул, покатился вперёд, и тут на него вихрем налетел Двалин. Секира гнома ослепительно сверкнула, с хряском врезавшись в неподатливую плоть стеноломов. Шар мгновенно распался. Жуков-то, жуков – Хедин Отец Наш! – штук сорок, не меньше. Да и как деловито и сноровисто окружают!..

Эх, гном, гном, слишком рано вперёд ты полез. Глядишь, я ещё пару-тройку жучар подстрелил бы... а теперь только на копьё вся и надежда. Никогда раньше не катались стеноломы шарами, никогда не нападали на людей в таком числе...

Аргнист едва успел на помощь Двалину. Копьё старого бойца проткнуло самого шустрого из жуков, остальные расступились, словно опешив, и человек плечом к плечу с гномом приняли неравный бой.

Драка оказалась жаркой. Аргнисту пришлось бросить копьё – стеноломы подобрались почти вплотную – и отбиваться топором. Сталь со звоном отлетала от синеватых надкрылий.

Снежные лоскутья побурели от щедро льющей коричневой крови, жвалы крошились о железо доспехов Двалина, рукава и полы куртки Аргниста мгновенно превратились в лохмотья...

Жуки нападали умело, стремительно, со всех сторон. Число их уменьшилось почти наполовину, но и силы Аргниста тоже иссякали. Твари бросались то справа, то слева, и с каждым разом уворачиваться становилось всё труднее.

Дело было дрянь. В сердце змеей проскользнул холод смертной тоски. Неужто вот так, по-глупому, весной, из-за мальчишеского желания на ток глухариный сходить?... Двалин тоже примолк – смекнул, видно, что тут всё всерьёз и дыхание надо беречь. Теперь лишь злорадно рычал, когда секирой очередного стенолома надвое разваливал.

Аргнист разможил морду ещё одной твари и вытаскивал ушедший в землю топор, когда у Двалина, похоже, терпение лопнуло, и он сделался если не настоящим берсеркером, то очень на него похожим. Гном взревел, как три тысячи пещерных василисков сразу. Забыв обо всём, он ринулся вперёд, предостерегающий крик Аргниста пропал даром. А стеноломы, конечно, этому подарку нежданному очень даже обрадовались. И всем скопом навалились на Двалина со спины.

Как ни кряжист и коренаст был гном, однако и он не удержался – рухнул, погребённый под грудой синевато-стальных тел. Аргнист бросился было на выручку – другие стеноломы

остановили. Грамотно, по всем правилам взяли в «клещи», так что пришлось топором отмахиваться, на месте без толку стоя...

И, наверное, стал бы этот бой последним и для не в меру отважного гнома, и для старого сотника, но в самый последний миг, когда вроде бы и надежды не осталось, свистнула откуда-то из сплетения сосновых ветвей неожиданная белооперённая стрела. За ней вторая, третья, четвёртая...

Они летели одна за другой, неведомый лучник выпускал их так ловко и быстро, что никто и глазом моргнуть бы не успел, а за первой белой молнией уже и следующая спешила. Стрелы эти с лёгкостью пронзали почитаемые непробиваемыми крыльевые панцири; не прошло и нескольких мгновений, как страшный ком распался, рассыпался синей окаленной мёртвых тварей.

Двалин остался лежать ничком, неподвижный и окровавленный.

Все уцелевшие жуки с похвальной поспешностью бросились наутёк. Краткое время спустя на поляне, кроме Аргниста и гнома, оставались только мёртвые стеноломы.

Хуторянин так и не смог уловить момента, когда их спаситель появился на опушке, — ещё мгновение назад там стыли в неподвижности сосновые ветки, а теперь, глянь-ка, у крайнего ствола стоит высокая стройная фигура в темно-зелёном плаще с прорезями для рук, длинный и тонкий лук странного белого дерева взят на изготовку.

— Эй, целы вы там? — Голос полон тревоги, но чувствуется и ещё некая внутренняя мягкость, столь несвойственная грубым и жёстким местным охотникам. Незнакомец кошачьей поступью двинулся через поляну, склонился над Двалином, и лицо его тотчас вытянулось. — Проклятье! Худо дело... Яд в раны попал... Торопиться надо!

Аргнисту и самому видно — плох гном, куда как плох, краше в домовину кладут. Шея, руки, ноги — всё, что железом кольчуги прикрыто не было, стало сплошной раной, да ещё и на глазах чернеющей. Хорошо, пальцы рук целы... Между колец доспеха с пугающей быстротой скользили алые струйки; стрелок отложил белый лук и склонился над Двалином.

Только теперь старый сотник смог как следует разглядеть незнакомца. Лицо правильное, чуть вытянутое, с высокими, хорошо очерченными скулами; от уха до уха аккуратная бородка курчавится, недлинная, тёмно-русовая — девки такие любят. Брови срослись на переносице, а под ними холодновато поблескивают непривычно удлинённые глаза — серые, спокойные. Удивительно спокойные, словно и не было только что здесь кровавого боя, словно не хрипит у тебя на руках гном, кровью истекая... И где это ты только так стрелять выучился, парень?! И откуда это у тебя такие стрелы, что панцирь стенолома пробивают, словно гнилую рогожу?.. И лук у тебя странный, хотя в Галене какого только заморского товара не встретишь.

Гном истекал кровью, глаза его закатились. В три руки стащили с Двалина сперва кольчугу, а затем залитую кровью алую куртку из кожи горной змеи. Незнакомец только присвистнул при виде жутких ран и споро взялся за дело.

Сперва добыл из сумки какие-то порошки и снадобья, но потом веко впавшему в забытье гному приподнял, губы сжал и всё добро своё — в сторону. Ладони на окровавленную грудь гнома положил — пальцы длинные, тонкие, как только меч такими держит? — и по лицу гримаса боли прошла. Раз руками над ранами прошёлся, другой, третий... Аргнист смотрел и чувствовал, как у него ум за разум заходит.

— Да ты никак колдун, парень? — с невольным уважением прохрипел Аргнист.

Глянь — а кровь уже остановилась, страшные раны на глазах затягивались, пугающий чёрный цвет исчезал. Видывал когда-то и Аргнист подобное — в Галене. Главный придворный чародей его величества Игнарона проделывал...

— Ничего особенного, — незнакомец проговорил устало. Пот со лба вытер. — Теперь твою руку давай глянем...

Целитель ловко вспорол лохмотья, оставшиеся от рукава куртки Аргниста. Рана вроде бы и небольшая, а успела и загноиться, и почернеть. В гвардии-то лечить стали бы просто – мечом чуть пониже плеча рубанули бы, да и весь сказ.

А тут... Диво дивное, да и только. Ладонь колдуна, не касаясь, над самой кожей прошла – и чудовищный нарыв тотчас прорвался, гной вскипел, словно вода в котелке, открылась здоровая розовая кожа...

– Вот и всё. – Волшебник обессиленно сел прямо в снег.

– Позволь теперь мне помочь тебе, мастер. – Аргнист захлопотал вокруг своего спасителя. Заклятья творить – то дело не шутейное, всякий знает.

– Благодарю, мне уже лучше, – тот открыл глаза. – Но гнома в тепло нужно скорее... Иначе он, боюсь, не встанет больше.

– От устроил себе! Тьфу, пропасть! Храбрый, а дурак. Ладно, дотащу уж его как-нибудь. Но а тебя-то как зовут, мастер?

– Зови меня Эльстаном. – Волшебник с некоторым трудом поднялся. – А теперь – за работу!

Аргнист несколькими ударами топора снёс пару молодых сосенок. На скорую руку смастерили некое подобие носилок, взвалили на них гнома и, сгибаясь под тяжестью ноши, побрели к хутору.

Домой добрались, когда уже совсем стемнело. По дороге почти не разговаривали: Аргнист знал, что волшебникам лишних вопросов задавать не стоит, а Эльстан тоже молчал.

– Вообще-то, у меня к тебе очень серьёзный разговор, почтенный Аргнист, – возле ворот хутора волшебник нарушил молчание. – Мы поведём речь об Орде.

– Так что ж ты раньше молчал, досточтимый мастер? – удивился старый сотник. – Столько шли – вот и поговорили бы!

– Я следил за её тварями, – последовал ответ. – С этими жуками – стеноломами, правильно? – мы бы справились, но, кроме них, там кружило немало бестий и похуже. Мне нельзя было отвлекаться.

– Ну, раз пришёл говорить об Орде, отчего ж не потолковать, – кивнул Аргнист.

– Сам я с юга, – чуть быстрее, чем приличествовало уважающему себя могучему волшебнику, сказал Эльстан. – С Рыцарского Рубежа. Был в братьях. Ушёл. Теперь странствую один. – Он выпалил всё это одним духом. Простой хуторянин никогда бы ничего не заподозрил, но Аргнист недаром служил в гвардии двух королей. Молодой чародей, мягко говоря, слегка хитрил. Но хитрил отчего-то совсем по-человечески.

Ворота хутора, несмотря на почти ночное время, были широко распахнуты. Во дворе горели многочисленные факелы, из конюшен выводили лошадей, слышался резкий и повелительный голос Алорта, старшего сына Аргниста.

– Ну, что расшумелись? – сердито бросил оторопевшим домочадцам Аргнист, внезапно появляясь из-за угла со своей странной ношей. – Чего суетитесь? Я уж и задержаться в лесу не могу – ровно дитё неразумное! Лучше пошлите женщин два гостевых ложа приготовить да Саату позовите! Она у нас травница, – обернулся он к Эльстану.

– Это будет нелишне, – согласился тот.

– Отец! Но ты же в крови! – вдруг воскликнул Армиол. – Что случилось? Неужто Орда?..

– Пустяки, полдюжины стеноломов, и потому хватит квохтать! – строго прикрикнул на юношу отец. – Чай, не баба. Не видишь – на ногах стою.

Армиол осёкся. Старшие братья, Алорт и Арталег, покосились на младшего с неодобрением – в самом деле, чего нюни разводит?.. Отец умирать будет – и то всё сделает, чтобы никто не заметил...

– Лучше помогите вот его внутрь внести, – распорядился Аргнист, и сыновья тотчас подхватили тяжёлые носилки.

– Гнома подобрали, – пояснил Аргнист собравшимся у ворот людям. – Орда его потрепала. А это Эльстан, целитель искусный и стрелок отменный.

Молодой волшебник приложил руки к груди и поклонился.

– Пропустите, да раздайтесь же! – вдруг послышался высокий женский голос, заметно дрожащий от сдерживаемых слёз. – Да отойдите же, не застите!

Работники, служанки и даже сыновья сотника поспешно расступились. Супругу Аргниста, почтенную Дееру, дочь Лииты, боялись все без исключения, и даже её собственный муж. Когда хозяйка гневалась, от неё лучше было держаться подальше.

Она вынырнула из-за людских спин, высокая, статная, прямая, с едва заметной сединой в густых каштановых волосах. Большие тёмные глаза смотрели с укором и горькой обидой, пальцы теребили край передника.

– Да что ж это такое! – напустилась она на Аргниста, чего никогда не делала на людях. – Не иначе, на тот свет собрался, муженёк! Мыслимое ли это дело – по лесу так долго шастать! Пусть даже и весной! Вот, пожалуйста, добродился! – Взгляд Дееры упал на окровавленный рукав. – Ну, что я тебе говорила?!

– Ладно, хозяйюшка, не серчай. Видишь, какое дело приключилось... Гном в беду попал – что ж мне, бросать его было, что ли?

Против подобного аргумента Деера ничего возразить не могла.

– Да и гости у нас. – Аргнист шагнул в сторону, и Эльстан вновь поклонился – на сей раз одной Деере. Кое-кто из девушек демонстративно и томно вздохнул – гость был красив, очень красив...

– Так что ж ты его у ворот держишь? – тотчас возмутилась Деера. – А вы что встали? – повернулась она к сыновьям, так и застывшим с носилками на плечах. – Несите наверх, в пустую светёлку! За Саатой послали?

– Послали, матушка, – тотчас отозвался Алорт.

– Вам не напомнишь – в отхожем месте штаны спустить забудете, – махнула рукой Деера.

Мало-помалу суета улеглась. Гнома уложили на заботливо приготовленное ложе; он оставался в полузабытьи, но Саата, быстро отыскав какое-то снадобье, влила-таки его в рот Двалину, и гном моментально уснул.

– Правильно, почтенная, – негромко сказал молодой женщине Эльстан.

Саата подняла глаза на гостя... и тут же опустила их, густо покраснев. В самой глубине глаз Эльстана чуть заметно мерцал тёплый огонек, и любая женщина безошибочно угадала бы, что он означает...

Положение спас сам хозяин, позвавший Эльстана отужинать.

Уважая гостя, за едой его никто ни о чём не спросил. Однако, едва только ужин окончился, Эльстана тесно обступили со всех сторон. Аргнист назвал молодого волшебника «целителем и стрелком», отнюдь не чародеем; произнеси хозяин хутора слово «колдун», никто бы не подошёл к Эльстану ближе чем на полёт стрелы.

Все загомонили разом, требуя скорее подробностей. Саата скромно держалась в сторонке, хотя именно она-то и могла сказать кое-что о странном госте. Её, травницу, обмануть было не так легко: раны на шее и руках Двалина говорили сами за себя. Однако она молчала...

– Погодите, погодите! – рассмеялся Эльстан, в шутовском ужасе вскидывая руки. – Сперва мне надо поговорить с почтенным Аргнистом. А потом я весь ваш, друзья мои! Споём и станцуем, а, как вы?

– Станцуем! Станцуем! – восторженно запищали девчонки. Парни выразили своё одобрение дружным «Ага!». Круг разомкнулся, пропуская Эльстана.

Старый сотник привёл гостя в дальнюю полутёмную горницу, самолично зажёл лучины в кованных светцах, выставил расписной кувшин с горячим сбитнем и несколько чашек.

– Я ведь так разумею, – начал Аргнист, – ты об Орде подробности собираешь. Пора, пора, давно пора чародеям за эту напасть взяться! Так что, почтенный, я кое-кого из своих тоже позову. Что я запомню, они расскажут. Хотя что ты ещё хочешь об Орде узнать, коли с Рыцарского Рубежа пришёл?

Вопрос был с подвохом.

– Там умеют только отгонять тварей от стен, – чуть усмехнулся Эльстан. – Больше о чудовищах ничего не известно. А ведь они должны откуда-то появляться, где-то плодиться – разве не так? И одно из таких мест я уже знаю.

В горницу осторожно, бочком вдвинулись сыновья Аргниста, за ними Деера. Жена Аргниста вела за руку смущённую Саату, красную, как маков цвет. Свекровь была весьма высокого мнения о своей младшей невестке; поговаривали, будто Саата умеет ворожить и чуть ли не колдовать. Деера всему этому верила свято и, таща за собой слабо упирающуюся молодку, распоряжалась прямо на ходу:

– Ты в корень, в корень зри, девонька! На тебя вся моя надежда. Мало ли что пришлый этот наплетёт! Кто их, странников-то нынешних, разберёт, а только не зря бают, что добрые люди нонче по дорогам не шастают. Кто поумнее, тот на юге сидит, за Рыцарским Рубежом, кто поглупее – вот как мы, скажем, – те здесь... Орду отгоняют, чтоб южане задницы потолще наедали... Так что ты смотри внимательно! – Деера даже погрозила невестке пальцем.

– Матушка... так ведь Арталег-то... супруг мой... что скажет-то? Увидит, что я на гостя смотрю... Сами ведь сына своего знаете, матушка!

Деера нахмурилась. Её средний и впрямь характером не задался – и упрям, и зол бывает, да и Саату, случается, как следует приложит... И отец ему уже не указ! А Саата ж ведь с дитём! Нет, ещё раз девочку обидит... пусть в кузне живёт. Да! Так Аргнисту и скажу, а то больно мягок он с ним... Сам сотник за всю жизнь не тронул жену и пальцем. Они и в самом деле жили «в любви и согласии», как пелось в песнях...

– Арталега не бойся, – насупив брови, решительно произнесла хозяйка хутора. – Сама ему сейчас скажу.

Пока сыновья Аргниста чинно рассаживались за столом (Саата – прямо напротив Эльстана), Деера дёрнула за рукав Арталега.

– Иди-ка сюда, голубь. – Губы матери были поджаты. Начало разговора не предвещало ничего хорошего, парень угрюмо поплёлся следом. – Ты у меня смотри! – яростно прошипела Деера в лицо сыну. – Опять жену угостил?! Молчи! И в кого ты только такой изверг! В малолетстве котят всё мучил, я думала – по глупости, а ты и взрослый такой же орысиной остался!.. Ну ладно, об этом позже, а сейчас слушай – Саате я велела на Эльстана этого смотреть. Понял?! Я велела! Так что нишкни. А вообще, узнаю, что ты её опять... – она на мгновение умолкла, собираясь с духом, – прокляну! Так и знай – прокляну!

– Мать, ты что? – опуская голову и сдвигая брови, пробурчал Арталег. – Сатьке ж я за дело... Нерасторопна, неслужлива! Из лесу приду – сапог не снимет!..

– Я тебе покажу! – вспыхнула Деера. – Сапоги с него стаскивать жена должна!.. Изверг, как есть изверг! Ну, я с тобой ещё потолкую...

– А я ей всё равно всыплю, – с мрачной угрозой пробормотал Арталег. – Нечего ей жаловаться!..

Вместо ответа мать больно дернула его за вихор.

– Поговори у меня!.. А теперь пошли. Ты понял?

Арталег угрюмо дёрнул плечом. Набычась и волком глядя по сторонам, он вошёл в светёлку вслед за матерью. Сильный, широкоплечий парень, длиннорукий, мускулистый, но глаза какие-то мутные, словно с гнильцой, вечно прищуренные, рот всегда брезгливо скривлён. Он понимал, что Саата вышла за него только по воле родителей – семьи Аргниста и Каргара договорились об этом браке восемь лет назад, – и от этого терзался всё сильнее и сильнее с каждым днём...

– Прощения просим, гость дорогой, – извинилась Деера, усаживаясь рядом с мужем. – Задержались мы чуток, да, впрочем, нам же торопиться некуда? Ночь-то, она длинная...

– Справедливо, почтенная хозяйка, – Эльстан в знак согласия склонил голову. – Вы позволите мне начать?..

«Южанин, точно, – подумал Аргнист. – Здесь хоть всю округу частым бреднем прочеши, а второго, чтобы так изъяснялся, не сыщешь».

– Я искал этот хутор, почтенный Аргнист. Я знаю, что ты служил в королевском войске и остался в лесах после того несчастного похода. Всё, что мог, об Орде я здесь вызнал. И хочу предложить тебе – и твоим сынам – одно трудное и опасное дело. Одно из логовищ Орды мне известно. В этой округе твари выходят из-под земли через развороченную вершину Холма Демонов.

Глава III

– Ты знаешь, откуда Орда идёт к нам? – Аргниста ровно по голове чем-то тяжёлым ударили. Он свыкся с Ордой. Знал, что она всегда была, есть и будет, что победить её невозможно, что в человеческих силах лишь ненадолго оттеснить её от своего порога.

– Знаю, – Эльстан кивнул.

Ишь, сидит, прямой, строгий, губы сжаты, в глазах – тёмное пламя. Сильный чародей. Очень сильный. Уж колдунов-то, проходимцев всяких Аргнист в молодости на юге насмотрелся. Силу чувствовать научился. Этот странноватый парень – из настоящих. Уж тут-то он, Аргнист, что угодно прозакладывать может.

И точно – Эльстан как будто его мысли прочитал. За пазуху полез и, глянь-ка, достаёт жезл волшебника!

Те, кто умеет заклятья бросать, тоже меж собой не равны. Самые низшие – это целители всякие, ворожеи, травники. Они если и колдуют, то самую малость. Правда, люди они большей частью достойные и полезные, хотя, конечно, в семье не без уroda. Ступенью выше – колдуны. Эти кое-чему учились, могут молнию с небес свести, дождь вызвать, вещь пропавшую найти и так далее. Ещё выше – волшебники. Эти имеют жезлы, из белой кости резанные, с прозрачным камнем на торце. Ну а высшая каста – маги. Эти с посохами ходят. Болтают, будто в посохе-то главная сила мага и кроется, хотя сам Аргнист подобному не верит. Что же ты за маг, если, без игрушки своей оставшись, в беспомощного старикашку превращаешься?..

Сыновья Аргниста переглянулись. Это было что-то новое, и от этого нового в сердцах начинал медленно разгораться жаркий огонь. Логово Орды! До него ни разу не добирался ни один человек. Они должны стать первыми!

А у Дееры сердце тотчас упало. Всё, муженёк теперь на месте не усидит. Да чтоб ему, Эльстану этому, на обед хоботяре попасться!

– И ещё я хотел предупредить тебя – тебя и всех остальных хуторян. Орда тоже меняется. Появляются новые твари, куда более смертоносные. Вам они пока ещё не попадались. Совет магов Галена думает, как вывести людей с севера за Рыцарский Рубеж.

– Что? – ошеломлённо переспросил Аргнист. – На юг? В орденское ярмо?

– Кто знает, быть может, это окажется единственным выходом, – вздохнул Эльстан. – Но речь сейчас не только об этом. Я – разведчик. У меня два дела. И разузнать о новых тварях я могу лишь около того места, где они выходят на поверхность. Я пришёл спросить тебя, не составишь ли мне компанию, – закончил пришелец недолгую свою речь.

Не составишь ли компанию! Легко сказать, да трудно сделать. Жезл, конечно, у тебя, парень, красивый, спору нет... и стрелы, ручаюсь, заговорённые... но что ты возле Холма Демонов найти хочешь?

Последнюю мысль Аргнист произнёс вслух.

– Как что? – Эльстан аж удивился. – Ответ на простой вопрос: кто наслал на эти земли Орду? Зачем и почему? И как от неё избавиться?

– А мы-то тебе зачем? Сюда шли, ты толковал, что сам нас об Орде расспрашивать хочешь...

– Хочу и буду! – горячо подался вперёд пришелец. – Но главное всё же возле её, Орды, логова. Большому войску там делать нечего. А небольшой отряд, глядишь, проскользнёт.

– А зачем тебе мой муж и сыновья? – вскинулась Деера. – Ты, гость дорогой, чародей не из последних будешь – вот и извёл бы эту Орду всю под корень! А то вы все мастера разговоры разводить... А потом окажется, что ты просто живот свой спасал, телами Аргниста да мальчишек загораживался?!

Слышно, Эльстан зубы сжал – аж скрипнули.

– Почтенная хозяйка, клянусь тебе Кровью Предвечных Звёзд, что, окажись у меня достаточно силы, в тот же миг с Ордой бы расправился, пусть бы даже и жизнью собственной заплатить пришлось. Но, увы, не в моей это власти. И в одиночку пробиться к Холму Демонов я тоже не могу. Магия магией, но и без мечей тоже не обойтись. Не столь могуч я, почтенная хозяйка, чтобы рукой взмахнуть – и передо мной чистый путь откроется. Коли так, не носил бы с собой ни меча, ни лука.

Помолчали. Деера глаз не опустила, а вот Саата так прямо вся краской залилась. «Хорошо, Арталег не видит, как Эльстан этот на меня смотрит... Ой, да что ж это так сердце-то колотится?! Ты же мужняя жена...»

Аргнист же, едва про Кровь Звёзд услышал, так глаза мало что на лоб не выкатил, ровно мужик-деревенщина, впервые в Галене Светлопенном оказавшийся...

– Хорошо, Эльстан-чародей, – выговорил наконец хозяин. – Невместно мне на твою просьбу отказом отвечать. Пойду с тобой. Не первый раз Орде рогатину в подбрюшьё всаживаем. Авось и на сей раз Боги Милостивцы, Хедин с Ракотом, защитят и оборонят.

Деера только ладонями лицо закрыла. Ума последнего муженёк лишился, не иначе. Сгинет только, вот и всё. Неужто ей теперь вдовой век вековать оставшийся!..

– погоди, не реви, я ведь живой ещё. – Аргнист жену по голове погладил и, к сыновьям повернувшись, продолжил: – Арталег! Со мной пойдёшь. Ты, Армиол, тоже. А ты, Алорт, здесь заместо меня останешься.

– Армиол-то тебе зачем? – подала голос Деера. – Оставь ты его! Я ещё внуков его покачать хочу...

– Мамо, да вернёмся мы все, вернёмся!.. – Армиол так и вскинулся – боится, что дома оставят.

– Выступим завтра, – решил Аргнист. – Алорт! Хватит брови хмурить! На тебя весь народ оставляю! Мать! Хозяйство! Хутор храни, чтобы нам было куда вернуться!

Коренастый, основательный Алорт молча наклонил голову. Слово отца – закон. Иначе пропадём все ни за что.

Деера с Саатой молча поднялись и поклонились.

– Пойдём вас в дорогу собирать, – мертвым голосом сказала Деера.

Аргнист, несмотря на хлопоты, постарался как можно лучше устроить гостя. Эльстану отвели чистую парадную горницу; искупая невольную вину, молодой волшебник в тот же вечер вышел к хуторянам с большой лютней.

Чистый и сильный голос Эльстана заполнил просторную горницу. Он старался петь только самые весёлые плясовые, и народ, конечно, на месте не усидел. Насилу Аргнист глубоко за полночь всех спать разогнал.

Плеча Эльстана неожиданно коснулась чья-то мягкая рука. Он резко повернулся – может, излишне резко, так что невысокая стройная фигурка испуганно отпрянула.

– Прости, не хотел тебя напугать, – Эльстан покаянно развёл руками. Вспомнил – Саата, жена Арталега, среднего сына Аргниста. Травница.

Вгляделся пристальнее. Да... травница... и... чуть-чуть... колдунья!

Так вот почему её посадили прямо напротив него и она так пристально вглядывалась ему в лицо! Хотели разобраться... не верили... боялись...

Он вновь усмехнулся, но на сей раз усмешка вышла совсем кривой и вымученной. Ему не доверяли. Он мог петь сколь угодно чарующе, но при этом оставаться грязным колдуном. Их все бояться и при первом удобном случае сжигают на кострах.

«Пора бы привыкнуть, Эльстан, да всё никак не выходит».

– Я провожу тебя, – от смущения Саата не знала, куда девать руки.

– Я знаю дорогу, – удивился волшебник. «Зачем? Почему? Разве нет, на крайний случай, служанок?.. И вдобавок – Саата же в тягости! Впрочем, не будем спорить. Посмотрим, что последует далее».

– Хорошо, госпожа, я готов следовать за тобой, – по некотором размышлении Эльстан отвесил молодке церемонно-изящный поклон. Ответом послужил ещё один недоумённо-испуганный взгляд.

Она провела его в уже знакомую гостевую. Желтоватый дощатый пол оттерт до блеска, на широком лежаке в углу уже готова постель. Саата засветила лучину, вроде бы и уходить ей уже пора, однако же нет, не торопится.

– Скажи мне... Вы с отцом вернётесь? – вдруг последовал вопрос.

«Так. Аргниста невестка зовёт отцом, а не свёкром. К чему бы?»

На прямые слова негоже отвечать утешительной ложью, и, повинувшись вечной магии зелёных глаз, Эльстан ответил, не кривя душой:

– Не знаю, госпожа. Очень может быть, что поход этот закончится нашей гибелью. Это ведь не поединок, где всегда есть надежда, даже если против тебя и более сильный враг. А Орда – это смерть. Одно лишь скажу тебе твёрдо – мы или вернёмся все вместе, или из нас не вернётся никто. За шкуру свою жизнями твоих близких я платить не стану.

– Я... я верю, верю! – прозвучал горячий шёпот. – Но... ты же чародей. Ты... ты гораздо сильнее, чем хочешь казаться. Я, конечно, всего лишь хуторская травница, но в тебе я чувствую что-то высокое, холодное, чистое... Кто ты? Неужели простой смертный волшебник?

Зелёные глаза горели, моля об одном – правду!

Однако именно эту правду он открыть и не имел права.

– Так чего же ты хочешь от моего искусства? – Он попытался уклониться.

– Загляни вперёд! – горячо выдохнула Саата. – Скажи, суждено ли отцу вернуться...

Эльстан только головой покачал.

– Про отца твоего, почтенного Аргниста, ничего не скажу. Не могу на свой собственный поход гадать. Боги всё равно не ответят. Но ты ведь не только об отце спросить хотела? И даже не о дочери? – Эльстан пристально поглядел в глаза Саате, той показалось, что в самую душу заглянул. – О сыне своём, не зачатом ещё, верно? Потому что сейчас жребий его, если он страшен, волшебной ещё переменить можно?

Саата дрожала, не в силах вымолвить ни слова. Только кивнуть и сумела.

Волшебник вновь скрипнул зубами. Возложенный на него долг требовал, чтобы он ответил прямым и недвусмысленным отказом. Но эти глаза! Кровь Звёзд, что за глаза!

– А что скажет твой муж? – использовал он последнюю отговорку. Саата лишь слабо улыбнулась.

– Я ему трёх бабёнок подсунула. По нитке жемчуга речного каждой – не так уж дорого. До утра они его не отпустят.

Отказаться Эльстан уже не мог.

Дверь гостевой горницы запер тяжёлый железный засов. Волшебник затеплил две лучины по краям стола. Достал свой жезл – камень в наверху мягко светился голубым и серебряным. Шагнул было к своей сумке, но затем отчего-то махнул рукой и сел, положив жезл на чистую столешницу. Соединил руки над камнем и начал вполголоса читать заклятье на странном, небывало чистом и мелодичном языке.

Он читал долго. Заклинание вилоьсь, точно великая река Эгер, и над столом, между горящих лучинок, медленно стал проявляться опалесцирующий шар. Внутри его постепенно начала расти золотистая искорка.

А потом... невольно Эльстан даже отшатнулся от неожиданности. Из-за пределов свещающегося шара к золотой искорке со всех сторон хлынула Тьма.

Свитые в тугие смерчи, её струи казались устремившимися к добыче ядовитыми змеями. Нет! Не змеями... они... они не стремились поглотить искру ненавистного золотого сияния, нет! Они... словно бы пытались вытолкнуть её на поверхность какого-то мутно-серого океана...

И тут шар внезапно лопнул, а Эльстан с коротким, сдавленным воплем упал грудью на стол. Саата рванулась к нему.

Её ладони осторожно коснулись бессильно откинувшейся головы молодого волшебника, с робкой лаской прошлись по длинным волосам – «мягкие-то какие!» – и испуганно отдёргнулись, едва Эльстан захрипел и приподнялся, оттолкнувшись ладонями.

– Что это?.. – только и смогла пролепетать молодка.

Эльстан широко раскрытыми глазами смотрел на опалённые доски стола.

«Вот это да! Вот это да! Великая Тьма, что тебе надо от этого ребёнка? Ты что-то от него хочешь? Звёзды отдают ему рассеянную в Сфере Миров силу, и ты хочешь бросить эту силу в бой... против кого? Новых Богов? Или... или это Великое Зло, приход которого так настойчиво предвещают все до единого пророки?..»

– Я... я ничего не могу сказать, – прохрипел Эльстан в ответ на жгучий, молящий взор Сааты.

Больше она от него ничего не могла добиться.

Наутро маленький отряд двинулся. Эльстан, Аргнист, Армиол, Арталег. Четверо против Орды.

Дорога к Холму Демонов была хорошо известна. Место это пользовалось дурной славой, но почему – толком никто не знал. Тайные капища троллей и гоблинов располагались севернее. Логова какой-нибудь твари вроде вампира или ведьмы в Холме никто никогда не замечал. Тем не менее молва гласила единодушно – «дурная гора». Правда, все эти сведения не отличались свежестью – к Холму давно уже никто не ходил. Орда нагнала, и хуторянам становилось не до прогулок, тем более в места со столь богомерзкими названиями.

Узкая лесная дорога. Впереди – сам Аргнист, рядом – Эльстан, белый лук наготове; потом – Арталег с Армиолом. Хутор позади остался, край леса миновали, и тут-то Орда себя и показала.

Пяток ногогрызов атаковал из-под корней. Эльстан всадил одному в спину стрелу, остальных кони затоптали.

– Первая весть. – Аргнист спешился – Локрану с копыт стереть кровавую дрянь. – И сколько за четыре дня ещё будет...

До вечера таких «вестей» было ещё четыре – не слишком много для столь дальнего перехода. Один раз стеноломы – Эльстан наспиговал синеватый шар стрелами столь стремительно, что никто не успел и руки поднять. Потом броненосец попался – Армиол достал тварь копьём, а его конь довершил дело копытами. Третья стычка оказалась посерьёзнее – дорогу преградила пара хоботяр с полной свитой. Такое даже для Защитника крепкий орешек, и отряду солоно бы пришлось, не будь Эльстана. Две стрелы – и один хоботяра ослеплён; вскинутый жезл с горящим алым пламенем наверху – и вторая тварь, нелепо взбрыкнув, опрокинулась на спину, болтая лапами в воздухе.

– Всё! – Волшебник в седле запрокинулся, мало что лук не выпустил. – Дальше... железом!

Оно и видно, что железом. Аргнист своего Локрана по бокам – и вперёд. Копьё до половины древка хоботяре в брюхо воткнулось. Кровь во все стороны чёрным веером брызг горячих. Арталег с тремя брюхоедами схватился, Армиолу опять броненосец достался, а старому сотнику на себя мелочь вроде костоглотов пришлось принять.

Ослепленный хоботяра тем временем кожу на черепе себе разорвал, оттуда новый глаз вынулся. Правда, второй хоботяра, опрокинувшийся, так больше уже и не встал – видать, копьё спинной хребет перешибло. Арталег двух брюхоедов прикончил, Армиол своего броненосца затоптал – от мелких и средних тварей отбились. От хоботяры же так просто не отделаешься; и небось не миновали б они смертей, но опять же Эльстан выручил.

– Гони! – прохрипел через силу, слова пополам с кровью изо рта выплёвывая. – Гони! Кони вынесут! А тварь я со следа собью! – И в самом деле сбил, правда, после этого его самого пришлось к седлу верёвками привязывать. Совсем чародей обессилел.

После такой передряги четвёртая встреча и вовсе чепуховой показалась. Подумаешь, три главопасти! Одну копьями истыкали, вторую Локран с конями сыновей Аргнистовых на рога нанизал, третьей секирами досталось.

Свечерело. Они забрались далеко на полночь; даже Аргнист не знал здесь безопасных мест, вроде Светлой Горки, где, по крайней мере, не нужно бояться Нежити.

Когда был съеден скромный походный ужин, Эльстан вновь взялся за дело, очертив вокруг стоянки несколько охранных кругов. Тонкие серебристые обручи один за другим ложились на чёрную, ещё кое-где покрытую снегом землю. На миг эти круги ярко вспыхивали, медленно затем угасая. Утирая мокрый лоб, Эльстан устало опустился возле костра.

– Надеюсь, мелочь моё колдовство сдержит. – Он казался совершенно измождённым. – На крупных я поставил один капкан... больше не могу. Орда невероятно сильна. Хотел бы я знать, кто питает её мощью!

– Тёмный Властелин, кто ж ещё, – буркнул Арталег. С самого начала парень смотрел на молодого волшебника безо всякой приязни.

– Тёмный Властелин! – Эльстан усмехнулся. – Кто он, где его крепость, как одолеть это создание?..

– Так это у вас, колдунов, спросить надо!..

– Правильно. И чтобы мы, колдуны, знали ответы, мне придётся лезть в Холм Демонов. Разговор прервался. Аргнист мрачно молчал.

Колдун-то, оказывается, только зря щёки надувал. Ничего он толком не может! Хоботяру опрокинул, и всё – язык на плечо вывалил. С таким от Холма едва ли назад вернёшься. Глядишь, ещё его самого спасать придётся. Правда, стреляет парень всё равно здорово...

Темные часы короткой ростепельской ночи летели быстро. Аргнист караулил первым, после него – Армиол и под самое утро – Арталег. Кругом царили тишь и спокойствие, Орда не показывалась, Нечисть тоже. С первыми лучами солнца все четверо путников были уже на ногах.

Второй и третий день пути прошли однообразно, как будто Орда уже насытила свою ярость. Один раз испугнули одинокого гоблина; Аргнист позвал его, думая расспросить, но тот бросился наутёк так, что треск был слышен ещё очень долго.

Конечно, Орда не исчезла бесследно, не оставив по себе никакой памяти. Лес был встревожен, напуган, поражён страхом. Птицы металась как оглашенные, несколько раз всадники натыкались на лосиные следы – по ним судя, звери неслись во весь опор, словно спасаясь от погони. Вечером третьего дня на пути попался совершенно свежий, дочиста обглоданный медвежий скелет. Многие кости зверя были переломаны.

Местность вокруг Холма Демонов не отличалась красотой. Унылые болота, мелкие берёзки да чахлые сосенки. Ни грибов, ни ягод, и зверьё этих краев избегает. По окраинам болот теснились мрачные ельники, точно готовое к штурму войско. Дорогу постоянно преграждали поваленные деревья, даже весёлое весеннее солнце спряталось в тучах, зарядил мелкий нудный дождь.

Утром четвёртого дня путники оказались на краю обширной, заросшей кустарником равнины, прямо посреди которой чудовищной шишкой вспух Холм Демонов.

Затаив дыхание, все четверо молча смотрели на окутанную серой мглой голую, каменистую вершину. Чуть ниже в развороченном склоне виднелся чёрный зев пещеры, и оттуда сплошным потоком валила Орда.

От края леса в деталях ничего не разглядишь. Аргнист глаза прищурил, но, прищуривай не прищуривай, всё одно – какая-то река шевелящаяся, видны длинные шеи хоботяр, рогачинные башки. Остальное всё в серой дымке тонет. А время от времени ещё и крылатые тени мелькают – не иначе, клювокрылы. А звуки! Скрежет, визгливые вопли, плотоядное урчание, неясные хрипы, клёкот, резкий свист... А уж вонь – сто лет хлев не чистить надо, чтобы так запахло.

Но, братие, коли там пещера, так ведь её свод и обрушить можно.

Аргнист посмотрел на сыновей, и потом они все вместе уставились на Эльстана. Какие там изыскания, во имя Ракота?! Ты же маг! Заставь камни повиноваться! И, словно прочитав их мысли, заговорил Эльстан:

– Пещеру я попытаюсь завалить. Если вы сможете меня прикрыть...

«А что будет, если наславший эту Орду Тёмный Властелин прознает, кто запечатал логово его тварей?.. А ведь мне придётся произнести имя моего Короля... потому что иначе Орда разметет камни в два счёта... Что тогда будет, о лариэ сайти алэн?!»

– А отсюда... ты завалить её не можешь? – осведомился Аргнист.

– Нет, – отрезал Эльстан.

– Тогда вперёд. – И кони, грудью раздвигая невысокие заросли, шагом двинулись вперёд.

Что с тобой, Аргнист? Уж не страшно ли тебе? Ты не боялся смерти на ратных полях, ты не боялся старости – давно решил, что, не дожидаясь немощи, сам уйдёшь к Ракоту, – так отчего же сейчас сердце колотится возле самого горла? Ох, не так сюда пробираться надо!.. Коней с Армиолом оставить – может, хоть младший уцелеет, а самим ползком, ползком... Но верхами у тебя изрядное преимущество перед тварями Орды, и потому приходится рисковать. Зловещий холм мало-помалу приближался.

– Стойте! – внезапно прошипел Эльстан, поворачивая своего скакуна. – Оно рядом... Слышите? К мечу!

Рогач ухитрился подобраться почти вплотную. Из зарослей высунулась жуткая рогатая башка, покрытая тёмно-коричневой глянцевою чешуей. Напоминавшая бочку пасть распахнулась, длинный розовый язык затрепетал, словно у выбирающей жертву змеи. Из пасти по чёрным губам стекала дурнопахнущая слюна.

Стрела волшебника по самое оперение ушла в морду рогача. Ударили копыта Аргниста и Армиола, Арталег ловко метнул секиру, Локран изловчился стегнуть тварь роговым клинком на хвосте. Один из рогов твари внезапно и резко удлинился – Эльстан уклонился чудом. Обеими руками он уже сжимал свой серебристый тонкий меч и, неожиданно перегнувшись с седла, вогнал оружие по самый эфес в шею страшилища. Остриё дошло до сердца, чудовищный бык коротко взревел и повалился.

– Ловко, – тяжело дыша, одобрил Аргнист. – Славный у тебя клинок, мастер. Где такие делают, не скажешь?.. Ар-ан-Ашпаранг?..

Эльстан только покачал головой.

– За морем, в Южном Хьёрварде...

«Нехорошо лгать сражающимся с тобой рука об руку!»

– Крупный, однако. – Арталег пнул тушу носком сапога. – Попотеть бы пришлось...

Это ещё, пожалуй, мягко сказано. Один на один с рогачом у обычного человека нет никаких шансов. Втроём, да ещё верхами, случалось, справлялись, правда, не без ран и увечий.

– Трогаемся! – Аргнист послал Локрана вперёд. – Немного уже осталось.

Заросли внезапно кончились. Вверх круто уходил голый, совершенно безжизненный склон. Камни маслянисто поблёскивали, покрытые какой-то вонючей слизью. Кони презрительно зафыркали, однако идти дальше не отказались.

Стараясь не замечать зловония и не прислушиваться к отвратительно зловещим звукам, осторожно поднимались по мёртвому склону. А впереди, над ними, изливаясь из чрева подземной каверны, на волю вырывалась Орда.

Сразу же за порогом пещеры живой поток сворачивал влево от Аргниста и его спутников, скрываясь за изгибом склона.

Тут и впрямь было множество тварей, ещё не виданных ни Аргнистом, ни его сыновьями. Мимо них шло, пёрло, валило, катилось несметное полчище самых что ни на есть причудливых созданий. Морды, пасти, клыки, когти, щупальца, рога... извивающиеся, сокращающиеся, перекатывающиеся, ползущие, прыгающие, шагающие тела. Шелест бесчисленных лап. Хлопанье крыльев. Мокрое чавканье челюстей.

Живая река надменно игнорировала четверых путников. И руки Эльстана уже начали медленно совершать какие-то пассы...

Откуда-то сверху, из-за облаков, внезапно донёсся холодный и яростный вой, исполненный жестокой силы и жестокого приказа. Смысл все поняли тотчас, едва затрещали кусты у подножия склона.

Из сырой и серой мглы над головами вниз стремительно ринулось десятка три крылатых тварей – не привычных клювокрылов, нет! Что-то иное, куда более грозное и отвратительное. Аргнист невольно подивился тому, как столь небольшие крылья могли поддерживать в воздухе такие туши, обильно снабжённые многообразными смертоубийственными орудиями. Серпы, пилы, рога, копья на груди и спине; изогнутые, точно сабли, когти на изломах крыльев, на мощных лапах... Каждая тварь была размером с пару добрых волчар.

А вверх по склону вприпрыжку мчалась целая волна тварей поплосше: и уже знакомые стеноломы, главопасти, костоглоты, рогачи, и доселе ещё невиданные. Хорошо ещё, что хоботяры пока не пожаловали.

– Мамочка... – вдруг совсем по-детски всхлипнул Армиол.

Кони гневно заржали, сами поворачиваясь к опасности и роя копытами неподатливую землю. Ноздри Локрана раздувались – могучий жеребец готовился к смертельной битве.

– Луки! – взревел Аргнист. – Давай, Эльстан!

– Мне потребуется время, – лихорадочно бросил волшебник. Его кисти выписывали фигуры какого-то замысловатого танца. И сотнику даже показалось, будто между пальцев Эльстана заметались крошечные искорки белого пламени.

Покидавшие пещеру чудовища взирали на всадников с прежним безразличием. Эльстан внезапно размахнулся и швырнул в тёмный зев каверны нечто вроде клубочка снежно-льдистого огня. Швырнул – и тотчас поддал коня назад, срывая с плеча лук.

– Сейчас вспыхнет... – начал было он, однако мгновения истекли, а в пещере всё оставалось по-прежнему. Крылатые твари кружили над самыми головами, но пока не нападали, словно ожидая подхода своих собратьев, карабкавшихся по склону.

Армиол и Арталег пустили стрелы. Опытные охотники, они не промахнулись: тварь хрипло вскаркнула и отвернула. Из основания крыла торчали два древка с серым гусиным оперением – лучшие боевые стрелы с оголовками гномьей работы.

Аргнист увидел, что молодой волшебник со всё возрастающим изумлением смотрит во тьму пещеры... и как изумление в его глазах сменяется отчаянием.

– Не действует! – Лицо Эльстана исказилось ужасом.

В тот же миг крылатые наконец атаковали.

Несмотря ни на что, Эльстан не утратил ни сноровки, ни ловкости. Белая стрела вспорола воздух, по самые перья уйдя в глаз страшилища. Тварь грянулась оземь, глухо ревя и ломая лапы о камни.

В лицо Аргнисту ударила струя густого смрада, от которого всё мутилось в голове. Мелькнула уродливая голова, покрытая серо-зелёной чешуёй, распахнутая пасть, шесть рядов бесчисленных зубов... Между глаз страшилища торчало настоящее костяное копьё, остриё проскрежетало о край шлема Аргниста.

Старый сотник выбросил меч вперёд-вверх заученным движением, словно вновь оказавшись на ступенях штурмовой лестницы подле вражеской бойницы. Лезвие вошло в костистую грудь, Аргниста обрызгало чёрной кровью, столь же отвратительной. Второй взмах надрубил крыло неудачливого летуна, и туша покатила по камням. Силы Лесные, да что же Эльстан медлит?..

Локран яростно заржал, ударом острого копыта разmozжив череп самому шустрому брюхоеду.

Улучив мгновение, Аргнист обернулся. Эльстан молча и с ожесточением рубил своим дивным мечом плотные ряды валивших из пещеры тварей, словно собираясь прорваться внутрь. Чёрная кровь брызгала фонтанами, вокруг волшебника громоздились мёртвые туши, но спина его была совершенно открыта.

– Да скорее же! – рявкнул сотник в затылок волшебнику. Цепь стеноломов и прочей ордынской твари была уже в двух десятках шагов.

С головы до ног покрытый чёрной кровью, Эльстан по трупам чудовищ дошёл-таки до входа в пещеру. Прижавшись к стене, он вновь принялся лепить из воздуха невидимую фигуру.

Из рядов наступающей Орды вперёд вырвался крупный рогач. Наклонив остроконечную корону, он ринулся прямо на Аргниста. Обученный Локран подался было в сторону – обычный приём, но прямо за спиной хуторянина стоял Эльстан, и вместо того, чтобы уклониться, Аргнист натянул поводья, принимая удар на себя.

Мир опрокинулся и померк. В сознание ворвалась оглушительная, поглощающая всё остальное боль; руки последним усилием вогнали честную сталь клинка в глубь смрадной глотки.

– Отец! – раздался отчаянный крик, и всё окончательно погасло.

Челюсти мотали из стороны в сторону бесчувственное тело, скрежеща по железу доспехов. Секиры сыновей вонзились в плоть рогача, в шею твари вошёл рог Локрана.

«Именем Вечного Короля!.. Иначе не подействует... о лариэ сайти!»

По вытекавшей из пещеры реке чудовищ внезапно прошла долгая множественная судорога. Возле самых ног Эльстана распахнулась чья-то пасть, усеянная изогнутыми крюками зубов. Хозяева Холма наконец-то разобрались, что к чему.

Волшебник с отчаянием отпихнул морду сапогом – руки были заняты плетением Огненной Сети. В кольчугу вцепились чьи-то когти, резко потянули вниз... Но тут сложенные пригоршней ладони волшебника наконец-то дрогнули от напора давно ожидаемой Силы.

– Ириэхо вангиото! Вангиото суэльдэ!

Чистый, мощный и звучный голос, в котором одновременно слышались и рокот морского прибора, и тонкий перезвон хрустальных колокольчиков, совсем не походил на тот, к которому уже привыкли Аргнист и его домочадцы. Обернувшись, Арталег увидел, как из ладоней чужака выплыл ярко светящийся огненный шар; пламенное чудо исчезло в чёрной глубине пещеры, а Эльстан, нелепо взмахнув руками, повалился прямо в поток чудовищ.

Сыновьям наконец удалось вырвать тело Аргниста из смертельных объятий рогача, и тут в глубине пещеры что-то грянуло.

Грянуло так, что и Арталег, и Армиол едва не свалились с коней и враз перестали что-либо слышать. Земля под ногами заходила ходуном, а потом из глубины подземелья вверх рванулся клубящийся, упругий смерч из туго свитых жгутов многоцветного пламени, по спирали огибая вершину Холма. Он сжёг, разметал, обратил в ничто мерзкие серые тучи, испепелил крылатых бестий; мгновенно превратились в живые факелы и те твари, что атаковали Армиола и Арталега. А потом оцепеневшие братья увидели, как зашевелились, оживая, камни вокруг пещерного устья; толкаясь и пошатываясь, словно толпа подвыпивших дровосеков, гранитные глыбы двинулись к обугленному входу в подземелье. Захрустели кости немилосердно давимых чудовищ, в щелях между камнями заматались быстрые белые сполохи. Казалось, невидимый портной сшивает сейчас камни огненной иглой. Подъятый волей Эльстана гранитный вал неудержимо надвигался, и вот глыбы с грохотом сошлись. Белый огонь плавил их края, намертво запечатывая проход.

Эльстан остался внутри.

На покрытом жирным чёрным пеплом склоне Холма Демонов остались только бесчувственный, израненный Аргнист и его сыновья.

– Подними отца! – заорал Армиол прямо в ухо среднему брату. – Локран!

Умный конь подогнул колени. Братья подняли тело отца в седло, примотав запасной подпругой, и сами вскочили в сёдла. Остаться здесь было превыше их сил. Даже для того, чтобы перевязать Аргниста.

Они остановились, лишь когда страшный Холм окончательно скрылся за деревьями. Со всей мыслимой осторожностью сняли тело отца с седла и положили на расстеленный плащ.

– Батюшка!.. – не удержавшись, всхлипнул Арталег. Армиол стиснул зубы, но промолчал. Клыки и рога разорвали-таки кольчугу, глубоко пробороzдили грудь, живот и спину Аргниста. Искромсанная плоть висела лохмами, старый сотник потерял очень много крови. И всё же, когда замерший Армиол приложил ухо к окровавленной груди отца, слуха его достигли слабые, неуверенные, но явственные удары пока ещё живого сердца.

Братья поспешно перебинтовали отца, пустив в ход все запасы, данные им с собой на этот случай Саатой. В сознание Аргнист не приходил, дышал еле-еле, и под гнётом страшной мысли «наверняка не довозём!» братья пустились в обратный путь.

Интерлюдия

Начало большой игры

Под хрустальным куполом порхают златокрылые пташки. С неведомых высот низвергается мелодично поющий водопад благоуханной влаги. Жемчужнокрылый грифон с серебристой гривой свернулся на пышном ковре из вечно живых розовых лепестков. Перед глазами возникает прекрасное женское лицо, золотистые глаза смотрят в самую душу. Подбородок заострён, щеки впалы – она похожа на готовую к броску хищную птицу. На дне янтарных взоров – Сила. Великая Сила.

Что я делаю здесь? Откуда эта боль? Почему я не ощущаю собственного тела?

– Здравствуй, игрушка, – небрежно говорит мне красавица.

Игрушка? Я силюсь ответить и не могу. Пытаюсь взглянуть в сторону – не удаётся. Уши терзает сладкая музыка.

Молодая женщина смотрит на меня долгим испытующим взглядом.

– Подобных тебе здесь уже давно не было. Что ж, Джибулистан заслужил небольшое развлечение, как и я.

Она с кошачьей грацией опускается на низкую кушетку. Чуть посвистывает облегающий тело яркий шёлк. Неправдоподобно тонкую талию охватывает широкий чёрный пояс. Он кажется подозрительно простым в этом царстве кричащей роскоши. За пояс заткнут странный меч. Точнее, у него странная рукоять – тщательно обработанный древесный корень со старательно сохранёнными изгибами, несмотря на то что они не слишком удобны под пальцами. А где же мой собственный меч?

Красавица подносит к губам вычурную золотую чашу. Глаза её неотрывно смотрят на меня.

– Что же ты молчишь? – спрашивает она уже с оттенком нетерпения. – Расскажи о себе. Зачем ты пришёл сюда, к нам, в наш дворец под горными корнями?

Горные корни?.. Ничего не понимаю. Я пришёл сюда? Стоп! Я же не помню, как меня зовут! И не могу говорить! Я не в состоянии даже замычать или двинуть глазами.

Кажется, красавица удивлена.

– Вообще-то, я не люблю, чтобы на мои вопросы игрушки отвечали гордым молчанием, – сообщает она мне, беря с подноса истекающий соком диковинный фрукт. – Ты что, не узнаёшь меня? Или среди твоего племени никогда не упоминали о Царице Теней?

Я никогда ничего не слышал о ней. Какая Царица? И к какому племени я принадлежу? Я рад бы объяснить ей всё это, но губы, как и всё остальное тело, отказываются мне повиноваться.

Тем временем красавица допила свою чашу, по лицу видно, что ею всё сильнее овладевает раздражение.

– Ты рассчитываешь на то, что я редко ломаю новые игрушки сразу? – понизив голос, говорит она, и я чувствую в её словах угрозу. – Это верно. Но нет правил без исключений. Тебя я могу сломать и сразу. Верно, что после этого мне будет очень скучно, но ничего, могу и потерпеть. Так что насчёт твоего рассказа, игрушка?

Я молчу, поскольку даже при самом сильном желании не смог бы ей ответить. Я не могу даже моргнуть. Странно, но глаза до сих пор не жжёт.

Она начинает сердиться.

– Лежит как истукан, – сообщает она неизвестно кому, а потом, закусив красивую губку, неожиданно щёлкает пальцами. – Оркус!

На лицо падает какая-то тень, но неведомый Оркус стоит позади, и я не могу разглядеть, кто это.

– Займись этой упрямой штукой, – небрежно говорит красавица, и окружающая обстановка тотчас начинает меняться. Светлое и золотистое стремительно исчезают, их место занимают кроваво-алое и иссиня-чёрное. Сладкая музыка умолкает. В гулкой тишине слышится только нечто вроде звона кандалов.

Моё положение изменяется. Теперь я вроде бы стою. Видно немногое. Дали тонут в красно-чёрных облаках, пол вроде бы выложен светящимися жёлтыми плитами. Красавица в своём прежнем нарядном, струящемся, подобно водопаду, платье стоит, скрестив руки на груди.

– Ты даже не взглянешь на эти милые маленькие штучки Оркуса? – Она поднимает брови.

Умом я понимаю, что меня собираются пытаться. Странно, но страха нет. Вообще никаких чувств и эмоций. Я мыслю короткими, рублеными фразами.

В поле зрения наконец всплывает Оркус. Это здоровенная тварь, нечто среднее между человеком и кабаном. Вместо лица – свиное рыло. В громадных ручищах зажат какой-то ржавый инструмент. Наверное, его вид называется зловещим. Не знаю. Мне всё равно. Я не думаю ни о чём.

– Начинай! – командует Царица Теней.

Оркус шагает ко мне. Я по-прежнему ничего не чувствую. Что-то глухо лязгает и клацает. И тут я замечаю, как лицо Царицы начинает медленно белеть.

– Сильнее, Оркус! – резко командует она, и чудовище отвечает глухим ворчанием. Снова раздаётся металлический лязг. Моё тело сейчас кромсают на куски, думаю я с паразитическим равнодушием. Ну и пусть – я ведь всё равно ничего не чувствую и ничего не могу сделать. Не исключено, что я и вовсе не существую.

– Оркус, стой! – прижимая сжатые кулачки к груди, кричит Царица. Лицо её бледнее мела. – Отойди от него! И вообще сгинь с глаз!

Оркус ворчит. Ворчание это мало-помалу затихает за моей спиной. То есть он и впрямь уходит. Царица оказывается почти рядом.

– Значит, ты добрался до нас, – цедит она сквозь зубы. – Что ж, здравствуй, Губитель! Губитель? С чего она взяла?..

– Ты уверена в этом, сестра? – раздаётся из-за моей спины низкий оглушительный бас. – Подумай хорошенько, ты уверена в этом?

– Уверена. – Царица совсем не по-царски кусает губы. – Когда за него взялся Оркус, он даже не дрогнул!

– Тогда я иду, – решительно бросает бас.

Я готов поклясться, что он в растерянности. Спустя мгновение он появляется передо мной – здоровенный, мускулистый великан, с толстенной бычьей шеей и громадными мышцами, перекатывающимися по обнажённому торсу. Он похож на витрину мясной лавки.

Стоп! *Мясная лавка!* Это первое понятие из моего прошлого, пробившееся сквозь барьер забвения. Мясная лавка! Я мучительно пытаюсь вспомнить – но нет, ничего.

Великан пристально смотрит мне в глаза. Буркалы у него маленькие, заплывшие жирком, но очень, очень проницательные. Он только внешне похож на безмозглую гору мяса. Он опасен.

– Оркус славно поработал, – ворчит он, протягивает ко мне руку, и, когда она вновь появляется у меня на виду, все пальцы на ней покрыты кровью. Красной кровью.

Великан неспешно обходит меня вокруг.

– Но он же в заточении, – говорит он Царице. – Почему бы нам просто не швырнуть его в горн? Думаю, из его Силы получится какая-нибудь славная штуковина. – Он смеётся и обнимает Царицу за плечи. – Не понимаю твоего беспокойства, сестра. Нам надо радоваться! Быть может, мы наконец-то избавимся от нашего заклятого врага!

Заклятого врага? Это надо запомнить. Но только зачем?

– Ты не понимаешь. – Царица вырывается из объятий Мясной Лавки. – Я не хуже тебя знаю, что он заключён в темницу. Но разве ты не видишь, *что* это за темница? Вглядишься, слепой крот! Вглядишься – и поймёшь, что будет с ним, если ты бросишь его в твою дурацкую печь!

Великан долго ходит кругами, приглядывается, цокает языком, словно купец на рынке. Стоп! *Купец на рынке!* Это тоже из прошлого. Я иду длинными рядами, где торгуют странные низкорослые широкоплечие человечки с окладистыми седыми бородами, очень степенные. На прилавках свалено оружие. Очень много оружия. Я выбираю себе меч... Всё. Больше не помню, но это уже не так страшно. Память вернётся. Я не сомневаюсь.

Великан мрачно кривится. Скрепя сердце он соглашается с сестрой.

– Так и что же делать? – вопрошает он невесть кого. – В горн нельзя. Может, в Бездну? Ко Грани Неназываемого?

– Это было бы заманчиво, – сквозь зубы цедит Царица. – Но тогда его сила навсегда исчезнет из Сферы Миров. И что станет с нами?

Великан мрачнеет ещё больше.

– Не следует болтать, сестра, кто знает, быть может, он нас слышит. Ты права, никто не ведаёт, что произойдёт после падения Губителя. Я послал бы за Чёрным, но он сидит на своем агатовом кубе и ничего не хочет слушать. Нам придётся решать вдвоём.

– Я думаю о Возрождающем, – медленно говорит Царица.

– О Возрождающем? Но о нём так давно никто ничего не слышал!

– Верно. И тем не менее это наш единственный шанс. Предсказано, что...

– Молчи! – обрывает её великан. – Клянусь кровью Ямерта, этот хитрец нас слышит! Бьюсь об заклад, он сам подстроил всё это, чтобы оказаться здесь!

– Интересно, а что будет делать Губитель, если нас не станет? – задумчиво произносит Царица.

– Займёшься этим на досуге! – зло бросает великан. – Говорила о Возрождающем, нет? Если говорила, то парня надо искать. Займись этим немедленно, слышишь? Я вот уже иду.

Он и в самом деле поспешно уходит.

– Ты останешься здесь, Губитель, – говорит Царица, вновь оказавшись близко-близко ко мне. – Даже я не в состоянии убедить тебя не враждовать с нами. Мне остаётся только найти способ покончить с тобой. Ну а если мы не найдём этого способа... тогда останется только Бездна. Я согласна рискнуть, лишь бы избавить от тебя всю мою расу!

Ого! Я встал поперек дороги целой расе?

Царица уходит. Красно-чёрный фон исчезает, и теперь я вижу уходящую ввысь беспредельную шахту. Там, на страшной высоте, я вижу очертания Холма с развороченной вершиной и четыре крошечные человеческие фигурки возле разверстого зева пещеры. Странно – я смотрю как будто бы снизу, а вижу всё так, словно парю над каменистым склоном. Я вижу крошечную огненную искру, отделившуюся от одной из фигурок... вижу обвившую Холм огненную змею, сметающую серо-зелёный живой налёт чудовищ со склонов... вижу, наконец, заваливающие вход в подземелье глыбы и исчезающую под их нагромождением крошечную фигурку с серебряным клинком в руках.

И тут видение странно изменяется. Я словно бы мчусь вверх по этой шахте, всё выше и выше, всё ближе и ближе к заваленному камнями... Вот я уже совсем рядом... ослепительная вспышка, перед глазами одно только холодное белое пламя, и я вновь проваливаюсь в Ничто.

– Ах-с-с, мас-с-стер, ты уверен, что это здес-с-сь?

– Уверен, Хисс, уверен. Перестань дрожать, а не то я откручу тебе твой дурацкий хвост!

– Ах-с-с, мас-с-стер, не надо, не надо! Мой хвос-с-ст! Он такой...

– Такой сексуальный, ты хочешь сказать? Верно, без хвоста беднягу Хисса не подпустят ни к одной юбке. Кому нужен бесхвостый ходячий змей!

– Мас-с-стер, ты с-смеёшьс-ся! Не с-с-следует никому с-смеяться над с-старым Хис-с-сом!

– Да ты никак, ха-ха, вздумал мне грозить, старина?

– Грозить?! Ах-с-с! С-старый Хис-с-с никому не грозит. Он только предупреждает-с. С-срок моей с-служ-бы у твоего батюшки, мас-с-стер, подходит к концу. А там... кто знает-с-с?..

– И ты решил, старина, что получишь жезл и сможешь вмазать мне по первое число, поскольку батюшка не питает ко мне особенно добрых чувств?

– Ах-с-с!

– Ладно, замнём для ясности. Мне всё равно, что ты будешь думать, старина. Это твоё последнее задание. То, за чем нас послали, должно быть у моего батюшки. Тогда ты получишь свой жезл, а я...

– А что же попрос-с-сишь ты, мас-стер?

– Что, не терпится узнать, червяк-переросток? Так вот, я откажусь от наследства и попрошу сделать меня обычным бессмертным, навеки обезопасив от твоих, старина, про-исков.

– Мас-с-стер, мас-с-стер, с-с-старый Хис-с-с с-сказал много сгоряча.

– У тебя же холодная кровь, приятель.

– Я инос-с-сказательно!

– То-то, что инос-с-с... Доставай заступ и начинай рыть. Заклятья здесь не работают. Предупреждаю, времени мало, а земля каменистая. Если бы ты не стал гоняться за теми ящерицами, громко упрашивая их предаться с тобой любви на перинах из тины...

– Ах-с-с! Ну должен же с-старый Хис-с-с иметь хоть немного развлечений в этих ужасных и гиблых краях!

– Должен, должен... смотри, провалим из-за тебя всё дело – пеняй на себя. Ещё сто лет в рабстве проведёшь.

– Повинуюс-с-сь, мас-с-стер!

– Давно бы так.

На обугленном, заваленном почерневшими костяками склоне Холма Демонов стоял высокий худощавый мужчина средних лет в простом сером плаще с откинутым на спину капюшоном. Загорелое лицо, черты резкие, густые брови, холодный взгляд с прищуром. Его едва ли можно было назвать «широкой души человеком», этого странника. Тонкие губы плотно сжаты. Ни вещей, ни оружия, и, собственно говоря, неясно, как он вообще сюда попал – не пришел же пешком, в самом-то деле? Мужчина внимательно осматривал наглухо запечатанную предсмертным колдовством Эльстана пещеру. Мало-помалу взгляд его сделался совершенно ледяным.

– Ишь ты... – пробормотал он, несильно пнув пару раз одну из передвинутых чарами гранитных глыб, – имени Короля не пожалел! Мальчик, мальчик, что же ты наделал! – Лицо человека приняло выражение крайней досады. Повернувшись спиной к заваленному входу, он неспешно зашагал вниз по склону.

Он достиг уже края леса, когда от недавно покинутого им места донёсся резкий свист. Человек в сером плаще обернулся.

Вершину Холма Демонов стремительно окутывала иссиня-чёрная дымная туча. Странник остановился и, скрестив на груди руки, принялся наблюдать. На тонких губах появилась мрачноватая усмешка, словно он хотел сказать: «Ну, теперь-то вы у меня попляшете!»

Облако внезапно и резко поднялось, словно его тянули к небесам невидимые канаты. На Холме осталось стоять пять женских фигурок, облачённых в ярко-алые свободные одеяния. Вокруг головы одной из них плясали языки пламени, образуя нечто вроде огненной короны. Коронованная резко вскинула руку, указывая на странника. В руке женщины появился тонкий огненный меч.

Странник ждал, задумчиво склонив чуть набок голову.

Никто из Смертных не смог бы понять, как вышло, что все пятеро воительниц разом оказались подле человека в сером плаще.

Они были красивы, эта пятерка, той страшноватой красотой, что свойственна убийственному оружию. Узкие лица, узкие глаза, бескровные губы, впалые щёки... и у каждой по пламенному клинку в руках. Предводительница же приставила остриё своего оружия к самому горлу мужчины – так, что серый плащ даже задымился.

– Наконец-то, – медленно произнесла она. – Моя ловушка сработала. Ты бросился на помощь к этому волшебнику-недоучке, как я и рассчитывала! Наконец-то! – Лицо её исказила ненависть. Глаза метали молнии, губы кривились, казалось, она вот-вот пронзит не знающим преград мечом шею противника.

– Великая Кера, ну разве достойно тебя убить безоружного? – спокойно осведомился мужчина, ловко сбивая занявшееся на плаще пламя. – Разве ты не видишь, что я один и что у меня голые руки? Этим ли ты хотела похвастать перед сёстрами?!

– Убить?! – Кера демонически расхохоталась. Человек в сером чуть улыбнулся – подобные же интонации ему доводилось слышать у дешёвых балаганных актрис. – О, подобная кара стала бы для тебя благодеянием. За мою поруганную честь ты ответишь совсем иным. Ты станешь моим рабом! Я проведу тебя через зоны терзаний и унижений!.. Ты будешь каждой дичью мира, которую настигает хищник; ты будешь каждым ограбленным, обманутым, униженным, пытаемым, растерзанным существом этого проклятого мира!

– Какие замечательные слова, – очень серьёзно сказал мужчина. – Жаль только, тут нет зрителей, чтобы их оценить, кроме твоих огненных призраков.

– Я нуждаюсь только в одном зрителе – самой себе! – последовал пылкий ответ. – О, как сладка моя месть! Видеть тебя, могучий Рагнвальд, беспомощным, униженным, полностью в моей власти! На колени, червь! Ты будешь лизать мои сапоги, моля о снисхождении.

Тот, кого называли Рагнвальдом, вновь чуть заметно улыбнулся.

– Разве нам было плохо вместе, Кера? Разве я оказался несостоятелен как мужчина? Разве давал я тебе какие-либо клятвы или обещания?.. А если ты хочешь позабавиться поединком, давай! Меня это развлечёт тоже. И, знаешь, даже хорошо, что здесь нет зрителей. Иначе ты неминуемо прикончила бы их всех, чтобы не осталось свидетелей твоего поражения.

– Свидетелей моего поражения?! – Из глаз Керы потёк самый настоящий огонь. – Да что ты возомнил о себе, жалкий колдунишка?! Ты, укравший у кого-то из титанов пар тройку впечатляющих заклятий, надеешься устоять перед одной из Огненных дев?!

– Дев?! Гм... – нахально усмехнулся Рагнвальд. Издёвка попала в цель, Кера разъярилась ещё больше.

– Нет, тебя придётся убить! Ты сам запросился!

– Ну так рази! – Мужчина пожал плечами. – И перестань, во имя всех богов, портить мой совсем новый плащ! Мне соткали его феи, и я вовсе не хочу, чтобы он погиб окончательно. – Рагнвальд нетерпеливо взглянул на Керу. – Ну, чего ты ждешь? У меня и так полно дел.

Пламенный клинок опустился.

– Даже столь презренных существ, как ты, соблазнитель, я убиваю только в честном поединке!

– Великое Равновесие, Кера, мне уже надоела эта сцена. Хочешь мириться – давай, хочешь драться – тоже давай, только решай поскорее! Время дорого.

– Хорошо же, – прошипела Кера. Её взгляд скользнул по земле, оставляя за собой две полоски огня.

Огненная дева отступила на три шага и подняла меч в церемонном салюте. Рагнвальд демонстративно сложил руки на груди.

– Хватит, хватит! Я не могу больше ждать, – в его голосе сквозило раздражение.

И тогда Кера атаковала. Её движений не смог бы различить ни Смертный, ни Бессмертный; казалось, воздух прошила стремительная алая молния. Удар обрушился слева сверху, удар, разваливающий тело от плеча и до пояса.

Рагнвальд вяло повёл правой ладонью. Его лица не оставляло скучающее выражение.

Алая молния врезалась в землю шагах в двадцати от странника. Взвилось пламя, окружённое пышной короной искр, а когда спустя мгновение языки огня опали, стало видно тонкое тело в измазанном грязью красном одеянии. Рагнвальд направил свою не в меру страстную противницу прямо в глубокую, полную талых вод лужу. Магический меч Керы валялся рядом, переломленный возле самого эфеса.

Сопровождавшие повелительницу призраки разом бросились на странника. Два небрежных движения руки – и они исчезли во внезапно взвихрившемся чёрном смерче. Волшебник повернулся к Кере.

Огненная дева медленно выбиралась из грязи, громко рыдая от ярости и бессилия. Рагнвальд шагнул к ней, протягивая руку.

– Мне очень жаль, Кера, – мягко сказал он. – Мне и правда очень жаль. Зря ты так. Извини, но по Закону Равновесия я не мог позволить тебе изрубить меня на части. Давай помогу...

Ещё полулежа в луже, Кера подняла совершенно безумный взгляд... и зрачки её внезапно расширились. Она замерла, разом забыв обо всём, не в силах отвести глаз от странно изменившегося в тот миг лица Рагнвальда.

– Ты... ты... так, значит... А-ах!

Как и простая Смертная, Огненная дева тоже могла падать в обморок.

– Нет, нет, нет. – Странник поспешно подхватил её за талию, помогая подняться. – Не надо пугаться.

– Великие... Великие Силы... – Керу била крупная дрожь, она порывалась не то зарыдать, не то упасть на колени. – Какая кара ждёт меня, Великий?

– Кара забвением, Кера, – серьёзно сказал носивший имя Рагнвальда. – Моё дело здесь слишком важно, а несдержанность женских языков слишком известна. Мне придётся заставить тебя забыть об этой встрече. Для твоего же собственного блага.

– Как будет угодно Величайшему... – пролепетала Кера, по-прежнему прижимаясь к груди мужчины. Рагнвальд мягко коснулся её лба ладонью. Дивные очи закрылись, Кера погружалась в сон.

– До нескорой, увы, встречи, красавица, – грустно прошептал Рагнвальд, делая плавный жест левой кистью. Спящая дева тотчас исчезла. Мужчина одёрнул плащ, придирчиво взглянул на то место, с которого сбивал пламя, – нет ли подпалин? – и, удовлетворённый, зашагал прочь.

Однако по Закону Равновесия даже ему не дано было знать, что всю эту сцену из густоты мрачного леса видели и ещё кое-чьи глаза...

Могучие крылья грифона загребали воздух. Внизу расстилалась изумрудная зелень вечнозелёных лесов; изредка её перечёркивала голубизна речных извивов. Синие, словно

глаза фей, озера загадочно смотрели вверх – туда, где в толщах кристально чистого аэра плыло дивное магическое существо.

Грифон повернул величественную голову, покосившись на свою наездницу. Гордый зверь ждал приказов, и они последовали. Глаза всадницы сделали чуть заметное движение, но крылатому коню хватило и этого. Он послушно устремился к земле, описывая широкие круги.

Там, внизу, среди лесов синело ещё одно озеро, но гораздо крупнее остальных – его северный и западный берега терялись в дымке. А в том месте, где сходились берега, полуденный и восходный, на высоком холме к небу возносились тонкие алмазные шпили и хрустальные купола изящного небольшого замка – так, вполовину среднего баронского. К янтарным воротам вела чуть заметная дорога, поросшая просто более короткой и жёсткой травой, чем окрестные луга; к замку то и дело подкатывали роскошные экипажи без колес, скользящие над землёй и запряжённые кто чем – громадными лебедями, величественными белыми единорогами, грифонами, просто крылатыми львами... Изредка подъезжали и всадники на кентаврах или тех же единорогах.

Распахивались изукрашенные резьбой дверцы, маленькие бородатые человечки в ярких ливреях помогали выйти роскошно разодетым мужчинам и женщинам – все как один высоким, стройным. Оружие носили все, не исключая и прекрасных дам. Торжественные процессии одна за другой входили в замок.

Грифон юной наездницы тоже опустил, но не перед воротами замка, а на один из его балконов. Потрепав зверя по роскошной гриве, девушка отпустила его. Хрустальные двери открылись перед ней сами собой, и она оказалась в просторном будуаре. Девушка вскинула тонкий указательный пальчик, украшенный кольцом из ничем не сцепленных друг с другом лучащихся бриллиантов, – резная панель послушно откинулась, представив требовательному взору объёмистый гардероб. На переднем плане висело простое на первый взгляд платье из жемчужно-серых нитей, украшенное играющими живым огнём каплями росы. По комнате поплыл благоуханный аромат весеннего цветущего луга.

Девушка даже захлопала в ладоши и подпрыгнула. Потом показала язык своему отражению в зеркале и стала поспешно переодеваться. Она довела этот требующий столь высокого и непостижимого мужским разумом искусства процесс почти до самого конца, когда в дверь внезапно постучали.

Точнее, не постучали. Вульгарные звуки не оскорбили собой мягкой драгоценной тишины, нет. Просто девушке *сказали*, что её ждёт важное сообщение.

Удивленно подняв брови, она отошла от зеркала. На изящном столике, вырезанном целиком из янтарной глыбы, стоял хрустальный шар на подставке чёрного дерева. Девушка склонилась над ним.

Шар осветился из глубины недобрым красноватым светом. Быстро сменяя друг друга, в нём поплыли отрывочные картины, словно схваченные чьим-то обеспамятовавшим взором: какой-то каменистый холм с развороченной вершиной... чёрный зев пещеры... живая река чудовищ, хлещущая из подземелья, словно прорвавшая плотину весенняя вода... Четверо всадников на странных, зловещего вида конях, совсем не похожих на обычных... вспышка... мчащаяся вверх по склону рогатая тварь... Один из всадников заслоняет собой другого, который отчаянно рубит страшилищ удивительно ярко сверкающим серебристым клинком...

Девушка вскрикнула. Лицо её тотчас утратило все краски жизни. Прижав руки к груди и немилосердно кусая губы, она смотрела в глубину шара, точно заворожённая.

– Ириэхо вантото! Вантото суэльдэ! – донёсся слабый голос из глубин шара. Видение утонуло в белом огне... а когда спустя миг шар вновь очистился, стали видны заваливающие пещеру каменные глыбы и быстро исчезающая среди них фигурка, так и не выпустившая из рук серебряного меча.

Девушка обессиленно опустилась на пол, лишившись чувств.

Часть седьмая

Глава I

Гном Двалин лежал на лавке мрачный и до невозможности злой. Его не взяли в поход! Его, с которого началась все эта история! «Уп-раггаш-хроддаиртар!»

Двалину казалось, что все его раны окончательно зажили. Разумеется, это было совсем не так, но упрямый гном и слушать ничего не хотел.

– Развяжите! – бушевал он, едва не опрокидывая при этом лавку. – Развяжите сами, не то хуже будет!

– Если кому и будет хуже, так это тебе, глупый, – беззлобно заметила Лииса, молодая крепкая деваха, не так давно пришедшая к Аргнисту с погибшего на юге хутора. Сегодня была её очередь исполнять обязанности сиделки при буйном больном. Саата уже грозилась подмешать гному в пиво сонного зелья, чтобы хоть как-то его утихомирить. – Опять раны вскроются, кому это нужно?

– Не вскроются, не вскроются! – Гном отчаянно вертелся, пытаясь ослабить путы.

– Когда вскроются, поздно будет, – назидательно заметила девушка. – Кабы не колдун с белым луком, отправился бы ты к Хедину, братишка! Ежели б не его чародейство, наша Саата-травница тебе бы уже ничем не помогла.

– Чародейство? – внезапно напрягся Двалин. – Ты сказала, чародейство?

– Ну да, – простодушно ответила Лииса. – С такими-то ранами, как у тебя! Токмо чарами и спасёшься.

– Пришелец... Эльстан... наложил на меня *свои чары*? – отдельно выговорил гном.

– Наложил, наложил, – радостно кивнула Лииса, не понимая, чем недоволен гном. – И хорошие чары! Сильный он волшебник и жезл настоящий имеет...

– Жезл... жезл... – Гном внезапно закрыл глаза и откинулся на подушку, замерев, точно лишившись чувств.

– Эй, эй! – Встревоженная молодка подалась ближе. – Случилось что?

– Я в порядке, – сквозь сжатые зубы ответил Двалин. – В полном порядке.

Не веря, Лииса подошла к лавке. Как учили, нащупала биенье жилы жизни на левом запястье гнома. Всё и впрямь было в порядке. Однако Двалин лежал совершенно неподвижно, задрав к потолку бороду, и лицо его, можно сказать, «побледнело, как снег», хотя едва ли могла проявиться бледность на красновато-коричневой коже гнома, потемневшей от кузнечной копоти и покрасневшей от жара горнов.

Немного погодя Двалин открыл глаза. Посмотрел на испуганно глядящую Лиису и усмехнулся:

– Да всё хорошо. Просто, Р-родгар, мне обидно стало, что не взяли!..

Это была наглая и неприкрытая ложь. И любой хоть мало-мальски искушённый слушатель, конечно же, немедленно уловил бы фальшь в словах Двалина. Но Лииса как раз и не была таким слушателем. Жизнь у неё и так выдалась нелёгкая, чтобы забивать себе голову ещё и чужими бедами. Сказал гном, что всё в порядке, значит, так оно и есть. Развязать не просит, отпустить не требует. Всё, как матушка Деера сказала. Значит, мне и беспокоиться не о чем.

Двалин же после этого, казалось, тоже ничуть не изменился. Правда, перестал бушевать; однако в глазах его поселились такие смертная тоска и боль, что заметивший это отшатнулся бы в испуге.

Он постепенно поправлялся. Рваные раны затягивались на удивление быстро – Эльстан постарался на славу. Провалившись четверо полных суток, Двалин с разрешения Сааты поднялся на ноги как раз в тот день, когда Аргнист, Эльстан и сыновья сотника насмерть схватились с Ордой на Холме Демонов.

Первым делом гном отправился на кухню.

– Дрова, вижу, на исходе? – осведомился Двалин, просунув бороду в дверь поварской.

Колотых чурочек, как всегда, не хватало. Мужики всячески пытались увильнуть от этой надоедливой работы. Целый день топором махать, рубить круглые поленья – кому охота.

– Небось брюхо заныло? – понимающе усмехнулась распорядившаяся здесь Деера. – Понятно, Двалин, понятно. Ладно, накормлю и без платы.

– Ну нет! – возмутился Двалин. – У нас так не принято.

– А у нас принято так: сперва работника накорми, напои, а потом уж работу спрашивай! – поджала губы Деера, наваливая с верхом большую глиняную расписную миску. Гном не заставил просить себя дважды.

Зато потом, вычистив посудину до блеска и вытащив из-за пояса секиру, гном на дровяном складе показал, как надо обращаться с топором. Он творил чудеса. Чурки так и летели во все стороны, сами собой при этом – неведь каким образом – складываясь ровными поленищами. Из сарая он отправился на двор, прошёлся по всем конюшням, амбарам, хлевам и прочему, всюду находя себе дело. Толстые и короткие пальцы гнома обладали удивительной ловкостью; казалось, он владеет всеми ремеслами.

Он не оставил себе ни единого мига свободного времени, словно боясь оказаться наедине с собственными невесёлыми думами. Как проклятый, он три дня не вылезал из кузницы, несмотря на все предостережения Сааты, что раны могут ещё сказаться и ему следует поберечь себя.

Дорвавшись до любимой огненной работы, гном трудился не покладая рук. Гнул железные дуги, подгонял друг к другу рычаги, шестерёнки и пружины, конструируя какой-то компактный механизм. К кузне несколько раз подходила Лииса, звала «поснидать» – Двалин только отмахивался. Он почти ничего не ел, а пил одну воду, ни разу не притронувшись к излюбленному напитку своего племени – доброму тёмному элю. «Да он просто вне себя!» – сказали бы сородичи из Ар-ан-Ашпаранга, увидев своего почтенного собрата в таком состоянии...

Арталегу и Армиолу повезло. Орда уходила на север, по пути к дому братьям лишь однажды повстречался десяток стеноломов. Армиол быстро вогнал одному из них стрелу в глаз, конь Арталега затоптал другого, и прочие бестии, вялые по весеннему времени, отступили, решив не связываться.

Куда больше боялись братья не довести родителя. Но сподобил Хедин Добродел и тут – батюшка в себя не приходил, но и хуже ему не становилось. Пусть редко, но дышал, и притом ровно, и сердце билось, хотя и слабо. Раны старого сотника перестали кровоточить, и сыновья уже втайне друг от друга стали надеяться, что Саате удастся одолеть хворь и раны.

Об Эльстане не вспоминали. Чужак – он и есть чужак. Да ещё и колдун вдобавок, а колдунов Арталег не жаловал. Армиол их тоже недолюбливал, хоть и не столь сильно, как брат.

– Тоже мне, колдуны, чародеи, маги! – сквозь зубы шипел Арталег. – Твари, ненавижу их всех! Небось через них Орда-то и возникла...

– Ты что, брате, – возражал младший. – Орда – она ж Тёмным Властелином наслана, то всякий знает!

– Наслана, наслана... – ворчал средний. – Не знаю. Властелинов этих не видывал. Зато чародеи так под ногами и путаются! Проклятый колдун! Кабы не он, сидели бы себе на хуторе и батюшка цел бы остался!

– Так Эльстан сам и погиб первым, – попытался возразить Армиол.

– Погиб, погиб... – передразнил Арталег. – Ты его мёртвым видел, а, защитничек?

– Брат, не говори так! Смело он дрался, и его ж у нас на глазах камнями завалило!

– Завалило, завалило... Это, может, тебе только так показалось. Может, он всё это специально подстроил, чтобы батюшку известить! Может, он и нас там положить хотел, а сам в пещеру – раз, и нет его! А?! Что скажешь?! Колдунам, им верить нельзя, знаешь ли. Так что оказался твой чародей под камнями, нет ли – одним Богам Истинным ведомо. Колдун хорош, когда своим делом занимается – лечит, скажем, там или скотину пользует – и ни во что иное не суётся. Понял? А магия эта вся... от неё человеку только гибель.

Через восемь дней после отъезда братья добрались до родных мест. Их ждали. На краю леса засели мальчишки-махальщики, которые и подали сигнал, да с таким усердием, что едва не повырывали себе руки из плеч.

Внешне хутор никак не изменился. Только из трубы кузни валил непривычно густой дым. Наглухо запертые ворота внешнего частокола приоткрылись ровно настолько, чтобы пропустить всадников поодиночке.

Первой к сыновьям бросилась Деера. Дозорные мальчишки уже передали весть – мол, скачут двое, одного раненого везут, – и сердце хозяйки хутора едва не вырвалось из груди. Деера бросилась – и замерла, впившись в ладонь зубами при виде бессильно свесившегося с лошади Аргниста.

– Ну, чего встали?! – рявкнул подоспевший Алорт. – Батюшку в дом несите! Саату сюда с её снадобьями! Всё я за вас думать должен!

Про Эльстана никто и не вспомнил.

– И что ж теперь нам, разнесчастным, делать? – Деера всхлипывает, слёзы уголком передника утирает. На душе черным-черно, ровно в ночь солнцеворота предновогоднего.

Мать с сыновьями сидит, вместе нелёгкую думу думают. Чужих никого не позвали, даже жён Алортову и Арталегову. Саата, впрочем, и так бы не пошла. Сидит возле Аргниста неотступно. И – смилостивься, грозный Ракот! – старому сотнику пока что хуже не приходится. Саата даже надеется, что свёкор выкарабкается.

– Что делать, что делать... – шипит Арталег. Мыслей дельных у него небогато, зато злобы на десятерых хватит. – Ясно, что делать! Хутор делить надобно! Людей, скотину... каждому – его долю. Пока весна, пока ни Орды, ни Нечисти...

Все так и обмерли.

– Ты что же, братец, батьку уже в домовину уложил? – Алорт глаза сузил, вот-вот ударит.

– Ага! Ты-то старший, тебе куда уходить не надо, всё тебе готовеньким достанется, – огрызается Арталег. – А вот нам с Армиолом всё своим горбом поднимать придётся!..

Деера спешит вмешаться, иначе, чувствует, быть беде.

– Сынки, сынки, вы что?! Будем спорить, ссориться да делиться, точно все Орде в утробу пойдём. Показал бы вам батюшка, как браниться сейчас!.. Алорт, Арталег, уймись. Ты, средненький, и впрямь погоди похоронку заводить. А ты, старшенький, тоже умом пораскинь – ко всему быть готовыми надо. И ежели что, то и впрямь Арталега выделять придётся. Обычай таков. Если, конечно, ты, сыне, окончательно выделиться решишь. Но, может, всё ж что получше предложишь?

Арталег укора в вопросе не слышит, оживляется:

– А что? Предложу! На юг уходить, к Рубежу Рыцарскому.

И вновь все молчат.

– Да ты что? Насиженное место бросить? Через все леса – на юг? – дивится Деера. – Уж сколько годочков никто отсюда уйти и не пытался...

– Потому что уж больно пустых черепов на Костяной Гряде все боялись, – бросает Арталег. – Никто даже и не попробовал...

– Да не потому не пробовали, что боялись, дурья твоя башка, – презрительно цедит Алорт. – А потому, что здесь мы – хозяева! А там кто? Нищие, бродяги, изгои... страшнее сказать – рабы! Каждый на шею верёвку накинуть сможет...

Это было правдой. Безземельных хватало и на юге. Арталег это знает не хуже других и тем не менее не сдаётся.

– То-то здесь мы всем владеем, до чего дотянуться сможем! То-то здесь у нас поля широкие, луга пышные, а стада тучные! Как мыши по щелям сидим, за ворота не высунемся. Уже мало что под землю не забились!..

– Хочешь идти – иди, – ровно произносит Деера. – Долю твою я тебе сама отсчитаю золотом, что у отца припрятано. Иди! Только воды здесь не мути.

Арталег пугается. Видно, подобного не ожидал. Опускает голову, запинаясь, бурчит что-то – дескать, это ж просто слова...

– А раз слова, так и хорошо, – не меняя тона, говорит Деера.

Жена Аргнистова уже справилась с растерянностью и слезами. Хутор в её руках, и она не позволит ему пасть. Нивен вон по сю пору без Защитников держится!

Так ничего и не решили. Да и что тут решать? Без Аргниста, конечно, держаться против Орды трудновато будет – по военному делу он дока. Ничего, за стенами отсидимся.

Гном в последний раз ударил молотом по раскалённому куску металла на наковальне. Придирчиво осмотрел заготовку, остался доволен и большими щипцами сунул её в заранее приготовленный топлёный жир брюхоеда. Лучшего средства для закалки не было.

Спустился вечер. Тёплый вечер месяца птицевзона. Здесь, в Северном Хьёрварде, с погодой творилось нечто странное – на подвластных Орде землях всегда стояли страшные, погибельные зимы и прекрасные, тёплые, с обильными дождями лета. Урожай успевал созреть, ничто не вымерзало и не вымокало. Водным путём удавалось отправлять на юг кое-какие товары – по бросовым ценам, разумеется. Порядок устоялся давным-давно. Купцы охотно брали дешёвые северные хлеб, лес, лён, мёд, кожи, меха и прочее. А взамен на полуночь отправлялись иные необходимые вещи, и прежде всего оружие. Хуторяне были самыми лучшими покупателями у галенских оружейников. Каждый хутор, отправляя свой плот, прикреплял к мешкам и свёрткам бирки. На бирках же писалось то, что желали получить взамен. Купцы, конечно, не упустили случая нагреть руки, но всё же вести дело старались честно – люди Нечисть грудью сдерживают, куда ж на них обманом наживаться... И простой торговой прибыли хватит.

Двалин вышел на порог кузницы. Даже могучие мышцы гнома начали ныть и болеть от усталости: за это время кузнец-доброволец переделал столько работы, что иному ковалю-человеку хватило бы на полгода. Только работа и спасала. Да ещё – что уж греха таить! – здешние молодухи.

С давних времён среди молодых хуторянок жарким тайным шёпотом передавались рассказы один другого стыднее о том, что гномы хоть ростом и не вышли, зато лучше их в постели никого нет и даже самый здоровенный бугай хуторянин самому захудалому гному и в подмётки не годится. И ещё немаловажно – что от этих соитий не могли родиться дети... Мужики об этих бабьих пересудах если и знали, то не придавали значения – мол, язык женский всё равно что помело. Не придавали значения, и притом совершенно напрасно.

Первой гнома заарканила Лииса. Не зря звать «снидать» приходила. И гном, как ни устал после целого дня честной молотобойной работы, всё равно чувствовал сосущую пустоту там, в сердце, а потому соблазнительнице не сопротивлялся.

Власть навопившись и настоявшись, донельзя довольная молодка вошла в девичью с такими блестящими, сытыми глазами, что не понять, чем и с кем она занималась, мог только слепой. И, конечно, Лииса похвасталась.

После этого гному не приходилось жаловаться на отсутствие женской ласки. Его кормили на убой, словно племенного борова. И он старался не разочаровывать своих посетительниц. Странное дело, но молодки могли повырывать друг другу все волосы из-за какого-нибудь худосочного молодца, а вот из-за Двалина они совсем не ссорились, составив нечто вроде молчаливого заговора. Замужние завистливо косились и кусали губы, но наставить рога своему благоверному пока никто не решился.

Гном постоял некоторое время, подышал свежим воздухом и уже совсем было решил вернуться к работе (на верстаке рук мастера ожидал невиданный ещё многозарядный скорострельный арбалет. Им Двалин собирался вооружить всех детей и женщин на хуторе), как его внезапно окликнул голос – голос, заставивший Двалина, гнома отнюдь не робкого десятка, задрожать до самых глубин его существа и едва не бухнуться на колени. Голос обращался к нему на его родном языке, был тонок, чист и исполнен непонятной силы.

– От повелевающей к презренному: слушай, повинуйся и отвечай! Как имя места?

Гном еле-еле поборол неимоверно сильное желание простереться ниц. Он поднял взгляд, весь при этом обливаясь потом, словно таща на спине десятипудовую тяжесть.

Перед ним стояла повелительница.

Невысокая, тонкая в талии. Личико чуть вытянуто, на щеках – премилые ямочки. Прямой, тонкий нос, огромные глаза со странным разрезом – внешние уголки несколько подняты. Круто изогнутые брови.

Одега она была и вовсе странно. Сшитая из бесчисленных лоскутов кожи куртка немыслимого покроя с косой застёжкой и заправленные в сапоги брюки – чёрные, из чешуйчатой шкуры какого-то зверя, вроде бы даже горной змеи. У пояса незнакомки – кривая тонкая сабля, над плечом торчал лук. Больше никакого оружия на виду она не носила. Из-под причудливой островерхой шапки выбивалась перекинута на грудь толстая русая коса... точнее, нет, не русая, а цвета осенних кленовых листьев, цвета, почти не встречавшегося у девушек Лесного Предела.

– Здрава будь, странница, – хрипло произнёс гном. Огромным усилием воли он заставил себя говорить на людском языке, сделал вид, точно ничего не понял. Будь что будет, они не на юге!

По нему словно хлестнул незримый обжигающий бич. Глаза повелительницы горели гневом. Двалин почувствовал, как воля его плавится, точно кусок олова в горне. Весь покрывшись потом, он отступил, держась за косяк кузницы. Правая рука безвольно висела вдоль тела, даже не потянувшись за оружием.

– Во исполнение Древнего Долга; от повелевающей к презренному. Пади ниц и повинуйся! – Это вновь было сказано на языке Ар-ан-Ашпаранга.

Двалин ощутил, как его колени начинают трястись. Старое проклятье его народа действовало.

– Поговорим нормально, а? – выдохнул он, и от звуков человеческой речи сделалось немного легче.

– Эй, ты кто такая? – внезапно послышался неприязненный голос Лиисы. Коренастая, широкобёдрая молодка, играючи ворочавшая двухпудовые мешки, стояла, уперев кулаки в бока, и с вызовом глядела на незнакомку.

Странница повернула гордую головку.

– Почтенная, как называется этот хутор? – В речи незнакомки слышался странный мелодичный акцент, очень напомилавший манеру говорить Эльстана.

Никогда не следует ничего выкладывать пришельцам. Правильно Деера говорила – в нашу пору добрые люди по дорогам так просто не шастают. И потому Лииса только смерила странную гостью недоверчивым взглядом.

– Ты это... здесь подожди. А я хозяйку позову.

– Разве у тебя нет языка, чтобы ответить самой? – высокомерно осведомилась незнакомка.

– Да кто ты такая, чтобы мне тут приказывать?! – возмутилась Лииса. – Ничего я тебе не скажу! Стой тут, у ворот, до вечера!

– Лииса! Нет!.. – прохрипел гном, но было поздно.

Глаза гостьи сузились. Она резко вскинула руку – растопыренные длинные пальцы смотрят в небо, – и одежды на Лиисе затрещали по всем швам. Пояс соскользнул, точно ящерица, за ним на землю последовала юбка. Молодка только приглушенно ахнула, пытаясь кое-как прикрыться руками.

– Это научит тебя почтительности, – холодно заметила гостья. – Так всё-таки как называется это место?

И тут Лииса показала характер. Вместо того чтобы разрыдаться, убежать или лишиться от стыда чувств, она не хуже какого-нибудь клювокрыла ринулась на обидчицу. Молодке было уже всё равно, увидит её кто-нибудь или нет.

Гостья явно не ожидала этой атаки. Прежде чем она успела обнажить саблю или даже сотворить заклятье, пальцы Лиисы уже вцепились ей в волосы, а колено молодки со всего маха ударило в живот. Деваха имела кое-какой опыт рукопашных.

Гном ощутил панический приказ повелительницы – немедленно прийти ей на помощь, – и ноги против воли Двалина оторвались от пола. Лииса опрокинула обидчицу наземь, немилосердно дубася кулаками. Опомнившись, гном бросился к дерущимся. Если он не успеет оттащить хуторянку...

Однако же он успел. Правда, лишь в последний момент – основательно помятая гостья, из изящного носа которой обильно сочилась кровь, уже приготовилась к ответному удару.

– Нет! Остановись! Это хутор Аргниста! – крикнул гном в самое последнее мгновение.

Уже поднятая рука медленно опустилась.

– Так-то лучше, презренный. Ты проявил неповиновение и будешь наказан.

– Я свободный гном, – на том же языке, языке Ар-ан-Ашпаранга, ответил Двалин. Он заставил себя сжать кулаки, постоянно борясь со страстным желанием пасть ниц, разрыдаться и, обняв колени повелительницы, униженно молить о прощении.

– Презренный, ты свободен лишь в пределах Древнего Долга, – холодно заметила повелительница, не делая попытки подняться. – И долго я ещё буду тут лежать, презренный?

Тут надо сказать, что слово «презренный» означало не личное отношение незнакомки к Двалину, а подчинённое положение гнома согласно старым заповедям.

Подгорный житель угрюмо протянул повелительнице руку. Грациозно опершись на неё, волшебница встала. Лииса к тому времени уже успела подхватить свои юбки.

– Передай этой низкородной хамке, рождённой в грязи, что ей придётся заплатить за всё очень высокую цену, – надменно приказала повелительница гному. – А теперь, презренный, проводи меня к хозяину этого... этого строения...

Гном заскрежетал зубами. Ничего не понявшая из их разговора Лииса с недоумением смотрела на важно прошествовавшую странную пару. Двалин почтительно ввёл незнакомку в ворота. Сопrotивляться было выше его сил.

– То, что ты сделала, не лучший способ подружиться со здешними обитателями, – угрюмо проворчал гном на языке людей. Ответом ему стал лишь обжигающий взгляд, от

которого губы Двалина сами собой сомкнулись так плотно, словно их сплавил воедино огонь горна.

Народ, разинув рты, наблюдал за гномом и его спутницей, никто ничего не понимал. Красная, как маков цвет, Лииса куда-то скрылась.

– Доложи же обо мне, как следует в подобных случаях.

Аргнист всё ещё лежал, хотя усилия Сааты и приносили свои плоды. Жизни старого сотника ничто уже не угрожало, пусть он и был всё ещё очень слаб. Двалин постучал в дверь как раз в тот момент, когда Деера кормила мужа с ложки мясным отваром.

– Что там ещё? Погодить не можешь?! – набросилась было она на гнома, однако сразу осеклась, едва заметив его совершенно безумные, выкаченные, налитые кровью глаза. Разум был стёрт из них начисто.

– Низкорождённые, падите ниц перед восшествием волшебницы Пречистого Круга, несравненной Эльтарой Грозномолниенной!

Ошеломлённые сотник с женой уставились на дверь. Двалин, держась точно деревянная кукла, каким-то резким, дёрганым движением ещё шире распахнул дверь. Девушка в остроконечной кожаной шапке шагнула через порог. Гном закрыл створки и замер, точно истукан.

Та, которую Двалин назвал Эльтарой, несколько раз прошлась по небольшой горнице, морща аристократический носик. Все те места, где она могла бы сесть, явно не соответствовали её представлениям о чистоте.

– Переводи, презренный.

Гном прокашлялся.

– Работ Вседержитель, да что всё это значит? – не сдержавшись, вскипела Деера.

Эльтара на миг нахмурилась – и внезапно вздыбившийся передник тотчас же накрепко заткнул супруге Аргниста рот.

– Теперь нам не помешают говорить, – перевёл гном.

– Кто ты такая? – Аргнист приподнялся и сжал кулаки. Деера, мыча, тщетно пыталась вырвать кляп изо рта.

– Я Эльтара, волшебница. Ответь на мой вопрос, низкорождённый, и ты будешь щедро вознаграждён. Был ли на твоём хуторе некто по имени Эльстан?

– Двалин, что это за баба?!

– Ради Великих гор, отвечай, почтенный Аргнист! Она сотрёт твой хутор с лица земли, лишь слегка пошевелив пальцем!

Красный от гнева Аргнист взял-таки себя в руки.

– Ответь ей, ты ж знаешь... – буркнул он.

– Грозномолниенной ведомы людские наречья! Отвечай почтительно!

Двалин сделал страшное лицо. Сотник, в свою очередь, заскрежетал зубами, однако заставил себя «ответить почтительно».

– Он направился к Холму Демонов. Ты был с ним. Что произошло дальше, низкорождённый?

Превозмогая гнев, Аргнист рассказал. Деера так и не смогла избавиться от заткнувшего рот передника. Это впечатляло.

Лицо Эльтары осталось бесстрастным. Дослушав рассказ Аргниста до конца, она поднялась.

– Скажи этой деревенщине, Двалин, что на один солнечный круг ни одна тварь Орды не причинит вреда ни ему, ни его домочадцам. А вот это поможет лечить хвори. – В руке волшебницы появился небольшой серебряный светец с серебряной же лучиной. – Дотронься пальцами до её конца – вспыхнет огонёк. Под его лучами заживают любые раны и отступает любая болезнь. Заклятие будет действовать, пока не догорит лучина.

Эльтара величественно поднялась и вышла. Едва закончив переводить, Двалин опрометью бросился за ней.

– Пожалуй, я возьму тебя с собой, презренный. Ты послужишь мне забавой. К тому же ты можешь пригодиться у Холма Демонов.

Это было сказано уже на дворе. Лииса подняла всех, кого могла, и теперь дорогу волшебнице преграждала цепочка мрачных молодых парней. У гнома затряслись руки.

– Скажи им, чтобы ушли, пока я не превратила их в стеноломов, – лениво процедила сквозь зубы Эльтара.

Испугать гордых хуторян было не так-то легко. Двалин едва не охрип, умоляя приютивших и спасших ему жизнь не рисковать. Парни неспешно освободили проход. Двалин шёл мимо них, чувствуя затылком презрительные взгляды. Щёки гнома горели от стыда.

Не повернув головы, даже не взглянув по сторонам, Эльтара вышла за ворота. Прищёлкнула пальцами – раздалось хлопанье мощных крыльев. С неба камнем падал огромный грифон.

– Собирайся, презренный. Мы отбываем. Я узнала всё, что хотела узнать. Нас ждёт Холм Демонов.

Глава II

– Мас-стер, мас-стер! С-старый Хис-с ус-стал. Я с-стер с-с-себе вс-с-се лапы этим мерс-с-ским зас-с-сту-пом! Отчего не применить нашу с-с-с вами магию, мас-с-стер?

– Хисс, мой батюшка, похоже, только зря тратил на тебя силы и время, если ты до сих пор задаешь такие дурацкие вопросы. Ты хочешь, чтобы Печать Вечного Короля ускользнула из наших рук? А ведь так и случится, едва тыпустишь в ход чародейство!

– О, мас-с-стер, прошу прос-с-стить с-с-старого Хис-са, ваш почтенный родитель не открыл мне подобного.

– Он многого не открыл, старый ты змей, ни мне, ни тебе. Ладно. Отдохнул? Берись за заступ. А что лапы стёр, так сам дурак. Я ж тебе предлагал перчатки...

Я прихожу в себя. Тьма, что-то немилосердно давит бок, и вдобавок стоит жуткая вонь. Великие Силы, я могу двигаться! Да, точно... я могу двигаться! Шевелю рукой, ногой... всё как будто бы мне повинуется. Пальцы касаются каких-то шелушащихся, на ощупь продолговатых предметов.

Кости. Обугленные, обожжённые кости. Я понимаю это, едва коснувшись ладонями, словно у меня на руках глаза, способные видеть в темноте. На грудь давит что-то очень тяжёлое – вроде бы каменная глыба. Отпихиваю в сторону. Теперь удаётся встать. Странно, вокруг царит абсолютный мрак, но тем не менее я вижу всё в мельчайших деталях.

Я в какой-то пещере. Сразу же за спиной громоздится завал. Пол покрыт бесчисленными уродливыми костяками, все обгорелые. Здесь вволю погулял огонь. Теперь осматриваю себя, свой охотничий наряд. Интересно, откуда у меня взялась эта кольчуга? Разве я когда-либо нуждался в доспехах? Это так пошло – прикрывать свою плоть. И меч – что это за клинок? А, он зачарован... Мне пришлось драться с магом, раз я нанёс на лезвие семь старых рун? Наверное, мне противостоял именно маг, потому что против любого другого противника я вышел бы с обычным оружием, а то и вовсе с голыми руками. Силы должны быть равны.

Так, значит, я всё-таки кое-что помню. Про доспехи, про оружие... про равенство сил... что ещё? Женщина с лицом хищной птицы назвала меня Губителем. Её брат предлагал скинуть меня в Бездну, к Неназываемому.

Неназываемый! От этого слова веет даже не могильным холодом, не простой смертью, означающей всего-навсего гибель тела из мяса и костей. Нет. Веет Конечной Смертью, распадом всего сущего, закатом, за которым уже никогда не наступит рассвет.

Но всё это лишь ощущения. Я по-прежнему не могу вспомнить ничего конкретного, осязаемого – лиц, событий, мест... Я не помню своего настоящего имени. Только нелепая кличка – Губитель... Губитель, которого собирались столкнуть с Возрождающим... Да! И ещё там упоминался какой-то Чёрный...

Сжимаю виски ладонями. О! У меня, оказывается, растут волосы! Раньше этого не было, я уверен. Но вот почему уверен?..

Встаю на ноги. Надо идти – не сидеть же здесь вечность, пока Холм не разрушится сам собой. Конечно, со мной ничего не случится – я просто просплю всё это время и открою глаза, лишь когда зажмуренных век коснутся солнечные лучи; но отчего-то мне кажется, что я пропущу тогда нечто захватывающее. У меня ведь есть долг в этом мире, вдруг вспоминаю я. Важный, очень важный долг... я не помню, какой именно, но это и не существенно. В нужный момент судьба сама подскажет мне, что время пришло.

Я встаю, засовываю в ножны серебристый клинок и начинаю спуск по плавно уходящему в глубь земли тоннелю. Губитель!.. Милое прозвище, что и говорить.

После встречи с Керой Рагнвальд – поскольку его настоящее имя пока не ведомо нам, будем называть его так, – Рагнвальд торопливой поступью направился прочь от Холма Демонов. Он не ошибся. Печать Вечного Короля была на месте. Бедный мальчик пустил в ход такие силы, о подлинной мощи которых даже и не догадывался. Теперь придётся расхлёбывать. И это так некстати!..

Орда преградила ему путь незадолго до вечерней зари, когда странник находился уже довольно далеко от страшного места. Землю здесь иссекли длинные шрамы оврагов, точно нанесённые каким-то исполинским мечом. Заросшие мелким и густым ельником, со струящимися по дну ручьями, вспухшими от талых вод, эти овраги могли укрыть целое воинство.

Рагнвальд остановился на ночлег. Безо всяких магических штучек, покряхтывая, собрал хворост, потом свалил сухую лесину, соорудив добрую нодью, – должно до утра хватить. Выбил на трут искру, раздул пламя. Разгрёб снег, завалил лапником, завернулся в плащ и закрыл глаза.

Твари атаковали внезапно и со всех сторон. Казалось, ещё мгновение назад ничто не предвещало беды – не раздалось ни одного звука, не хрустнул ни один сучок, не колыхнулась ни одна ветка, – а вот теперь вечерние сумерки исчезли, сожранные сплошной волной чудовищ. Тела их плотно прилегали к телам, нигде ни малейшего просвета.

Рагнвальд вскочил на ноги в самую последнюю секунду. Кулаки его были плотно сжаты, глаза из-под кустистых бровей метали молнии ничуть не слабее Керы, от досады он даже прикусил губу. Резко опустил обе руки, словно отталкиваясь ими от земли, – и его не стало. Чудовища сшиблись друг с другом на том самом месте, где только что стоял удивительный странник, оставивший после себя только горящий костер.

Глубоко в диком лесу странное существо, наблюдавшее посредством магического хрустального шара всю эту сцену, издало удовлетворённое хрюканье. Хозяин будет очень доволен. Приказ выполнен в точности.

– Мас-стер! С-с-десь с-с-скала! Мой зас-ступ не берет камень!

– Терпи, Хисс, и долби как следует. Это свод тоннеля. Подземный ход не прокопан, не прорублен, а проплавлен. Понял, змеиная башка? Земля спеклась от жара. Но если мы пробьём крышу... Сейчас я кирку достану. И-эх! И-эх!.. И-эх!.. Видишь, поддаётся?!

– Ур-ра мудрому мас-стеру! Ур-ра! С-старый Хисс будет копать. У него очень болят лапы, но он будет копать, да-с-с-с!

– Ну-ка ещё раз!.. И ещё! И ещё! Крошку отгребай!.. Так!.. Так!.. Так!.. Так!.. Отгребай лучше, кому сказал?! Давай, немного осталось! Видишь, уже трещины пошли?.. Уф, устал. Поруби-ка ты.

– С-с-с! Мас-с-стер! С-с-старый Хисс не может...

– А я вот сейчас как возьму тебя за загривок, и мы тогда увидим, можешь ты или нет...

– Ах-с-с! Мас-с-стер! Но мои лапы вс-се в крови!..

– Так это потому, что работать не умеешь. Подумаешь, змеиный царь! Отродясь ни мотыги, ни заступа в руках не держал! У-у, убожество!.. И не зыркай на меня своими глазами. Тебе все равно со мной не справиться. Ни сейчас, ни потом. Так что лучше не криви рожу, а работай. Думай о жезле, который получишь, когда мы вернёмся к отцу!.. И помни, нам надо спешить, пока нас не опередили!

– Мас-с-стер, но я чую, здес-сь был чужак!

– Что?! Ты уверен, зелёный хвост?!

– Так же, как и в том, что я – лорд Хис-с, с-змеиный царь-с-с-с!..

– Гм... но Печать на месте. Ладно, копаем дальше! Кто бы тут ни был, нам выбирать не приходится. В крайнем случае будем драться!

- Да-с! Др-ратьс-ся, мас-с-стер! Давненько я уже не дралс-ся!
- Копай-копай... Я предпочту по-тихому добыть Печать и унести отсюда ноги. Сражения лучше вести с девицами в постелях...
- Мас-стер! Похоже, с-старый Хисс пробилс-ся!
- Ну-ка, ну-ка... Точно! Свод пробит! Теперь только расширить лаз... Заступом, заступом!.. Так, теперь вроде просунусь... Хисс, крепи верёвку!
- Ос-с-сторожнее, мас-с-стер!
- Ничего, не впервой... Так... Вроде крепко. Как только скомандую, тащи меня наверх. Лампу передай!.. Проклятье, даже простого огня колдовством не засветить!..
- Вс-сё в порядке, мас-с-стер?
- Да... Тут костей каких-то полно... Ага... Чувствую Печать... Приготовься, зелёный хвост, как только я сниму заклятье, здесь всё взлетит на воздух! Не успеешь меня выдернуть – пиши пропало. Сам погибнешь.
- Понимаю, мас-с-стер! Не бес-с-спокойтес-с-сь!
- Внимание! Начинаю!..

Я спускаюсь всё глубже и глубже под землю. За спиной, на поверхности, идёт какая-то малопонятная возня, но меня она сейчас не волнует. Пусть они делают что хотят. Мой путь вниз. Я не могу ошибиться – там, на дне, кроются океаны Силы. Мне она будет нелишней. Я чувствую, что повторная встреча с той красоткой, хозяйкой Оркуса, и её быкоподобным братцем едва ли пройдет мирно. А я хочу нанести им визит. Я ощущаю, как в душе медленно разгорается мрачный огонь. Думаю о тех попытках, которым подвергну эту парочку после того, как одержу победу, и мне становится приятно. Вроде бы я не должен так думать... вроде бы это нехорошо... Хотя почему нехорошо? Они могут пытать меня, а я не могу? А, ты спрашиваешь, чем же я тогда буду отличаться от них, тихий пушистый зверёк, обосновавшийся в моём сознании? Ты прав, мой милый, – ничем. Потому что я никогда от них ничем и не отличался. Просто я сильнее, вот и всё. И они боятся меня. Сей факт доставляет мне удовольствие, и изменить такое положение вещей не в моей власти. Для этого мне нужно перестать быть самим собой.

В тоннеле царит непроглядная тьма. Не обычный мрак, нет, в нём я вижу так же хорошо, как и на свету. Нет. Чья-то воля старательно заполнила воздух зыбким и липким туманом – специально, чтобы помешать таким, как я.

Таким, как я... Во имя Неназываемого, но кто же я всё-таки такой? Неужели же просто Губитель?..

Гладкие стены и пол. Повсюду кости. Здесь словно взорвалось специальное Огненное заклятье. Прах и пепел, пепел и прах. Я думаю о мирадах созданий, сгоревших здесь заживо, и мне вновь становится приятно. Это должен был быть славный бой. Меня не прельщает уничтожение ради уничтожения. Но в бою – я чувствую – нужна абсолютная беспощадность. И я уважаю тех, кто на неё способен.

Тоннель ведёт меня вниз долго, очень долго. Сколько именно – неважно, я ведь не нуждаюсь ни в сне, ни в еде, ни в питье. То есть я могу и есть, и пить, и спать, и получать от этого удовольствие, но если ничего этого нет, то прекрасно обхожусь безо всего.

И вот наконец пол подземного хода становится горизонтальным. Стены расходятся в стороны, и я оказываюсь в просторной пещере. Даже мне с моим зрением не разглядеть дальнюю от входа стену.

Я стою возле порога и смотрю. У пещеры нет пола. Вместо него пышущее жаром озеро тёмно-красного цвета. Вода в нём, если только это вода, тягуча, словно кисель. Поверхность кипит, и видно, как среди лопающихся пузырей проступают контуры отвратительных созданий – с лапами, пастями, щупальцами, крыльями... В них я ощущаю тупую и смертоносную

злобу. Они неинтересны. Они не способны упиваться боем и сражаться насмерть. Они даже не знают, что такое смерть. Их посылают в сражение, и они идут, делая единственное, на что способны. Кто же это развлекается тут подобным образом? Впрочем, неважно. Он делает доброе дело. Создаёт для кого-то врагов, которых можно уничтожать, борясь тем самым со скукой – самым страшным врагом живущих.

Вдоль края раскалённого озера вьётся узкая тропка. Иду по ней. Я чувствую великую силу, нагнетаемую откуда-то из глубины в это озеро, я собираюсь позаимствовать часть столь щедро растрачиваемой мощи. Для этого мне надо опуститься ещё глубже. Я не сомневаюсь, что найду путь.

Рагнвальд стоял на краю леса. Перед ним расстиралось тихое круглое озерко, солнце тонуло в пронзённых алыми копьями заката тучах. День кончался.

Это озеро лежало в двух днях пешего пути от Холма Демонов. Заклятие Перемещения отправило странника именно сюда – раз уж напала Орда и ему пришлось в значительной мере себя раскрыть, так уж хоть ноги по буреломам меньше сбивать пришлось. Здесь, у озера, имелось всё необходимое, чтобы исправить содеянное молодым волшебником у Холма Демонов, не нарушая при этом Закона Равновесия.

Рагнвальд посмотрел себе под ноги. Там лежала сумка, плотно набитая его сегодняшней добычей – травы и коренья, употребляемые здешними ведунами, лапка летучей мыши, вынутый заячий след, кусочек сброшенного лосиного рога, цельный медвежий зуб и в особом кожаном мешочке спящая муравьиная царица размером с ладонь взрослого человека.

Лесные обитатели не прятались от Рагнвальда. Волшебник, думали они, обычный волшебник... Правда, незнакомый, но так что с того? Осторожные лесные духи на всякий случай забивались поглубже в туман своих логовищ – вдруг пришелец решит, что они ему пригодятся, и бедняг властью чар заключат в крошечные коробочки – служить неведомому повелителю в его колдовских делах. Пущевые хеды тоже спешили убраться с дороги Рагнвальда – он не принадлежал к Кругам Злобных. Гурры какое-то время взирали на пришельца с любопытством, но, сочтя его обычным смертным чародеем, оставили в покое. Для них он был слишком силен.

И только один народ, феи, что-то заподозрили. Когда Рагнвальд очутился на границе цветущего майского луга, Цветочный народ весь, от мала до велика, бросился к нему. Прозрачные, словно у стрекоз, крылья били воздух, на крошечных прекрасных личиках написаны были восторг и обожание – чистых душой фей не обманул тщательно сработанный карнавальный костюм смертного волшебника. Рагнвальд поспешно отступил в лес, но было уже поздно. Неотступно следивший за ним через хрустальный шар нечеловеческий взор увидел всю эту сцену. Жёлтые клыки оскалились в усмешке. Вот и вторая удача. Хозяин будет уже не просто доволен, но очень доволен!

Собрав всё, что требовалось, Рагнвальд задумался. Открывать свое инкогнито он не хотел, но время было очень дорого. Лёгкий, неразличимый глазом жест – и он исчез. Разумеется, Читающий Заклятья прочёл бы в своём сверкающем Эфирном Шаре самое обычное заклинье Перемещения...

И вот он вновь, Холм Демонов! Теперь за работу... но стоп! Что здесь случилось?!
Печать!

– Мас-с-стер, мас-с-стер, ты так с-с-сейчас-с занят, ты произнос-с-сишь очень, очень опас-ные с-слова! С-старый Хисс и не с-знал, что ты с-знаешь такие... Ты не ус-с-слышишь меня, мас-с-стер, и не с-сможешь ничего с-сделать, и не с-станешь с-смеяться над великим с-змеиным царём... Ты выс-зываете Духов. Очень хорошо, с-старый Хисс будет с-знать... Каких Духов? Так, оч-чень, очень могучих: Арфаурэль, Дух Небес-сного Пламени... я и не

с-знал, что твоему отцу удалось с-закляс-сть его... Ибидрас-зиль, Дух С-звёздного Рассеянного С-света... С-самостанель, Дух С-за-родышей Жизни во Мгле... да, великая троица... Теперь они начинают с-снимать Печать... надрезать удерживающие её путы... остальное ты должен с-сделать с-сам, мас-стер... Так... путы подрезаны... Духи удаляются... надо же, такие с-сильные, могучие, а с-служат этакому с-скупердю, как твой батюшка, мас-стер... И уходят так с-скромно – ни пламени, ни блеска... А теперь тебе, похоже, мас-стер, удалось с-снять Печать...

– Хисс! Хисс! Тяни же, во имя всех богов! Тяни! Я совсем без сил! Ой! Чуть не выронил Печать... Да скорее же!

– Мас-стер! Вы с-сейчас уроните Печать!

– Нет! Ничего! Ты только тяни... тяни... тяни...

– Ты с-совсем ос-слаб, мас-стер... Дай руку...

– На... Стой! Печать! *Нem!* Хисс, тварь! Предатель!

– Ты с-смеялся надо мной, мас-стер. Твои пальцы ос-слабли, и я вырвал Печать. А теперь...

– Ах, у тебя ещё и нож! Нет! Нет! Не-ет!..

– Лети во тьму, мас-стер...

Грифон Эльтары взмыл в воздух. Ошарашенные обитатели хутора провожали сказочное существо взглядами: ничего подобного они доселе не видывали. Вместе со странной пришелицей исчез и не менее странный гном Двалин. Пропали и все его вещи – когда только собрать успел. Молодки скрипели зубами и беспричинно шпыняли своих кавалеров. Заменить в постели гнома не мог никто из них.

Двалину доселе не приходилось летать. Желудок гнома предательски сжался, ладони покрылись потом, он не мог заставить себя взглянуть вниз ни за какие земные и небесные сокровища. Однако он решил, что скорее сам спрыгнет со спины зверя, найдя быструю смерть, чем выкажет повелительнице Эльтаре свой испуг. Повелительница Эльтара... Гном вновь заскрежетал зубами. Он попался! Он стал рабом! Рабом, который не может ни бежать, ни восстать против своего господина! Древнее проклятие обрушилось и на его плечи; а он-то, гордец, считал подобную участь уделом лишь слабых душой, тех, что бежали на юг, спасаясь от тягот постоянной войны с Ордой и Нечистью. Что ж, от войны они и впрямь спаслись. А вот от Древнего Долга...

Невольно Двалин покосился на свою высеребренную секиру, заткнутую за пояс. Испытание было велико. Разом оборвать эти муки... поступить, как достойно воину Подгорного племени, воину, хаживавшему в рядах хирда против армады троллей Отпорного Хребта! В тот день под трупами на смертном поле скрылась земля, и многие годы там ничто не росло – столько пришлось впитать в себя Кормилице отравной тролличьей крови... Так неужто он не решится?! Ему хватит и доли мгновения. Вырвать оружие, размахнуться... и снести с плеч эту гордую, прекрасную и такую жестокую головку повелительницы Эльтары! Сколь бы могуча она ни была, руки Двалина волшебница остановить уже не успеет. Ясно, что после этого удара он, Двалин, проживёт лишь несколько секунд – пока будет длиться его свободный полет со спины грифона до земли. Но зато он умрёт, как подобает гному... и больше эта чародейка не сможет обратить в жалкого прислужника никого из Подгорного племени.

Пальцы Двалина медленно поползли по поясу, наконец нащупав тёплую рукоять. Медленно и осторожно гном потянул оружие вверх, сейчас он не думал о смерти. Его задачей стало вытащить секиру, а всё остальное уже не имело значения. Эльтара, казалось, ничего не замечает.

Обливаясь потом, гном дюйм за дюймом тянул оружие вверх. Несколько раз ему приходилось замирать, когда Эльтара шевелилась, и Двалину казалось, что повелительница вот-

вот обернётся. И мало-помалу ему удалось высвободить рукоять. Теперь оставалось нечто уже совсем простое.

Расширенными глазами гном смотрел в затылок своему прекрасному врагу. Как всякий из числа Подгорного племени, Двалин был равнодушен к красоте, тем более столь необычайной, как у его пленительницы. Ударить... разрубить череп... чтобы тонкое тело упало вниз сломанной игрушкой... чтобы роскошные волосы щедро залила кровь... и чтобы потом твари Орды вволю попиrowали над её бренными останками...

Гном никогда не бил в спину. В горячке боя, когда ты один против множества врагов, там уже не разбираешь, куда придётся смертельный удар – в грудь или в лопатку. Но здесь... подло и коварно ударить, раскроить голову той, перед кем его племя – а значит, и он сам – в громадном, до сих пор не оплаченном долгу... Двалин помотал головой. Глаза начинал разъедать пот. Как ни крути, умирать так глупо не хотелось.

Но и жить так тоже нельзя!

Секира медленно начала подниматься. Эльтара не оборачивалась.

Лезвие поднялось ещё выше. И тут волшебница запела.

Если бы это была чарующая медоточивая песня, Двалин, наверное, всё-таки ударил бы (по крайней мере, он старался уверить себя в этом). Но вместо этого раздались немудрёные, кое-как срифмованные вирши, в которых чувствовались и злость, и боль.

Я вёл полки к победе, в огонь,
Я шёл, круша города.
Я Гондора силу развеял в пыль,
Я стёр её навсегда.

Я вёл полки через сотни лиг
В огне, и в крови, и в боях.
И к Гавани Серой в свой час подступил,
Защитников вбив во прах.

И гордые башни огнём изошли,
По городу я шагал...
Когда Кирдэн, подняв свой клинок,
На площади главной встал.

Я Кирдэна силу своей превозмог,
Мой меч гордеца сразил.
Но тут юный хоббит с Кинжалом Судьбы
Дорогу мне преградил.

Ему победу Судьба отдала,
Мне сердце пробил клинок...
Кровавая тьма мой окутала взор,
И сам я предстал, одинок,

Пред тем тяжёлым и чёрным путём,
Что всех Родившихся ждёт.
И страшен, и скорбен был – как и для всех! —
Тот мой роковой полёт.

И дальше я помню лишь чёрную боль
Да страшный Валаров суд...

Эй, ты что, ты что?! – внезапно вскрикнула волшебница, загоразиваясь локтем. Грифон камнем ринулся к земле.

Отчего-то заслушавшийся Двалин упустил момент, неловко пошевелился, и Эльтара обернулась. Её взору предстал гном с занесённой для удара секирой...

Она бы уже не успела сотворить никакой волшбы. Но прекрасные глаза полнил такой ужас и, главное, в них читалось такое недоумение, что у Двалина дрогнула рука.

Грифон почти врезался в землю, так что Двалина изрядно потрянуло. Не отрывая глаз от лица Эльтары, он медленно убрал оружие обратно за пояс. Наступило молчание. Волшебница уже привела в действие защитные заклятья, но Двалин и не собирался нападать.

– Ты... хотел... убить меня? – изумлённо проговорила Эльтара. На сей раз она опустила словечко «презренный».

– Я хотел сделать это, – медленно вытолкнул слова из горла Двалин.

– Но ведь тогда... ты бы тоже...

– Лучше умереть, чем оказаться в рабстве! – гордо выпрямился гном.

– В рабстве? Но Древний Долг священен! – Глаза волшебницы вспыхнули гневом. – Ты обязан повиноваться мне, презренный!

– А я-то тебя пожалел... – тихо промолвил Двалин, чувствуя, как чужая сила пытается овладеть его сознанием, заставить руки опустить оружие. – Верно про меня говорили – дураком родился, дураком и помру. Нечего было сопли распускать. И не глазей на меня так, высокородная Эльтара! – Двалина внезапно понесло. – Твоя не менее высокородная сестра относилась ко мне несколько по-иному!

– Что ты сказал?! – Глаза Эльтары расширились так, что заняли половину лица. – Что ты сказал о моей сестре, гном?!

– Что слышала! – зло передразнил Двалин. – Твоя сестра осталась мной очень довольна... после одной весёлой ночи в форте Гэсар!

– Так это был ты... – прошептала Эльтара.

– Гном Двалин из Ар-ан-Ашпаранга, к вашим услугам. – Он издевательски поклонился. – Ты ведь даже не потрудились узнать моего имени! А вот твой почтенный родитель, насколько мне известно, назначил за мою голову столько огранённых бриллиантов величиной с кулак, сколько моя голова будет весить... Ну, чего зенки-то вылупила? Давай маши руками, твори это самое твоё волшебство! Мне терять уже нечего. Давай же, или я и в самом деле тебе голову снесу!

Грифон одним стремительно-неразличимым движением оказался между Двалином и Эльтарой, закрыв собой хозяйку. Орлиный клюв, острый и прочный, словно меч, был нацелен в грудь гному.

– Ну что ж, – философски заметил Двалин, принимая боевую стойку. – Так-то оно даже и лучше. Смерть в бою, как говорят, почётна и весела.

– Смерть всегда уродлива, отвратительна и страшна, гном, – с неожиданным спокойствием угрюмо сказала Эльтара. – Не бравируй этим и не зови Костлявую раньше отмеренного тебе срока.

– Но это не значит, что оставшийся мне срок я намерен прожить, отзываясь на кличку «презренный»! Давай, чего мы тянем, пускай своего зверя! Я надеюсь угостить его моей сталью. Сам варил и ковал. Ну, давай, мочи нет больше ждать!..

– Я пытаюсь приказать тебе, но ты не повинуюешься, – вдруг удивлённо сказала Эльтара. – Что с тобой, гном?

– Что со мной? Вот уж не знаю и знать не хочу! Ну так что, будем драться или как? А то моей секире уже скучно.

– Не повинуешься, не повинуешься... – лихорадочно шептала Эльтара, поспешно плетя какие-то заклинания.

– Эй! – Гном опасливо отодвинулся. – Ты это брось, слышишь? Ты на меня тут свою волшбу не напускай!..

– Помолчи, а? Я должна разобраться!..

– Что я тебе, каменная крыса, что ли?! – рассвирепел Двалин.

– Да, не повинуешься... – изумлённо произнесла Эльтара, опуская руки. – Древний Долг более над тобой не властен. Тебя, конечно, можно подчинить надлежащими заклятиями, но... тогда ты превратишься просто в куклу-марионетку. Это очень важно!..

– Я что-то тебя не понимаю, – устало выговорил гном.

Охватившее его боевое безумие слабело, серой волной накатывалась усталость. Сейчас ему уже хотелось, чтобы всё поскорее кончилось – неважно как.

– Я не могу больше тебе приказывать, – пояснила Эльтара. – Ты совершенно свободен. Можешь идти куда хочешь. Я в состоянии наложить на тебя чары... как и на всякого иного Смертного. Но не более. Теперь понятно?

– А... зачем ты говоришь мне всё это? – удивился гном. – Я замахнулся на тебя секирой. Я хотел прикончить тебя, а ты, вместо того чтобы натравить на меня своего зверя, растолковываешь все эти вещи!

– Ты глуп, – нахмурилась волшебница. – Я уважаю свободный дух, в ком бы он ни проявлялся! Ты – проявил, в отличие от всех твоих сородичей.

– А ты не бойшься... – начал было Двалин.

– Что ты расскажешь об этом другим гномам? – усмехнулась волшебница. – Нет, не боюсь. Слишком редок твой дар, Двалин. Слишком редок. Так что я предлагаю тебе – поступи ко мне на службу. Хозяйка я щедрая. Ты ведь знаешь, кто я на самом деле!..

– Знаю, – буркнул Двалин. – Наследная...

– Не здесь, – прервала его Эльтара. – Не в подобных местах. Ну как, договорились?

– Ты обидела Лиису... ты была донельзя высокомерна с людьми на хуторе...

– Великий Камень, никак не могу привыкнуть, что меня поучает гном, – вздохнула волшебница. – Ты знаешь что-нибудь о Законе Равновесия?

– Это когда Зло там, Добро всякое? – осведомился гном.

– Гм... никогда не слышала столь пренебрежительного отзыва... но в общем ты прав. Так вот, волшебник не может творить одни лишь добрые дела. Или одни лишь злые. Приходится выдерживать баланс. Так вот, сорванная юбка этой – как её? – Лиисы есть наивозможно низкая плата за право носить Белые Одежды. Теперь ты понял?

– Не совсем, но примерно, – отозвался озадаченный гном. – Значит, весь Древний Долг и все мои соплеменники-рабы на юге...

– Есть плата за возможность противостоять Смерти во всех её бесчисленных обличьях, Двалин. А теперь вставай. Нам пора к Холму Демонов.

Разумеется, я отыскал окольный путь вниз. И теперь спускаюсь по грубой лестнице, вырубленной прямо в коренной скале тысячи лет тому назад. Множество ног ступали по истёртым ступеням, множество ног и лап, принадлежавших странным, невиданным существам... Я вдруг с удивлением понимаю, что проложили этот путь и первыми прошли по нему отнюдь не люди и даже не гномы. Более того – даже не Перворожденные! Древняя злоба Сотворённых-в-Ночи – камни ещё хранили её след. Я помню их! Я помню! Ну да, это были они... мои первые враги в первой битве. Они становились то холмами, то реками, то озерами, стремясь сбить меня со следа, обмануть, скрыться... Но я настигал их. Они хорошо

дрались. Я вспоминаю их с благодарностью. И... они пытались защищаться. Они настойчиво пробивали свой путь в глубь земной толщи, стремясь овладеть Силой. Всё это я помню. Но вот помогло ли им это?..

И ещё – а зачем я с ними воевал? Почему мы стали врагами?

Ответа не было. Да я и не слишком стремился его найти.

Спиральная лестница привела меня в тесную камеру. Здесь не ходили, наверное, уже два или даже три десятка веков. В середине – круглый, грубо вытесанный каменный алтарь. Над ним – узкая дыра дымохода. Здесь сжигались жертвы. Сюда, привлечённые страданиями пытаемых, сползались Страхи Земные, возникшие едва ли не в первые миги Творения. Здесь Сотворённые-в-Ночи пытались перенять силу своих страшных гостей... Вряд ли это помогло Сотворённым.

Да, камни ещё помнят былую силу. И по следам той, давно канувшей, ныне идёт другая сила, новая, жестокая, беспощадная. Она остра и терпка. Я погружаюсь в её незримый поток, и он захлёстывает меня с головой.

Это невыразимо приятно. Сквозь завесу забвения начинают прорываться какие-то картины. Я замираю... но это совсем не те картины, которых я ждал.

Какие-то мирные изумрудные луга по берегам чистых голубых озёр, так похожих на доверчиво открытые Очи Земные. Хрустальные шпильки игрушечных замков. Милые грифончики, смахивающие на домашних котят. И люди. Точнее, создания, очень на них похожие. Я вглядываюсь. Ну конечно!.. Кто ж, кроме них...

Но откуда это во мне?

Откуда взялись эти слащавые картинки? Травка, лужайки, ручейки?! Во мне, всегда любившем лишь кровавые поля сражений, во мне, бившемся в бесчисленных войнах на всех мирах Великой Сферы? Я не знаю ответа. Слишком многое ещё покрыто мглой забвения. Первыми сквозь неё пробиваются чувства, затем, я не сомневаюсь, последуют и настоящие воспоминания.

Я жадно пью струящуюся сквозь земную твердь Силу. Я не нуждаюсь в заклятиях и тому подобной магической чепухе. Оставим это глупым колдунам, ещё не знающим, что, раз я появился в этом мире, настал их черёд готовиться к битве.

Каждая частица моего существа как будто перерождается под горячим, живительным дождём. Вливающаяся в меня мощь будит желания – пока ещё смутные и неотчётливые: выйти в одиночку против блистающего сонма полков... броситься в кровавую сечу, забыв обо всем...

Я знаю, что меня можно убить, что я не бессмертен. И это придаёт ожиданию боя особый, неповторимо пряный привкус. Если нет риска, то и в сражение идти незачем.

Разумеется, льющаяся из этого подземного русла Сила не способна насытить меня. Но она будит иную мощь, доселе дремавшую где-то глубоко на самом дне моего естества. И чем дальше, тем больше сил могу я черпать прямо из пронзающих весь мир Великих Потоков. Могу, но не хочу. Надо дать равные шансы и моим противникам. Решено – я не буду пользоваться своей внутренней мощью, пока не столкнусь с превосходящим меня противником. Возможно, это будет тот самый Возрождающий, о котором толковала Царица Ночи... Да, в этом мире у меня дел просто невпроворот. Возрождающий – раз. Тайна моего прозвища – два. Тайна «Чёрного», который «не желает ни с кем разговаривать». Тайна Бездны Неназываемого – подозреваю, что только с ним одним я и могу схватиться на равных. А ещё, наверное, этим миром правят какие-нибудь боги. Их тоже следует навестить.

Ну вот, достаточно. Меня переполняет Сила. Больше пока не надо. Нет никакого интереса идти через мир и знать, что никто не в состоянии преградить тебе дорогу. Оставим немного неизвестности. Да, я мог бы стать куда сильнее, но предпочёл не делать этого.

Итак, в обратный путь! Помню, что камни в тупике тоннеля запечатывало какое-то мудрёное заклинание, – отлично. С него-то мы и начнём.

Я поднимаюсь по каменным ступеням. Мне кажется, что глаза Сотворённых-в-Ночи из-под каменных плит провожают меня полными боли и ненависти взглядами. Быть может, этих существ ещё можно вернуть к жизни? Это было бы занятно – поболтать с ними теперь...

Огненное озеро встречает меня мраком и холодом. Я забрал себе всю предназначенную для него мощь, и оно угасло. Красная вода застыла, обратившись в кроваво-алый камень. В очертаниях застывших волн ещё угадываются пугающие контуры рождавшихся здесь созданий. Я отнял у них силу. Жаль – кто-то остался без врага. Но, быть может, поток Силы ещё возобновится?.. Хотя нет, едва ли. Без вмешательства открывшего этот канал здесь не обойтись.

Теперь в обратный путь – к поверхности этого мира. Мне нужен какой-нибудь могучий чародей, но не первый попавшийся, а тот, что смог бы открыть Врата Миров. Я чувствую себя в силах наведаться в гости к Царице Теней. Хотя... наверное, это было бы слишком просто. Нет, Губитель, нет. Сперва посмотрим, что нас ждёт наверху. Постараемся отыскать дорогу сами. Разузнаем про Бездну и про Возрождающего. И вообще, отдохнём немного от красно-чёрных магических пространств. Пусть глаза отойдут, взирая на трепещущую зелень лесов или на осенённую белым цветом пены голубизну морей...

Я иду вверх.

И когда позади остаётся уже примерно половина пути, я внезапно ощущаю там, впереди, готовую вот-вот разорвать тугую оболочку заклиний магическую Силу. Да, да, то самое мудрёное, прихотливое заклятье, которое я собирался снять... меня опередили.

В груди вскипает гнев. Как они посмели бросить вызов *мне*?

Я напрягаюсь. Да, пути сейчас разойдутся... и тогда тот, кто лежит сейчас возле завалившихся выход камней, обратится в ничто. Я чувствую его страх... его боль... однако он пытается встретить смерть мужественно.

Нет, ты не умрёшь так просто, парень! И я посылаю вперёд ничтожную частицу своей Силы, чтобы смягчить удар.

И тотчас же земля под ногами содрогается в жестокой корче. Чудовищной силы удар сотрясает стены, пол и потолок тоннеля. На голову сыплются обломки камней... а потом сверху внезапно рушатся громадные массы земли, погребая меня под собой.

Хисс, Хисс, грязный предатель! Ножом ткнул... Хорошо, кольчугу я догадался надеть... А и ловок же этот змеиный царь! Сколько он ещё своих собственных сил прибавил к мощи снятой Печати... Но почему же я тогда цел? Польшнуло, грохнуло, грянуло... а я ничего и не почувствовал. Слово кто-то щитом незримым прикрыл.

Да, опростоволосился ты, Хеорт! Батюшка теперь на тебя и смотреть не станет, к себе не допустит, обедать в людской велит, с гоблинами да троллями из обслуги... И поделом тебе, поделом! Поверил – и кому! – старой змее Хиссу! Проклятье, бок кровоточит... Сильная всё же эта бестия, ухитрилась кольчугу пробить. А я-то грозился его за загривок оттащить... Тут ещё неизвестно, кто бы кого оттащил.

Но кто-то всё-таки меня спас. Узнать бы кто! Не батюшка ведь, в самом-то деле. (От него дождёшься, как же!) И выбраться отсюда бы как-нибудь... Ишь, рвануло-то как – весь подземный ход обвалился. Придётся повозиться, пока примет не сооружу, хорошо ещё, что та дыра в потолке цела, которую мы с Хиссом пробили!.. Ну погоди, червяк-переросток, я до тебя доберусь! Пусть у тебя в руках одна из Великих Печатей... но сущность твоя от этого не изменилась. Проклятье, весь Хьёрвард пройду, если надо, к Граору Душителю в ученики подамся, но тебе, Хисс, всё равно отомщу!

Так... теперь встать... вот этот камень вроде ничего, сдвинуть можно... О! Проклятье! Из раны сразу кровь потоком... Перевязать бы как-нибудь...

Рагнвальд оказался у Холма Демонов через несколько мгновений после взрыва. Местность изменилась разительно. Вершина бугра исчезла, точно срезанная громадным мечом. Холм уменьшился едва ли не вполовину.

Ошибки быть не могло – кто-то опередил его и снял Печать. Снял, нарушив все мыслимые магические законы, и теперь Рагнвальд, побледнев, молча смотрел на полуразрушенный Холм. Перед его мысленным взором вставали картины новых бедствий, что теперь обрушатся на эту и без того несчастную землю. Он опоздал. Проклятый Закон Равновесия сработал.

За спиной Рагнвальда шевельнулись ветки, и волшебник резко повернулся.

– Привет, – на не ведомом ни людям, ни гномам, ни даже Перворождённым эльфам языке сказало существо. На краю леса стоял паук с человеческим лицом – надо сказать, приятным и мужественным мужским лицом. Волевой подбородок, виски чуть тронуты седью...

Рагнвальд нахмурился.

– Я так и знал, что это твоих рук дело, – на том же языке ответил он. – Но не слишком ли ты много на себя берёшь? И ты придумал всё это безобразие сам или только выполнял волю хозяина?

– Ну, Судья, зачем же так много вопросов? – делано удивился паук. – Я ведь очень давно хотел повидаться с тобой – как же, столько разговоров!

– Твой Тёмный Властелин совсем потерял страх и совесть, – осуждающе заметил Рагнвальд.

– Хоть ты и Судья, а до него тебе не дотянуться, – злорадно заметил паук. – Лучше давай померяемся силами.

– А твой повелитель не боится потерять такого полезного и преданного слугу? – осведомился Рагнвальд, выставляя вперёд левую ногу и сжимая кулаки, словно собравшийся драться деревенский мальчишка.

– Ха-ха! У моего повелителя тысячи тысяч таких, как я! Лучше бы тебе, Судья, перестать ломаться и принять давно предложенный пост. На самой верхней ступеньке трона Повелителя Зла! Подумай, Судья!

– Ох, с тобой говорить, только время терять. Ты хотел дуэли? Тогда начинай. У меня уйма дел.

– Смотри, пожалеешь – поздно будет, – прошипел паук.

Внезапно он привстал на задних лапах, так что передние поднялись в воздух. За его спиной до самых небес встала стена ревушего пламени. Вокруг передних лап заметались огненные языки, стремительно складываясь в кривой широкий меч-ятаган. Клинок взмыл вверх и рухнул, словно раскалывающая горы тёмная молния.

Рагнвальд-Судья сделал шаг назад и вскинул над головой согнутую в локте руку. На миг она окуталась серебристым сиянием; столкнувшись с ним, огненный меч паука разлетелся облаком быстро угасших искр. Сам волшебник пошатнулся, но устоял.

– Гр-р-х-м-м... – вырвалось у паука. По его лицу прошла гримаса боли. – Что-то ты больно ловок, Судья!

– А ты ждал, что я тотчас паду перед тобой ниц и взмолюсь о пощаде? – саркастически осведомился Рагнвальд, в свою очередь переходя в наступление.

Волшебник и в самом деле дрался голыми руками, не нуждаясь ни в мече, ни в доспехах. Одним прыжком он оказался совсем близко к пауку.

Облачённый в серебристое сияние, точно в латную перчатку, кулак Рагнвальда грянул прямо между глаз монстра. Паука отшвырнуло, человеческое его лицо мгновенно покрылось кровью, однако на ноги он вскочил удивительно легко. Зарывав, он ринулся на волшебника, но тот встретил его хорошо рассчитанным ударом – ногой в сустав левой передней лапы паука. Хруст, треск, конечность подломилась, и монстр вновь грянулся оземь.

– Тебе хватит или продолжим? – сдержанно поинтересовался Рагнвальд.

Паук не ответил. Из рта монстра вырывалось хриплое рычание. Конечности судорожно скребли землю, брюхо дёргалось. Внезапно шкура чудовища начала с треском лопаться, словно рассечённая невидимым мечом; в разрывах закипела белая жидкость. Целые пласты чёрного панциря начали отваливаться, спустя несколько мгновений на месте паука остался бесформенный ком наподобие обычного сугроба. Миг – и его распорола изнутри алая молния. Кокон из белой затвердевшей пены распался надвое, и перед Рагнвальдом появился новый противник – существо, напоминавшее гигантского скорпиона, уже безо всякого сходства с человеком.

Коричневые жвала источали яд. Там, где капли падали на траву, тотчас вспыхивало пламя. Гибкий хвост со смертоносным жалом изогнулся, нацеливаясь в грудь волшебнику. Клешни угрожающе щёлкнули.

Рагнвальд прищурился, как-то искоса взглянул на грозное чудовище перед собой и двинулся в новую атаку. Обманув тварь ложным боковым замахом, волшебник изо всех сил ударил по правой клешне. Раздался хруст, разможжённая конечность бессильно повисла, но тут скорпион ударил хвостом. Волшебник уже не успел уклониться, и черное жало, источающее ядовитую слизь, вошло ему в грудь. Окровавленный наконечник жала высунулся из спины.

Тело беззвучно рухнуло в траву. Скорпион несколько мгновений удивлённо смотрел на труп, а потом внезапно воздел уцелевшую клешню, и окрестности сотряс мощный голос:

– Я убил его! Повелитель, я наконец убил его – Судью! Я победил! Я самый великий в Воинстве Зла! Я убил Судью!

Вопли эти отнюдь не свидетельствовали об умственной силе сего существа. Тело Рагнвальда лежало неподвижно, только веки слегка задрожали, словно от еле-еле сдерживаемого смеха.

Послышалось хлопанье мощных крыльев. С неба по крутой спирали стремительно спускался среброкрылый грифон. Скорпион замер, глядя на нового врага.

– Смотри, чудовище! – вскрикнула Эльтара, указывая вниз. Там Рагнвальд как раз пошел в свою погибельную атаку. – И человек! Бьётся с ним! Надо помочь!

– Как бы нам самим себе помочь... – проворчал здравомыслящий гном, но было уже поздно. Лапы грифона коснулись земли, а сама Эльтара, гордо подняв голову, пошла прямо на чудовищного скорпиона. Рядом с хозяйкой двинулся грифон, о Двалине в суматохе все позабыли.

– Р-родгар, вот тварь-то какая... – побелевшими губами прошептал гном, поудобнее перехватил секиру и начал подкрадываться к зверю со спины.

Скорпион прижался к земле, словно готовясь к прыжку. Опустошённое жало ещё не накопило новой порции яда; зная это, Эльтара не собиралась мешкать.

Ладони волшебницы зачерпнули из воздуха пригоршню чего-то невидимого и с размаху выплеснули – в воздухе заискрилась снежно-белая сеть; скорпион отмахнулся уцелевшей клешней. Нити впились было в твёрдый панцирь твари, напряглись – и лопнули, не выдержав. Эльтара слабо вскрикнула и пошатнулась.

Защищая хозяйку, грифон яростно заклекотал и заслонил её собой. Удар передней лапы отбросил потянувшуюся было клешню, но даже грифон не смог устоять перед натиском

чудовища. Скорпион сшибся с крылатым зверем грудь в грудь, и, хотя когти и клюв грифона оставили глубокие рваные раны на боку и плоском брюхе чудовища, оно не остановилось. Подмяв под себя грифона, тварь потянулась ядовитыми жвалами к замершей Эльтаре. Сотканный волшебницей жемчужно-призрачный щит разлетелся вдребезги под натиском тупой чёрной морды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.